

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
имени П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 5 (44)
2014

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор – **В.Л. Чепляев**
Зам. главного редактора – **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **Д.В. Акаев**

Редакционный совет:

Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук; **О.А. Лиценбергер**, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук; **Е.Ю. Сидорова**, д-р экон. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 - 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – май 2012 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2014

№ 5 (44)
2014

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
F O R C I V I L S E R V I C E

Science journal

Founder:

***The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration***

Editor-in-chief: **V.L. Chepliaev**
Deputy editor-in-chief: **O.N. Fomin**
Executive secretary: **D.V. Akaev**

Editorial council:

L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),
N.I. Merkulshkin (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, *Doctor of Science (Philosophy)*;
V.V. Gerasimova, *Doctor of Sciences (Economics)*;
V.M. Dolgov, *Doctor of Science (History)*;
O.A. Litsenberger, *Doctor of Sciences (History)*;
A.V. Ryazanov, *Doctor of Sciences (Philosophy)*;
E.Yu. Sidorova, *Doctor of Science (Economics)*;
Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sciences (Sociology)*;
O.I. Tsybulevskaya, *Doctor of Sciences (Law)*;
S.E. Channov, *Doctor of Science (Law)*;
T.I. Chernyaeva, *Doctor of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2014

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

G.V. Morozova
**Modernization of the National
Education System:
Results and Assessment**

Results of the modernization policy in the field of education are analyzed. Recent changes at all levels of the national education sector in the ratio of the given tasks and their performance assessment are considered. It is concluded that the ongoing reform has not solved many problems posed.

Key words and word-combinations: modernization, national education system, effectiveness, reforms.

Анализируются результаты политики модернизации в сфере образования. Рассматриваются произошедшие изменения во всех звеньях отечественной образовательной отрасли в контексте поставленных задач и оценок выполнения. Делается вывод о том, что осуществляемая реформа не решила многие задачи.

Ключевые слова и словосочетания: модернизация, отечественная система образования, результативность, реформы.

УДК 371
ББК 74.04

Г.В. Морозова

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ИТОГИ И ОЦЕНКИ

Трактовка категории «модернизация» отличается многозначностью в рамках и различных наук, и одной научной дисциплины. В самом общем виде под модернизацией имеют в виду процесс перехода от традиционного общества к современному, с которым отождествляются все прогрессивные социальные изменения во имя всеобщего блага. Начавшаяся в России политика модернизации включает не только переустройство экономической системы, но и преобразования в политической сфере, социальной системе, связанные с решением проблем детей, стариков, формированием среднего класса, изменением состояния дел в системе здравоохранения, улучшением медицинского обслуживания населения, развитием духовной культуры [1].

Важной составляющей модернизационного процесса является реформа в сфере отече-

ственного образования. Как любой развивающейся системе, образованию необходимо обновление с целью адаптации к меняющейся среде, новым условиям и требованиям, особенно в современном мире с его беспрецедентной динамикой, взаимозависимостью и усложнением общественных взаимодействий. Вместе с тем система образования как определенная совокупность принципов, устойчивых институциональных форм и информационных кодов отличается определенным консерватизмом, хрупкостью структур, необратимостью их восстановления и не поддается революционным методам управления и развития. В связи с этим политика в области образования требует особой тщательности, взвешенности при подготовке решений, связанных с его реформированием. Любые повреждения или необдуманная искусственная ломка сложившихся институтов могут привести к катастрофическим и необратимым последствиям. В период реформ преобразования в образовательной системе России привели практически к ее разрушению, включая и высшую школу. Ликвидация централизованного государственного управления образовательной отраслью фактически уничтожила критерии организации учебного процесса в вузах и контроль за содержанием преподаваемых предметов, объемом учебных часов, следствием чего стало нарушение интересов будущих специалистов и их потребности в тех или иных знаниях. Сформировался огромный сектор платных образовательных услуг, особенно в системе высшего образования, с невысоким уровнем подготовки специалистов и низким качеством знаний обучающихся. Образовался разрыв между подготовкой кадров специалистов и спросом на рынке труда, принявший форму глубокого общественного противоречия.

Хотя российская система образования по многим параметрам по-прежнему оставалась одной из лучших в мире (в конце 1990-х годов Россия имела сопоставимые с развитыми странами «Семерки» показатели, например, по индексу уровня образования – 0,92, уровню грамотности населения – 99%), но в ней нарастали проблемы, формировался потенциал отставания страны от мировых тенденций экономического и общественного развития. Модернизация отечественной системы образования стала настоятельной необходимостью. Основные принципы образовательной политики России, направленные на решение задач перехода страны к рыночной экономике, формирование социально ответственного государства, были определены в Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 г., закреплены в Законе РФ «Об образовании», Федеральном законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Главная задача модернизации отечественной системы образования заключается в сохранении места России в ряду ведущих стран мира, ее участии в процессе развития единого образовательного пространства европейских стран. Пути осуществления системных изменений по основным направлениям развития образования России были определены Приоритетным национальным проектом «Образование» (2005 г.), Федеральной целевой программой развития образования на 2006–2010 гг. и на 2011–2015 гг. и легли в основу организации работы по формированию современной модели отечественного образования. Она ориентирована на внедрение в образовательный процесс новых информационных сервисов, систем, технологий обучения, обучающихся

программ, широкое использование процедуры независимой оценки в деятельности образовательных учреждений с целью повышения результативности образовательной системы, усиления контроля над процессом обучения.

За период модернизации образовательной отрасли в 2000-е годы в ней произошёл целый ряд изменений, которые нельзя оценить однозначно. К числу позитивных сдвигов следует отнести поэтапное увеличение расходов на систему образования с тем, чтобы через 25 лет вывести финансирование образования на уровень развитых стран. Так, была разработана Программа информатизации с 2001 г. всей сферы российского образования, ресурсное обеспечение которой составило порядка 40 млрд рублей из всех источников. Это самая масштабная программа в области образования и одна из самых крупных среди всех отраслей народного хозяйства страны за последние десятилетия. Положительный результат политики модернизации дала реализация мер по оптимизации сети сельских школ, в том числе по укреплению и развитию учебно-методических и материально-технических баз сельских школ (в стране из 68 тыс. школ две трети – сельские). Были приняты управленческие решения по увеличению оплаты труда преподавателям школ. В итоге начиная с 2000 г. значительно уменьшилась задолженность по заработной плате учителям, а в 2001 г. более половины субъектов РФ ввели собственные надбавки работникам образования. Вместе с тем вопреки обещаниям государственной власти зарплата работников образования остается пока на прежнем низком уровне.

К позитивным изменениям в системе образования следует отнести развитие вариативности обучения. Наряду с бюджетной системой образования сформировался значительный сектор частных образовательных услуг. Государственная средняя общеобразовательная школа оставалась бесплатной, а для высших учебных заведений разработан механизм оплаты обучения. В 1999 г. студентов, оплачивающих обучение (в государственных вузах и частных), было 46%, в 2000 – 51, в 2001 г. – уже 53% и т.д. Начиная с 2005 г., по данным Госкомстата, доля студентов, обучающихся на платной основе, в общей численности студентов государственных и негосударственных вузов превышает 60%. Рост расходов населения на образование наблюдался на протяжении всех 2000-х годов, он регистрируется официальной статистикой как объем платных услуг. В реальном выражении он составлял 10–17% [2]. По некоторым оценкам, более 50% платных услуг в образовательной сфере находится в «тени» [3, с. 80–81]. Но даже если эти данные и являются завышенными, тем не менее это означает, что доля частных расходов на образование в ВВП существенно занижена. В целях реализации равенства шансов получения высшего образования, в том числе в ведущих вузах страны, для обеспечения честной и гласной оценки качества преподавания в школах для абитуриентов из разных регионов и слоев общества были введены единые государственные экзамены. Оценка специалистами в области образования ЕГЭ далеко не однозначна. Справедливой критике подвергается тестовая форма проверки знания. Как любой унифицированный формат, он ориентирован на упрощенность

знания, не позволяет выявить творческий потенциал учащегося, способность его к мыслительной деятельности и ее развитие. К тому же существуют систематические нарушения в процедуре проведения ЕГЭ, что усиливает неадекватность оценки знаний учащихся.

В ходе реформирования отечественной системы образования стала складываться новая сеть учебных и учебно-образовательных центров. Она включила традиционные университеты, которые получили статус исследовательских центров. Были созданы федеральные университеты. Предполагается развивать специализированные вузы как центры концентрации российской науки. По-новому стало формироваться обучение в учреждениях системы высшего образования России. Оно включает две подсистемы: одноуровневую (традиционную), обеспечивающую реализацию основных образовательных программ подготовки дипломированных специалистов по соответствующим специальностям, и двухуровневую. Ее внедрение началось с принятия в 2007 г. Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с установлением обязательности общего образования» и Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)» [4; 5]. Каждая ступень двухуровневой системы представляет целостную программу подготовки по высшему профессиональному образованию, предполагающую последующее присуждение выпускнику степени «бакалавр» или «магистр» [6, с. 107–108]. С принятием в 2012 г. Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в вузовский образовательный процесс была введена третья ступень – аспирантура [7]. Складывающаяся сегодня мотивационная динамика обучающихся, к тому же в основной массе своей со средним интеллектуальным потенциалом, является одним из факторов снижения уровня отечественного образования. Негативная тенденция в мотивационном механизме формируется и у профессорско-преподавательского состава. Низкий уровень оплаты труда преподавателей вузов привел к изменениям в структуре штатного расписания. Штатный преподавательский персонал вузов увеличился менее чем на одну треть, а доля преподавателей, работающих на 0,5 и 0,25 ставки, выросла более чем в три раза [3, с. 88–89]. Рост количества совместителей в вузах свидетельствует о том, что для значительной части преподавателей вуз перестает быть основным местом работы.

В связи с этим переход к западной модели образования не только не будет способствовать выводу образовательной сферы из переживаемого ею тяжелейшего кризиса, но уже сегодня порождает новые негативные тенденции. По мнению международных экспертов, введение двух циклов в системе высшей школы привело в основном к структурным изменениям, а не к повышению качества образования [8]. Проблемы обучения выявились и на второй ступени современного высшего образования – магистратуре, прием на которую не предусматривает наличие базового профильного образования, что само по себе делает уязвимым обучение в этой системе. До настоящего времени магистратура не имеет соответствующего ни нормативного, ни методического обеспече-

ния, отсутствуют четкие образовательные критерии по специализации магистров. В свою очередь, рынок труда тоже не среагировал на нововведения в отечественной системе образования и не определил профессиональные требования в отраслях народного хозяйства к статусу магистра, что не формирует мотивационный механизм данной формы обучения. Таким образом, изначально оказалась нереализованной центральная идея двухступенчатой модели образования – обеспечить формирование профессионально ориентированных компетенций магистров, дополняющих компетенции бакалавров. Ее реализация должна была осуществляться за счет индивидуальной образовательной траектории магистра, в формировании которой определяющую роль должна играть академическая мобильность студентов. Сегодня ее осуществление практически невозможно из-за несоответствия учебных планов вузов, финансовой необеспеченности и т.п. [9].

Нелучшие результаты дало и введение новой системы контроля знаний обучающихся. При отсутствии единой централизованной системы оценки знаний и успеваемости студентов практически никак не регламентируется организация балльно-рейтинговой системы в вузах, поэтому каждый вуз в меру своего понимания внедряет эту систему в учебный процесс. Подобная организация оценки знаний и успеваемости студентов придает учебному процессу формалистский характер, не стимулирует на должном уровне активности учащихся в усвоении знаний и навыков, не способствует развитию творческого потенциала студенчества. Нельзя не учитывать и тот факт, что введение системы взаимозачетов кредитов и модульный подход нарушают сложившуюся в отечественном образовании организацию учебного процесса, базирующуюся в соответствии с государственными стандартами на попредметной основе.

Еще более проблемная ситуация в обучении на третьей ступени отечественной системы образования – в аспирантуре. В соответствии с законом учебный план оставляет за рамками учебного процесса подготовку диссертационного исследования, что создает дополнительные преграды для талантливой молодежи при получении научных степеней, должностей и званий и оставляет открытым вопрос о сфере профессионального применения выпускников аспирантуры. Функционирующая в таком формате система образования не способна разрешить главное противоречие между подготовкой специалистов в высшей школе и спросом на рынке труда. Таким образом, в нашей стране реализация Болонских стандартов повлекла коренное изменение, по сути, фундаментальную ломку всей образовательной системы, что чревато негативными последствиями, существенными издержками. Неслучайно стал падать как уровень выпускаемых специалистов, так и качество российского образования. Одним из аргументов перевода отечественной образовательной системы на многоуровневую модель стало мнение, разделяемое не только властно-управленческой элитой, но и некоторыми представителями педагогического сообщества России, что многоуровневость – это неперемный атрибут, матрица мировых образовательных систем, современная образовательная традиция, обеспечивающая непрерывность образовательного процесса [10]. Вместе с тем система образова-

ния в советский период строилась как многоуровневый процесс, обусловленный особенностями экономического развития страны, ее многонациональным составом, культурным наследием, историческими традициями.

Отечественная система образования, включающая несколько ступеней, обеспечивала непрерывное формирование у обучающихся основ глубокого целостного восприятия изучаемых процессов, способности системного мышления и обновления полученных знаний, переобучения. Именно эта многоступенчатая система советского образования была разрушена и структурно, и содержательно в период реформ. В связи с этим корректнее рассуждать о возвращении отечественного образования к многоуровневому формату как наиболее адекватному современным условиям общественного развития. Так, реформирование системы образования в России в 2000-е годы с заданной ориентацией на полную интеграцию в европейскую модель многоуровневой системы образования должно вестись с учетом отличий российской системы от европейского многоуровневого образования и по принципам организации, и по содержательному наполнению. Таким образом, меры, предпринятые по модернизации системы образования в России, не дали ожидаемых результатов. Эту оценку разделяют и обучающиеся.

По результатам исследований, проведенных нами среди студентов казанских вузов, единодушия в оценке студенчеством реформ, проводимых в системе отечественного образования, нет. Практически каждый второй (46,4%) участвующий в опросе считает, что образование в России ухудшилось в результате реформ и идет разрушение системы обучения (таблица).

**Мнение респондентов об изменениях
в системе отечественного образования в период реформ**

Какие изменения произошли в системе образования России за последние пять лет?	%	Ранг
Ничего не изменилось	6,1	7
Стало хуже, идет разрушение отечественного образования	46,4	2
Школы материально оснащаются, в том числе компьютерами	45,2	3
Повысилась зарплата преподавателей в школах, вузах	12,4	6
Государство не несет ответственность за образование	12,8	6
Выпускники школ не знают основные предметы	50,5	1
У молодежи увеличились возможности выбора образования	23,5	5
Растет доля платного образования	30,0	4
Другое	0,4	9
Затрудняюсь ответить	2,0	8

Самым серьезным негативным последствием проводимого реформирования отечественной образовательной школы, по мнению обучающихся, является низкий уровень получаемых знаний. Наибольшее число опрошенных (50,5%) убежде-

но в том, что сегодня выпускники средней школы не знают даже основные предметы. Среди отрицательных тенденций в развитии отечественной школы респонденты назвали коммерциализацию образовательных услуг, в чем убеждена почти треть участвующих в исследовании, отметивших рост доли платного обучения. Особую обеспокоенность увеличением платного образования высказали респонденты, проживающие в поселках городского типа, где таких оказалось в 1,3 раза больше среднего показателя. В качестве причины, приведшей к снижению уровня образования в России, опрошенные назвали безответственное отношение государства к отечественной образовательной системе. Это мнение разделяет каждый восьмой респондент (12,8%). Вместе с тем мнение студентов о последствиях проводимого реформирования высшей школы нельзя определить как исключительно негативное. Опрошенные признают такое положительное изменение в системе образования, как улучшение материального оснащения школ, в том числе компьютерной техникой, что подчеркнула почти половина опрошенных – 45,2%. Особенно заметные изменения произошли в развитии материально-технической базы сельских школ, поскольку среди респондентов из села оказалось в 1,5 раза больше отметивших получение школами компьютерной техникой, чем в целом среди опрошенных. Практически четверть респондентов (23,5%) считают положительным сдвигом в отечественном образовательном процессе увеличение у молодежи возможности выбора образования. Особую значимость этот результат реформирования системы образования имеет для опрошенных из сел, среди которых в 1,4 раза больше указавших на это позитивное изменение. В качестве положительного результата модернизации респонденты (12,4%) назвали повышение заработной платы преподавателям в школах, вузах. Однако если суммировать полученные результаты по оценке студенчеством реформ в отечественной системе образования, то очевидно, что доля неудовлетворенных их итогами существенно больше [11, с. 24].

Таким образом, осуществляемая реформа не решила многие поставленные задачи. Сохраняется недостаточное государственное финансирование образовательных учреждений, особенно вузов, что ведет к сокращению бюджетного и увеличению коммерческого приема студентов, в том числе по непрофильным специальностям для вузов, к сохранению отсталости материально-технической базы высшей школы, особенно в наукоемких отраслях, низкой оплаты и старения преподавательского состава. Россия занимает 110-е место в мире по доле расходов на образование по отношению к ВВП – 4,1% [12]. Обозначился резкий рост вспомогательного персонала вузов (до 50% штатной численности), формируется усложненная бюрократизированная система управления, отвлекающая ресурсы и внимание от учебного процесса, обеспечения его эффективности, необходимости повышения уровня научно-методической работы в вузе, овладения и использования современных методов и технологий обучения. Переход на Болонскую модель образования не позволил преодолеть значительную дифференциацию в уровне и качестве образования, особенно столичных и периферийных вузов, сохраняется большое количество псевдоуниверситетов.

Осталась нерешенной проблема трудоустройства выпускников вузов. Сохраняется технологический разрыв России с экономически развитыми странами, снижается конкурентоспособность отечественного высшего образования.

Сложное положение, в котором оказалась система образования, закономерно. Начиная с середины 1980-х годов она подвергалась постоянному реформированию. Как любая сложная и инерционная социальная система, образование неспособно перестроиться быстро, но решающая причина неудач процесса модернизации отечественной образовательной системы связана с субъективным фактором, с просчетами в образовательной политике. Реформы в сфере образования осуществлялись методом проб, без предварительного детального анализа состояния, существующих проблем и запросов общества к образовательной сфере, должного научного обоснования стратегических целей и направлений развития отечественного образования, тщательного просчета необходимых ресурсов. Вместе с тем нельзя отрицать осознание и российской правящей элитой, и общественностью значимости новой роли образования в XXI в., когда образование, по словам известного отечественного эксперта И.М. Ильинского, должно носить упреждающий, опережающий характер, способствовать конструированию и строительству новой реальности, отвечать вызовам глобального мира, формировать жизнеспособную личность [13, с. 240].

Библиографический список

1. Яковлев А. Агенты модернизации // Рос. газ. 2011. 4 февр.
2. Образование в Российской Федерации: статистический ежегодник. М., 2005.
3. Обзор социальной политики в России: Начало 2000-х / под ред. Т.М. Малевой, Н.Б. Зубаревич, Д.Х. Ибрагимов [и др.]; Независимый институт социальной политики. М., 2007.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с установлением обязательности общего образования». М., 2007.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)». М., 2007.
6. Батанина И.А. Многоуровневая система образования: особенности и перспективы // Успехи современного естествознания. 2008. № 7.
7. СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.
8. Байденко В.И. Мониторинговое исследование Болонского процесса: некоторые результаты и взгляд в будущее // Высшее образование в России. 2009. № 7. С. 151.
9. Кузнецова В.И. Магистратура: проблема становления // Высшее образование в России. 2011. № 1. С. 47–48.
10. Гударенко Ю.А. Многоуровневая система высшего профессионального образования как объект социологического анализа // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 147–158.
11. Социальное самочувствие студенческой молодежи г. Казани: по результатам социологического исследования / Г.В. Морозова, Д.Г. Мюллер, В.В. Лаптев; под ред. А.И. Остроумова. Казань, 2012.
12. Радзиховский Л. Почва – судьба // Рос. газ. 2014. 8 апр., № 79 (6351). С. 3.
13. Ильинский И.М. Образовательная революция. М., 2002.

S.S. Ivanov
**Legitimacy as a Phenomenon
of Political Culture**

The concept of legitimacy as a political culture phenomenon is analyzed in the context of legal and political space of different historical periods. The conclusion on the socio-formational, and cultural and historical conditionality of basic types of state power legitimacy is drawn.

Key words and word-combinations: legitimacy, law, politics, culture, ideology, spirituality.

Анализируется понятие легитимности как феномена политической культуры в контексте правового и политического пространства разных исторических периодов. Делается вывод о социально-формационной и культурно-исторической обусловленности основных типов легитимности государственной власти.

Ключевые слова и словосочетания: легитимность, право, политика, культура, идеология, духовность.

УДК 316.75:32
ББК 66.05

С.С. Иванов

ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема легитимности государственной власти – одна из важнейших в политической теории и практике – особую актуальность приобретает в периоды радикальных социально-экономических преобразований, когда проверке подвергается народное доверие к власти, а следовательно, и ее общественно-политическая стабильность. В отечественной науке вопросы легитимности не имеют сформировавшейся исследовательской традиции в силу целого ряда причин научно-теоретического и исторического характера, порожденных спецификой политических отношений в России. И в дореволюционное время, и в советский период данная тема оставалась запретной для историографии и политической науки, поскольку для властей предрержащих обычно свойственно проводить политику самосохранения. Интерес к данной проблеме возродился в связи со структурными политическими и экономическими трансформациями, произошедшими в странах «мирового социалистического лагеря», отказавшихся от тоталитарной модели политической организации общества. Легитимность государственной власти в общественном сознании сегодня ассоциируется в первую очередь с ее правозаконностью, связанной с признанием в качестве приоритетной цели обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также способностью эффективно осуществлять функции государственного управления.

Понятие легитимности, на наш взгляд, означает общественное признание, обосно-

ванность и необходимость политической власти и деятельности ее представителей, то есть легитимность характеризует законность власти. Во все исторические периоды вопросы правозаконности власти связывались, как правило, с соблюдением порядка престолонаследия или демократических процедур ее формирования в рамках превентивной политики. Первая государственная власть, по мнению испанского мыслителя Ортеги-и-Гассета, рождается в обществе в тот момент, когда религиозно оформляются его представления о мире. Именно тогда появляются первый постоянный авторитет и первая постоянная государственная функция царя-жреца, верховного понтифика, что является началом формирования государственности: «Первоначальная легитимность, прототипная, единственная, компактная, насыщенная, всегда принадлежала у всех народов Царю по милости Божией. В чистом виде другой нет. <...> Монархическая легитимность первородна, образцова и прототипна. Поэтому она единственная является первоначальной и в скрытом виде продолжает присутствовать под всеми другими формами» [1, с. 67].

На смену первоначальной, полной, легитимности государственной власти в Афинах и Риме периода царей приходит легитимность другого типа, которую Ортега-и-Гассет называет несовершенной, или «демократической», основанной на выборе главы государства народом. Такая легитимность, по убеждению философа, нуждается в последующем подтверждении на практике на основании результатов эффективности правления. Эта вторичная, неполная, легитимность требует двойного оправдания: первоначального консенсуса большинства в момент коллективного волеизъявления и последующего объективного оправдания власти результатами ее деятельности.

В античной философии представление о справедливой государственности, включая ее важнейший параметр – легитимность, трактовалось как результат обязательного взаимодействия власти и гражданского общества. «Правильное» народоустройство, по мнению Сократа и Платона, обеспечивается реализацией принципа верховенства права, что в соответствии с современной терминологией означает осуществление нормативно-ценностной легитимности государственной власти. При этом основными критериями «правильной» формы правления и общественного устройства (монархия, аристократия, полиция) становились уровень политической свободы граждан в государстве и степень их политического участия в делах государственного и общественного управления.

Идеальное государство трактуется Платоном как осуществление духовных ценностей и максимально возможное воплощение мира идей в общественно-политической жизни полиса. Конструируя идеальное общество, философ проводит аналогию между справедливым человеком и справедливым государством: «Заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие – это и есть справедливость» [2]. Идеальное государство характеризуется, по меньшей мере, четырьмя главными признаками: мудростью, мужеством, рассудительностью и справедливостью, соответствующими определенной социальной градации. Мудрость присуща правителям-философам, избранным людям; мужеством обладают прежде всего воины-стражи; рассудительностью и справедливостью – все граждане идеального государства. Следовательно, в понимании Платона сословный об-

щественный строй не является препятствием для осуществления социальной справедливости, и его нарушение – наиболее тяжкое государственное преступление.

Античные философы, выделяя «правильные» и «неправильные» формы государственного правления, учитывали и степень их легитимности, то есть законность. При аристократической форме правления политическое руководство государством закрепляется за его наиболее мудрыми и благородными представителями; монархия выросла из военной политической организации и обычно авторитарна; полития, соответствующая современной демократии, является результатом развития гражданского общества и формирования оптимальных отношений между народом и властью. Эти три формы государственного правления считаются «правильными». К его «неправильным» формам древнегреческие мыслители причисляли тимократию (власть честолюбцев, военных вождей); олигархию (власть богатых); охлократию (власть бедных, приводящую к хаосу, беспорядкам); тиранию (власть диктатора). Каждая из этих форм правления соответствует человеческим порокам: тимократия – следствие превращения мужества в ярость; олигархия – перерождение мудрости в своекорыстие; охлократия чревата анархией; тирания – полнейшая деформация социальной справедливости в пользу одного правителя.

Проект идеального государства Аристотеля строился на основе реально существовавших экономических структур и типов государственной власти в сословном обществе. Основным критерий определения «правильности» формы государственного строя, по Аристотелю, – способность политического руководства служить общественной пользе. Однако в определенных условиях «правильные» формы государственного правления могут вырождаться в «неправильные» – тиранию, олигархию и охлократию.

В Средние века в процессе политического соперничества между светской и церковной властями сформировались политико-правовые теории Ф. Аквинского, обосновавшего теологические истоки правозаконности государственной власти, и М. Падуанского, выступавшего за демократизацию общественных отношений в интересах зарождавшейся буржуазии и, соответственно, за ограничение полномочий монархической власти. Правитель государства при монархическом строе представляется Фомой творцом государства, подобно тому как Бог есть Правитель и Творец мира. Демократия в форме охлократии явно проигрывает монархии, так как представляет собой коллективную тиранию: «Если несправедливое правление осуществляется многими лицами, то... широкие массы благодаря своей силе и численному превосходству подавляют богатых. Тогда весь народ выступает как один единый тиран» [3]. Политический вывод Фомы Аквинского сводился к необходимости подчинения светских государей Римско-католической церкви, что представляло собой средневековый традиционный вариант юридического правопонимания в форме христианской теологии права.

Марсилиус Падуанский, развивая политическую концепцию христианской демократии, постулировал два вывода: выборность светских и церковных должностных лиц и обязательность политико-правовой ответственности государственной власти перед народом, что обеспечивает ее легитимность. При этом он делил членов общества на высшую (военные, священники, чиновники) и

низшую (торговцы, земледельцы, ремесленники) категории. Верховенство законов, по которым осуществляется государственное управление, является обязательным как для народа, так и для самих законодателей [4].

В эпоху Нового времени проблема правового государственного устройства изучалась многими выдающимися мыслителями. Так, Д. Локк считал принцип народного суверенитета правовой гарантией «правильной» государственности, позволяющей избежать злоупотреблений властью и должностных преступлений [5]. Ж.-Ж. Руссо в трактате «Об общественном договоре» представил классификацию основных форм государственного правления в зависимости не только от степени политического участия граждан, но и от соблюдения юридических процедур в процессе осуществления правопреемственности власти, то есть ее легитимности. В соответствии с теорией общественного договора философ подразумевал, что легитимность формы государственного правления напрямую зависит от степени ее общественной поддержки [6]. Т. Гоббс настаивал на идее сакрализации государственной власти в качестве метода ее легитимации, способствующей установлению справедливого правового и социального порядка, предельным выражением которого является теократическое правление [7]. И. Кант, выступая за создание справедливого этического государства, построенного на основе гражданского общества, способного к эффективному разрешению социальных конфликтов, подчеркивал, что именно такое народоустройство является высшей задачей человеческого рода, а поэтому наиболее легитимно [8].

В Новейшее время вопрос о легитимности государственной власти приобретает новое звучание в связи с формированием индустриального общества, ростом народного правосознания и постановкой вопроса об осуществлении принципа социальной справедливости в экономических и политических отношениях. Еще раз подтвердилось, что легитимность и справедливость не являются тождественными понятиями. Европейские монархии оказались не в состоянии справиться с новыми задачами, поэтому народ, возглавляемый буржуазией, требовал сменяемости власти. Новая легитимность теперь связывается с общегосударственными политическими задачами и либерализацией общественных отношений. Меняются и формы государственного устройства, становясь более многообразными: появляются парламентская и плебисцитарная монархии, демократические республики – парламентская (Франция), президентская (США), советская (СССР) [9].

В контексте изучения легитимности государственной власти новый этап в ее проявлении представляет история бонапартизма и голлизма во Франции. Бонапартистский политический режим утвердился на основании всенародного голосования, проведенного, однако, под жестким контролем государственной администрации, что ставило под сомнение правовую легитимность новой власти. Постепенно республиканская форма государственного правления сменяется плебисцитарной монархией, в которой посредством референдума были узаконены императорский статус и политические прерогативы Бонапарта, в дальнейшем закрепленные Конституцией Французской империи. Периодические народные плебисциты подтверждали общественное доверие к монарху, а следовательно, легитимизировали его. Подобная ситуация повторилась в XX столетии в Пятой Французской республике: харизматическая легитимность президента де Голля регулярно подкреплялась всенародным голосованием, от-

рицательный результат которого в 1968 г. послужил причиной отставки главы государства [10, с. 438–439].

Историко-правовой опыт свидетельствует, что пренебрежение нормами социальной морали, как правило, приводит к установлению нелегитимной формы государственного правления. Русские философы и правоведы (В.С. Соловьев, Л.И. Петражицкий, П.И. Новгородцев) считали пагубным как для права, так и для нравственности их взаимное отчуждение, а следовательно, попытки легитимации государственной власти путем радикальных политических изменений [11–13]. Оптимизация правовых и нравственных отношений личности, общества и государства по методу «обратной связи», по их мнению, является необходимым условием осуществления легитимности государственной власти в демократическом обществе. В русле данной концепции и традиций западноевропейской либерально-демократической политической философии и общественной мысли, в основе которой и находится идеология политического консенсуса между государством и гражданским обществом, управляющими и управляемыми, происходит развитие теории легитимности в XX в.

Термин «легитимность власти» в его современном значении введен в научный оборот немецким социологом и политологом М. Вебером [14]. По его убеждению, любая власть нуждается в самооправдании, признании и поддержке; в свою очередь, общественные отношения легитимного господства – подчинения возникают между социальными субъектами при условии веры в законность существующего политического порядка и зависимость общественного благосостояния от его сохранения. Выделяя три типа легитимности – традиционную (монархия), рационально-легальную (преимущественно демократическая республика) и харизматическую (власть народных политических лидеров), М. Вебер сделал вывод о необходимости качественного обновления состава политической элиты в современных государствах, легитимация которой невозможна без повышения правосознания граждан в качестве необходимого условия демократизации избирательного процесса.

Веберовская типология легитимности дополняется концепцией Д. Истона, который с позиции социального действия выделяет в политическом проявлении легитимности идеологический, личностный (персональный) и структурный аспекты. Идеология в результате воздействия официальной пропаганды на массовое общественное сознание обеспечивает поддержку гражданами государственной политики; авторитет, харизма политического лидера также подкрепляют легитимность власти; легитимные политические отношения в обществе структурируются нормами конституционного права, закрепляющими порядок функционирования органов государственной власти. Граждане, как правило, считают легитимной существующую политическую власть и доверяют ей, если в государстве стабильно и эффективно действуют все политические институты [15].

К середине XX в. в политической науке стал применяться разработанный Т. Парсонсом структурно-функциональный подход к формированию политической системы общества, легитимность государственной власти в которой напрямую зависит от уровня политической культуры граждан и эффективности деятельности политических институтов [16]. По мнению американского ученого, общество самодостаточно в той мере, в какой его институты легитимированы

общепризнанными гуманистическими ценностями политической культуры. Развивая данную концепцию, С.М. Липсет определяет легитимность как «способность системы создать и поддержать у людей убеждение в том, что существующие политические институты являются наилучшими из возможных для общества» [17].

Таким образом, идеологическая легитимация государственной власти осуществляется благодаря коллективным представлениям, формирующим культурную основу социальной организации. При этом мораль как важнейшая составляющая политической культуры предполагает оценку легитимации и деятельности государственной власти на основе принципа социальной справедливости.

Российские политологи проблему легитимности власти, как правило, связывают с изучением вопросов политической конкуренции в ходе избирательного процесса, а также в контексте исследования политических отношений в целом. Основной формой легитимации государственной власти в условиях правовой демократии являются выборы. Но даже при их честном проведении всегда находятся оппозиционные группы, критически воспринимающие политику правительства, поэтому одна из главных задач власти – ее легитимация, то есть получение признания и поддержки народа.

В современной России, где уровень идеологической легитимности традиционно достаточно высок, взаимодействие государства и гражданского общества представляет собой необходимое условие для осуществления основных конституционных принципов правовой демократии – народовластия и верховенства права. Организация социального партнерства между субъектами политических и социально-экономических отношений, на наш взгляд, наиболее эффективный способ формирования демократии участия – системы привлечения населения к общественному и государственному управлению, крайне необходимой для легитимации государственной власти.

Политическое участие граждан в управлении в качестве способа легитимации государственной власти способствует активному включению общественности в политические отношения, именно поэтому демократические режимы по сравнению с другими обладают наибольшим потенциалом легитимации.

Еще одним способом легитимации власти служат эффективные политические технологии. Эта так называемая технократическая легитимация осуществляется посредством деятельности государственной власти в рамках научного и технического обеспечения политического курса, конечным результатом которой являются социальная стабильность и успешное развитие страны. Так, легитимность государственной власти Германии, Японии, Тайваня, Южной Кореи, Сингапура повысилась в значительной мере благодаря экономическим достижениям.

Политическая сила – последний и весьма ненадежный аргумент государственной власти, с помощью которого она пытается повысить уровень своей легитимности и вытеснить оппозицию за пределы политического пространства. Однако любая диктатура, опирающаяся исключительно на силу, как правило, недолговечна, уровень ее легитимности обратно пропорционален силе принуждения, что проявляется в ограничении прав и свобод личности, неполучении полной и объективной информации, запрете массовых выступлений и манифестаций.

Официальная политическая пропаганда имеет большое значение для обеспечения легитимности власти, так как служит функциональной социализации, то

есть признанию массами политики правительства. У политической элиты по мере концентрации власти в своих руках нередко возникает соблазн ограничивать информацию о своей деятельности и ее результатах, что сводится к блокированию других, оппозиционных, источников. Вместе с тем культивирование ограниченной информации, направленное на формирование идейно-политического убеждения народных масс, не может иметь долгосрочной перспективы и чревато политическими катаклизмами. Именно такая ситуация наблюдается сегодня на Украине, где манипулирование информационными технологиями привело к существенным деформациям национального и политического самосознания и, как следствие, глубокому кризису всей политической системы общества. В свое время односторонняя и тенденциозная интерпретация внутренних и международных политических процессов, характерная для тоталитарных режимов, стала одной из главных причин стремления нового поколения к духовному раскрепощению, что в конечном итоге привело к краху советской системы и необходимости смены политической элиты.

По мнению выдающегося русского философа-правоведа И.А. Ильина, легитимность государственной власти – это ее духовный авторитет, внутренняя сила, правомерность и убедительность: «...власть есть прежде всего и больше всего дух и воля, то есть достоинство и правота наверху, которым отвечает свободная лояльность снизу. Чем меньше напряжение нужно сверху и чем больший отклик оно вызывает внизу, тем сильнее власть. Принуждение бывает необходимо; но оно есть лишь техническое подспорье или условно-временная замена истинной силы» [18].

Современное общество предъявляет достаточно высокие требования по соблюдению правовых процедур легитимации государственной власти. Искажение ценностных политических ожиданий граждан приводит либо к снижению доверия к власти, либо к кризису легитимности.

Библиографический список

1. *Ortega y Gasset J.* Una interpretaciyn de la historia universal. Madrid, 1960. Цит. по: *Ларионов В.* Православная монархия: Национальная монархия в России: Утопия или политическая реальность. М., 2007.
2. *Платон.* Государство. URL: <http://philosophy.ru/library/plato/01/0.html>
3. *Аквинский Ф.* О правлении государей. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/akvinskiy_0_pr/
4. *Падуанский М.* Трактат «Защитник мира»: обоснование светского характера государственной власти. URL: <http://referat54.ru/History/71697/>.
5. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. URL: <http://constitutions.ru/archives/4450>.
6. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt>
7. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: <http://grachev62.narod.ru/hobbes/content.htm>
8. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/lib/kant-idea.htm>
9. *Струве П.Б.* О мере и границах либерального консерватизма. URL: <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/struve.htm>
10. *Молчанов Н.* Неизвестный де Голль: последний великий француз. М., 2011.
11. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. М., 1994.

12. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991.
13. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. СПб., 1909–1910. Т. 1.
14. Макс Вебер о типах легитимности политической власти. URL: http://knowledge.allbest.ru/political/2c0a65625b2ac68b5d43a88421316c27_0.html
15. *Истон Д.* Категории системного анализа политики. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/35.php
16. *Парсонс Т.* О понятии «политическая власть». URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/27.php
17. *Лунсем С.М.* Третьего пути не существует. URL: <http://www.twirpx.com/file/263585/>.
18. *Ильин И.А.* О сильной власти. URL: http://www.patriotica.ru/gosudarstvo/ilin_power.html

М.А. Vyadro
The Analysis of Quality Indicators of Representation of State Duma Deputies from the Forth to Fifth Convocations

The author analyzes the quality of representation of State Duma deputies from the Saratov Region basing on his own method. The analysis covers the conditions for representation implementation, assessment of representation activities of each representative in the frameworks of one convocation and comparing complex indices in different convocations.

Key words and word-combinations: deputies of the State Duma, Saratov Region, quality of representation of citizens' interests.

На основе авторской методики исследуется качество реализации представительской функции депутатами нижней палаты парламента от Саратовской области. Изучаются условия осуществления репрезентативной функции, оценивается деятельность каждого депутата в рамках одного созыва, а также сравниваются комплексные показатели различных созывов.

Ключевые слова и словосочетания: депутаты Государственной Думы, Саратовская область, качество представительства интересов.

УДК 354
ББК 66.3(0),123

М.А. Вядро

**АНАЛИЗ
КАЧЕСТВЕННЫХ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕПУТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
ЧЕТВЕРТОГО
И ПЯТОГО СОЗЫВОВ**

Политическая система Российской Федерации находится в стадии становления и обретения наиболее подходящей и выверенной формы. Неизбежными процессами в данных условиях являются периодическая смена векторов развития, возврат к существовавшим ранее принципам и внесение корректив в действующие нормы. В связи с этим особую значимость как для руководства государства, так и для исследователей имеет оценка существующих или реорганизованных институтов власти с целью применения на практике наиболее предпочтительных моделей.

Одной из сфер политической деятельности, которая требует детального научного изучения, является представительство интересов граждан в органах власти [1]. Репрезентативные функции на федеральном уровне возложены на Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Таким образом, особую актуальность приобретает анализ качества представительской деятельности депутатов Госдумы IV и V созывов, выполненный на примере Саратовской области. С учетом типичности изучаемого региона среди остальных субъектов РФ полученные результаты актуальны для большинства территориальных образований. В рамках данного исследования проведен анализ зависимости активности деятельности депутатов Государственной Думы от их формальных характеристик [2].

При проведении политических исследований качества представительства интересов граждан научный интерес представляют следующие аспекты: условия в стране для осуществления представительской деятельности, показатели работы каждого депутата в рамках одного созыва, сравнение комплексных показателей качества представительства интересов граждан в разных созывах.

Для изучения качества представительства интересов жителей России и конкретных регионов важное значение имеют в первую очередь политические условия, в которых находятся как представители граждан, так и сами представляемые. В данном отношении ключевыми показателями являются официальная позиция руководства страны и законодательное закрепление норм деятельности соответствующих органов власти. Анализ динамики указанных параметров позволит оценить наличие предпосылок для повышения или сохранения на высоком уровне качества взаимодействия депутатов с населением и отстаивания их интересов.

Получение комплексного показателя оценки качества представительской деятельности народных избранников в рамках одного созыва предполагает оценку каждого депутата по предлагаемым критериям: количеству общественно значимых мероприятий и пресс-конференций, освещенных в средствах массовой информации, количеству упоминаний региона в выступлениях парламентария на заседаниях Государственной Думы и количеству парламентских запросов. На основе этих показателей ему выставляются баллы по принципу «чем хуже результат, тем больше присваиваемое значение». В случае совпадения в одной критерии значений депутатам присваивается одинаковый ранг. По нашему мнению, применение коэффициентов к различным критериям не имеет смысла. Все избранные характеристики являются в равной степени показательными в отношении представительской деятельности народных избранников. Сумма всех показателей будет свидетельствовать о качестве работы парламентария – чем ниже итоговая цифра, тем выше уровень качества репрезентации интересов граждан.

Для сравнения качества представительности нескольких созывов в рамках одной общей характеристики (территориальной, партийной, половозрастной принадлежности) необходимо использовать две группы критериев. Первая –

формальные и не требующие проведения глубокого исследования: количество депутатов, представляющих регион, число различных партийных групп, профессиональный и должностной составы народных избранников, половозрастная структура. Подобный анализ позволит сделать выводы о формальных отличиях депутатских корпусов, а также возможности представительства интересов различных социальных групп. Но полученные результаты будут носить в большей степени прогнозный, а не фактический характер и покажут только потенциал той или иной категории граждан в отстаивании своих интересов через представителя.

Вторая группа критериев требует более детального изучения деятельности депутатов каждого созыва с применением описанной методики. По итогам анализа представительской деятельности каждого народного избранника можно сделать вывод об общем уровне представительства интересов жителей отдельного региона всей депутатской группой. Показателями в данном случае будут значения всех проведенных общественно значимых мероприятий, имеющих конкретный результат, сумма всех общественно значимых пресс-конференций, а также всех выступлений на заседании Государственной Думы с упоминанием изучаемого региона.

Данная методика даст возможность проводить сравнение представительской деятельности депутатов не только одного созыва Государственной Думы, но и разных лет, а также представляющих различные регионы. Кроме того, в современном российском парламенте существуют прецеденты, когда одни и те же депутаты в разных созывах представляют интересы жителей разных субъектов РФ. Изучение таких случаев также может носить интерес для ученых, занимающихся представительной демократией.

По итогам проведенного исследования были получены следующие результаты.

Все изменения условий осуществления представительной демократии, озвученные в ежегодных Посланиях Президента России с 2000 по 2012 г., были нацелены на формирование политической системы: как следует избирать те или иные органы власти, как должна вести себя оппозиция, какими должны быть партии, какие из них достойны оказаться в парламенте, а какие нет. Все это процессуальные моменты, которые влияют на «дизайн» системы.

В то же время внимание проблеме качества функционирования представителей населения практически не уделялось. Особенно показательно это выглядит в отношении недовольства населения результатами выборов и деятельности представителей власти, о котором в 2009 г. говорил Д. Медведев: вместо изменения принципов деятельности власти и повышения действительных результатов были предложены меры формального влияния на ситуацию [3]. В выступлениях руководителей государства не звучали предложения о повышении ответственности народных избранников перед избирателями или закреплении обязанности их взаимодействия с населением курируемых регионов. В итоге в стране менялась система избрания национального и региональных парламентов [4], роль населения в формировании органов власти, увеличилось количе-

ство политических партий [5], но каких-либо предпосылок к изменению качественных показателей представительной деятельности не было.

Анализ юридических условий осуществления представительства интересов граждан в Государственной Думе имел аналогичные результаты. С формальной точки зрения два изучаемых созыва избирались и функционировали в сильно различающихся условиях. О снижении возможности отстаивания гражданами собственных интересов свидетельствует установление различных ограничений, фактически приведших к уменьшению количества партий в парламенте. Но с позиции качества реализации народными избранниками репрезентативной функции никаких изменений не произошло. Этому аспекту законодатели не уделяли внимания вообще.

В соответствии с комплексным показателем качества представительской деятельности народных избранников, действовавших с 2003 по 2007 г., были зафиксированы следующие результаты. Наиболее эффективно отстаивал интересы жителей Саратовской области В. Рашкин (сумма по всем показателям равна 8), затем расположились А. Чернышов (10), Н. Сухой (13), В. Третьяк и П. Камшилов (по 14 у каждого), Л. Слипка (16), С. Суоров (19) и А. Бабошкин (21) (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели представительской работы
депутатов IV созыва, баллы**

Депутат	Количество общественно значимых мероприятий	Количество общественно значимых пресс-конференций	Количество упоминаний региона в выступлениях	Количество парламентских запросов	Итого
В. Рашкин	10 (2)	10 (1)	9 (2)	0 (3)	8
А. Чернышов	2 (4)	7 (2)	40 (1)	0 (3)	10
Н. Сухой	5 (3)	2 (5)	2 (3)	1 (2)	13
П. Камшилов	0 (5)	5 (3)	1 (5)	2 (1)	14
В. Третьяк	58 (1)	4 (4)	0 (6)	0 (3)	14
Л. Слипка	10 (2)	0 (7)	2 (4)	0 (3)	16
С. Суоров	2 (4)	1 (6)	0 (6)	0 (3)	19
А. Бабошкин	0 (5)	0 (7)	0 (6)	0 (3)	21

При оценке общего качества представительской деятельности депутатов V созыва было установлено, что наиболее эффективными являлись Н. Панков (6 баллов) и В. Рашкин (6). За ними расположились К. Лукьянова и В. Третьяк (по 9 баллов). Далее по убывающей идут А. Соловьев (11), И. Архипов (12), Ю. Зеленский и С. Овсянников (по 13), Ю. Коган (14), С. Захарова (16) и О. Уварова (17) (табл. 2).

По итогам проведенного анализа качества представительства интересов жителей Саратовской области депутатами Государственной Думы IV и V созывов были сделаны следующие выводы.

Таблица 2

Показатели представительской работы
депутатов V созыва, баллы

Депутат	Количество общественно значимых мероприятий	Количество общественно значимых пресс-конференций	Количество упоминаний региона в выступлениях	Количество парламентских запросов	Итого
Н. Панков	37 (2)	7 (2)	0 (2)	0 (0)	6
В. Рашкин	12 (4)	8 (1)	8 (1)	0 (0)	6
К. Лукьянова	17 (3)	2 (4)	0 (2)	0 (0)	9
В. Третьяк	41 (1)	0 (6)	0 (2)	0 (0)	9
А. Соловьев	5 (6)	3 (3)	0 (2)	0 (0)	11
И. Архипов	6 (5)	1 (5)	0 (2)	0 (0)	12
Ю. Зеленский	4 (7)	2 (4)	0 (2)	0 (0)	13
С. Овсянников	4 (7)	2 (4)	0 (2)	0 (0)	13
Ю. Коган	1 (9)	2 (4)	8 (1)	0 (0)	14
С. Захарова	2 (8)	0 (6)	0 (2)	0 (0)	16
О. Уварова	1 (9)	0 (6)	0 (2)	0 (0)	17

Принципиальных различий в качестве работы депутатов, избранных по смешанной и по пропорциональной системам, нет. В обоих созывах присутствовали депутаты, которые проводили большое количество мероприятий, полезных для жителей. Также были и те народные избранники, в том числе выбранные по мажоритарной системе, которые крайне редко взаимодействовали с населением. Очевидно, что тип избирательной системы не влияет на качество работы депутатов.

Принадлежность к тем или иным политическим силам также не является определяющей в деятельности парламентариев. Среди оппозиционеров были как просто активные депутаты, так и высокоэффективные. В то же время в рядах партии власти было немало народных избранников, которые не встречались с населением и не отстаивали интересы региона в выступлениях на заседаниях Государственной Думы. Отметим, что представители оппозиции активнее и чаще работали в интересах избирателей, чем провластные избранники. Вероятно, это связано с оптимизированным использованием ресурсов, имеющихся у оппозиционеров, для достижения своих целей.

Одним из важных предположений, основанных на сравнении составов двух созывов, стало выявление более сильной зависимости электоральных шансов депутатов от их медийной активности, а не эффективности. В 2007 г. переизбраны были именно те депутаты, которые провели самое большое количество мероприятий. При этом некоторым из них не помешала низкая эффективность представительства интересов граждан. Если данный вывод будет подтвержден на примере других регионов и избирательных циклов, то это будет свидетельствовать о следующем. Во-первых, население не воспринимает депутатов в ка-

честве своих представителей во власти, из-за чего нет пристального внимания к их деятельности и потребности в контроле. Очевидно, что данный факт указывает на низкий уровень политической культуры граждан. Во-вторых, подобный уровень запросов может снизить чувство ответственности парламентариев. Для сохранения своего статуса им необходимо будет проявлять любую активность без учета ее эффективности. Закономерным итогом подобного развития ситуации является косность системы представительства интересов граждан, которая не меняет своей сути даже при изменении законодательства, регулирующего ее. Вероятно, именно этим объясняется отсутствие различий при сравнении деятельности депутатов-одномандатников и избранных по партийным спискам.

Также интерес вызывает комплексное сравнение двух изучаемых созывов Государственной Думы, избранных в 2003 и 2007 гг. Как уже отмечалось, среди формальных характеристик принципиальных различий практически нет. Наиболее существенным является преобладание среди парламентариев IV созыва от Саратовской области руководящих должностей в Думе [6; 7]. Формально такая ситуация должна была способствовать повышению качества представительства интересов граждан, но практикой это не подтверждается. При равном количестве депутатов, курирующих Саратовскую область, парламентариями IV созыва всего было проведено 87 общественно значимых мероприятий и 29 пресс-конференций. При следующем избрании аналогичные показатели были равны 130 и 27 соответственно. Единственный показатель, по которому лидировали депутаты IV созыва, – количество упоминаний региона в выступлениях на заседании Государственной Думы (54 против 16). Однако столь высокий показатель сформировался не за счет общего более активного поведения, а благодаря одному депутату – А. Чернышову, на счету которого 40 удовлетворяющих критерию речей [8].

Безусловно, выявленные показатели свидетельствуют о низком уровне представительства интересов жителей Саратовской области депутатами Государственной Думы. Если брать среднеарифметическое значение, то в IV созыве каждый парламентарий проводил меньше трех общественно значимых мероприятий в год и меньше одной пресс-конференции. В V созыве каждый народный избранник участвовал меньше чем в четырех значимых для граждан событиях и в среднем в одной встрече с журналистами. Для депутатов, в чьи профессиональные обязанности входит в том числе и представительская деятельность, такие показатели являются крайне низкими.

Таким образом, формальные характеристики и условия функционирования представительного органа власти фактически не имеют сильной корреляции с качеством репрезентативной деятельности депутатов. Более того, по результатам проведенного исследования, снижение политической конкуренции, отсутствие кандидатов-одномандатников, повышение проходного барьера положительно сказались на представительстве интересов жителей Саратовской области. Одной из причин может быть более строгая партийная дисциплина, которая характерна для пропорциональной системы формирования органа власти.

Однако наиболее вероятное объяснение – сильная зависимость результатов представительской активности от личных качеств депутатов. Отчасти это предположение подтверждает сохранение показателей деятельности у депутатов, избравшихся в разных статусах («одномандатник» и «списочник»), а также отсутствие изменений в законодательстве или нормативных документах, которые существенно ограничивали условия для осуществления депутатами представительской функции.

Библиографический список

1. *Чекмарев Э.В.* Компоненты новой государственности в понимании молодых политических лидеров (по материалам научно-образовательного семинара Международной академии руководящих кадров, Германия, 20 октября – 1 ноября 2013 г.) // Вестник ПАГС. 2014. № 2 (41).
2. *Вядро М.А.* Корреляция формальных характеристик депутатов Государственной Думы и активности их представительской деятельности (на примере Саратовской области) // Вестник ПАГС. 2013. № 6 (39). С. 111–116.
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 12 нояб. 2009 г. URL: <http://президент.рф/transcripts/5979>
4. *Вилков А.А.* Эволюция избирательной системы на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Социология, политология. Саратов, 2013. С. 66–70.
5. Сведения о действующих организационных комитетах политических партий: [официальный сайт Министерства юстиции РФ]. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2459>
6. Состав Государственной Думы четвертого созыва с указанием занимаемых должностей: [официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ]. URL: <http://www.duma.gov.ru/about/history/convocations/4/>
7. Состав Государственной Думы пятого созыва с указанием занимаемых должностей: [официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ]. URL: <http://www.duma.gov.ru/about/history/convocations/5/>
8. Информация о депутате Государственной Думы четвертого созыва А.Г. Чернышове: [официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ]. URL: <http://www.duma.gov.ru/structure/deputies/23309/>

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

D.V. Akaev
**Prospects of Integration
in the Eurasian Space
through the Eyes
of Internet Users
(Based on a Search
Crowdsourcing Project)**

The experience of implementation of the author's search crowdsourcing project is considered. Attitudes of Internet users towards topical issues of Eurasian integration are studied. Prospects of development of socio-political, socio-economical and spiritual bases of the Eurasian space integration are analyzed.

Key words and word-combinations: integration, the Eurasian space, the methodology of sociological research, crowdsourcing.

Рассматривается опыт реализации авторского поискового краудсорсинг-проекта. Исследуются мнения интернет-пользователей относительно актуальных проблем евразийской интеграции. Анализируются перспективы развития общественно-политических, социально-экономических и духовных основ интеграции евразийского пространства.

Ключевые слова и словосочетания: интеграция, евразийское пространство, методология социологических исследований, краудсорсинг.

УДК 321.01
ББК 66.01

Д.В. Акаев

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГЛАЗАМИ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ (по материалам поискового краудсорсинг-проекта)

Одними из самых сложных процессов, происходящих в социумах многих государств в последние десятилетия, являются процессы, связанные с расколом некогда единых государств на независимые, формированием новых национальных обществ и дальнейшей реинтеграцией этих обществ и государств в новой форме. Кроме изменения политических, экономических и социально-бытовых связей, безусловно, фиксируется утеря идеологических основ интегративных процессов. В условиях влияния внешних факторов интеграционные основы евразийской идеологии, выраженные в инициативных проектах активного экспертного сообщества, приобретают особую значимость.

Подобные процессы сопровождаются серьезными трансформациями в общественном

сознании и политико-правовой сфере. Данные трансформации могут быть описаны в виде теоретической модели на основании прикладного исследования. Построение реально действующей модели краудсорсинг-проекта идейных интегративных механизмов с апробацией инициативных предложений и составляет ключевую проблему данного исследования. Дополнительными основаниями применения новейшей методики интернет-проектирования становится совершенствование методологических основ прикладного исследования.

Идеологический кризис современных локальных сообществ актуализировал изучение интеграционных основ, выдвигаемых самим населением, равно как и механизмов ее формирования и локализации [1]. В настоящее время при рассмотрении данной проблематики доминирующим остается подход, в рамках которого детерминантами интеграционной активности выступают объективированные и необъективированные притязания людей обладать и пользоваться материальными благами и социальными позициями. Признавая логичность этого подхода, отметим его частичную применимость, так как притязания носят исключительно индивидуальный характер. Применение методики краудсорсинг-проектирования позволяет, на наш взгляд, совместить идейные и депривационные ожидания отдельных пользователей с общественной апробацией и одобрением лучших проектов.

Целью исследования стала разработка и применение краудсорсинг-проектирования механизмов евразийской интеграции с использованием новейших информационных технологий. В связи с этим в ходе исследования решался ряд важных задач. Во-первых, методологическое обеспечение универсальности разработанной модели, выработка рекомендаций по ее адаптации к условиям любого инициативного проекта. Во-вторых, создание интернет-сайта краудсорсинг-проекта, информационное продвижение ресурса в социальных сетях, поисковых системах и тематических каталогах. В-третьих, разработка методики прогнозирования массовых настроений с целью выработки рекомендаций органам власти по опережающему реформированию текущей ситуации. В-четвертых, апробация созданной модели в интернет-пространстве через анализ сложившихся оценок реальности, структуры и состояния системы ожиданий населения, инициативной активности и инновационного поля.

Предметом исследования стал обширный спектр мнений респондентов, складывающийся в процессе аккумуляции предложений евразийской интеграции и оценки эффективности их реализации. Исследовательская база краудсорсинга как методики и как феномена не достаточно велика. Теоретической разработкой данного понятия занимаются ученые Гарвардского и Бостонского университетов. Практическим применением данной методики за рубежом и в России занимаются Патрик Меер и Григорий Асмолов [2]. Среди основных методов, использованных в настоящем исследовании, можно выделить метод кейс-стади, применявшийся для изучения конкретных примеров практического использования методики краудсорсинга [3].

При проведении пилотажного исследования (методом краудсорсинга) получено шестьдесят восемь предложений по решению отдельных проблем евразийской интеграции, в которых выделяется ряд общих характеристик, но также большое количество индивидуальных отличий.

Одним из критериев анализа поступивших предложений стало наличие в них какой-либо четко поставленной проблемы, которую необходимо решить в рамках евразийской интеграции (67,65% от их общего количества). Так, проблему культурных барьеров между странами Евразии затрагивает почти $\frac{1}{3}$ предложений (30,88%), проблему недостаточного информирования населения государств-участников о евразийской интеграции и работе ЕврАзЭС – 14,71% предложений, проблемы, касающиеся неэффективной работы органов власти в рамках процессов евразийской интеграции – 8,82%.

Когда речь идет о культурных барьерах между странами Евразии, то интернет-пользователями проблема формулируется следующим образом: «Вопросам культуры и этики, а если это еще и страны с таким богатым разнообразием этносов, страны двух противоположных “культурных полюсов” – европейского и азиатского, стоит уделять особое внимание»; «идея, которая по-настоящему объединит народы на всем евразийском пространстве, которая приведет к новому развитию каждой страны и к безопасному будущему»; «для развития евразийского пространства необходимо создать все условия для диалога азиатской и европейской культур»; «все страны отличаются своей историей и культурой, но также все схожи по достижению целей на благо народа»; «именно объединяя усилия по развитию взаимоотношений между странами самого большого континента, государства способны достичь максимальных результатов в экономическом развитии»; «я считаю, что для развития евразийского пространства необходимо, наряду с экономическими и политическими стратегиями, развивать культурную составляющую. Так как мы все живем в этом евразийском пространстве, мы в любом случае, так или иначе, обмениваемся культурными тенденциями, мода кочует из страны в страну. Развлечения и культурные ценности хоть и похожи у каждой народности, но мы могли бы обмениваться позитивными тенденциями на более высоком уровне, а также выявлять негативные»; «сегодня Евразийское сообщество – это динамичная, развивающаяся организация, имеющая огромные амбиции. Но, несмотря на все положительные показатели развития, существует вероятность угрозы дальнейшего развития ЕврАзЭС. Именно культурная интеграция является одним из наиболее эффективных средств налаживания международных контактов, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами и государствами»; «без единых культурных, исторических и духовных ценностей интеграция будет малоэффективной и, возможно, краткосрочной»; «крепость отношений напрямую зависит от того, что лежит в их основе. На мой взгляд, самой большой удерживающей силой обладает основа культурная. Именно некий общий жизненный опыт, преобразованный в элементы культурного достояния народа, позволяет ему держаться вместе».

Проблему недостаточного информирования населения интернет-пользователи обозначают так: «в динамично развивающихся условиях евразийского экономического пространства необходимым является наполнение контентом различные виды СМИ, и предоставление полной информации о деятельности ЕврАзЭС»; «предлагаю начать с активной пропаганды данной темы среди населения, в частности среди молодежи, как наиболее динамичной и перспективной части

общества»; «любая организация или объединение нуждаются в своем “информационном рупоре”»; «объединение евразийского пространства невозможно представить без всемирной паутины»; «очень широкий список направлений деятельности Евразийского союза просто необходимо широко освещать в массах».

Проблемы недостаточной эффективности органов власти стран – участниц процессов евразийской интеграции представлены следующим образом: «экономическая интеграция предполагает процесс сближения, взаимоприспособления и сращивания национальных хозяйственных систем, обладающих способностью саморегулирования и саморазвития на основе согласованной межгосударственной экономики и политики»; «реализация указанных направлений развития ЕврАзЭС предполагает, прежде всего, согласованное и эффективное использование его транзитного потенциала, развитие которого станет важным фактором интеграции стран Сообщества в мировую экономику»; «предлагаю идею создания единой валюты как способ защиты экономики от негативных проявлений мирового валютного рынка. Создавая определенную стабильность между небольшим количеством стран, партнеры страхуют себя от различных внешних рисков, последствий, способных значительно подорвать их экономическую стабильность».

Среди прочих поднятых проблем – несовпадение исторических представлений, недостаточная интеграция молодежи, необходимость объединения научных усилий. Можно сделать вывод о том, что основной проблемой, которую нужно разрешить в евразийском пространстве, авторы полученных предложений считают культурную разобщенность жителей стран ЕврАзЭС.

Следующим критерием, по которому анализировались полученные предложения, стало наличие в них какой-либо авторской инициативы по решению поставленных проблем. Инициативы содержатся в 80,89% предложений, в то время как проблемы – всего лишь в 67,65% от их числа, следовательно, зачастую предложения формулировались без понимания проблем, которые эти предложения должны решать. Последний критерий был определен как возможность контроля результатов предлагаемых мер: в 14,71% предложений нет объекта контроля, в 5,88% – полностью отсутствует возможность контроля результатов.

Большинство предложений предполагает проекты, в которых достаточно легко контролировать осуществление текущих задач, но сложно проверить степень достижения конечной цели. Контроль за созданием и функционированием телеканалов, интернет-порталов, культурных фестивалей, межгосударственных органов, научных конференций можно осуществлять без особых затрат, но для проверки того, насколько повысилась информированность населения о деятельности ЕврАзЭС или толерантность к представителям евразийских культур, необходимо проводить дорогостоящие исследования.

Таким образом, полученные предложения можно классифицировать по нескольким явно выраженным группам: 1) предложения, содержащие лишь общие фразы о евразийской интеграции или ограничивающиеся ее критикой; 2) предложения, содержащие определенные проблемы и способы их решения, но в отрыве от понятий интеграции и ЕврАзЭС; 3) предложения, содержащие проекты решения определенных проблем в контексте евразийской интеграции.

Интегративные и реинтегративные процессы на евразийском пространстве в настоящее время являются важной проблемой для исследователей в сфере

общественных наук в России и ближнем зарубежье. Однако существующие методы исследования общественно-политических проектов, как правило, не решают вопросы выбора наиболее эффективных и одновременно востребованных обществом решений тех или иных рассматриваемых проблем, оставляя данный выбор на долю политиков. Краудсорсинговое исследование – принципиально иной подход к поиску решений проблем евразийской интеграции, который предлагает автор.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что применение метода краудсорсингового проектирования становится реальной возможностью повышения репрезентативности социологических исследований. В методологическом отношении данная методика не противоречит социологическим принципам качественной социологии, позволяя синтезировать теоретические основы и современные достижения.

Созданный краудсорсинговый онлайн-проект «Евразия в XXI веке» (www.evrazia21.ru), являясь пилотажным поисковым ресурсом, аккумулирует основные предложения евразийской интеграции. В нем приняло участие более 100 респондентов в роли создателей авторских проектов и критиков поступивших предложений. Несомненной новизной этого проекта стало внедрение современного социологического метода в практику деятельности регионального вуза.

В рамках исследования осуществлен сбор инициативных предложений по решению наиболее актуальных вопросов евразийской интеграции среди заинтересованных в решении данных проблем активистов гражданского общества государств – участников ЕврАзЭС, их публичная и экспертная оценки, формирование на их основе рекомендаций. Косвенными достижениями можно считать ряд имеющих общественную поддержку предложений по решению конкретных проблем евразийской интеграции, а также создание базы данных «народных экспертов», способных выдвигать конструктивные и социально поддерживаемые инициативы по евразийской интеграции.

Результаты краудсорсинг-проекта «Евразия в XXI веке» могут быть использованы в разных сферах: государственного управления Российской Федерации и других стран ЕврАзЭС; организации экономического и социального сотрудничества между государствами Евразии; принятия политических решений; дальнейших научных исследований евразийского пространства. Выводы и рекомендации данного проекта могут послужить основой для создания и редактирования программных политических документов по межгосударственному сотрудничеству и интеграции на уровне Российской Федерации и Саратовской области.

Библиографический список

1. *Фомин О.Н.* Дискурс, идеология и политика новой российской власти // Вестник ПАГС. 2014. № 4 (43).
2. *Асмолов Г.* Принципы краудсорсинга. URL: http://issuu.com/teplitsa_st/docs/crowdsourcing-principles-russian
3. *Акаев Д.В.* Использование краудсорсинговых интернет-проектов в социально-политических процессах // Вестник ПАГС. 2013. № 4 (37).

**M.V. Gorbachev
The Project
of the Eurasian Economic Union
in the Discursive Space
of the Media**

The article analyzes the Eurasian Economic Union as a global political project of modernity, in the discursive space of the media. The problems that stand in the way of improving its effectiveness are highlighted. An attempt is made to forecast the evolution of the political project of the Eurasian Union in three directions: geopolitical organization, economic community, and multifunctional organization.

Key words and word-combinations: political discourses, political project, Eurasian Economic Union, the Customs Union, political integration.

Анализируется Евразийский экономический союз как глобальный политический проект современности в дискурсивном пространстве СМИ. Выделяются проблемы, стоящие на пути повышения эффективности союза. Осуществляется попытка спрогнозировать вектор эволюции политического проекта ЕАЭС в трех направлениях: геополитической организации, экономического сообщества, многофункциональной организации.

Ключевые слова и словосочетания: политические дискурсы, политический проект, Евразийский экономический союз, Таможенный союз, политическая интеграция.

УДК 327
ББК 66.4(0)

М.В. Горбачёв

ПРОЕКТ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СМИ*

Современная политическая эпоха характеризуется активной разработкой, обсуждением и реализацией разнообразных политических проектов. Их авторами становятся политические лидеры, партийные организации, парламентские группы, экономические корпорации, государства, межгосударственные объединения. Такая популярность политического проектирования среди политических субъектов различного уровня объясняется следующими причинами. Во-первых, политические проекты формируют определенные контуры будущего, тем самым субъекты, их создающие, предстают в качестве предсказуемых политических акторов. Во-вторых, политические проекты содержат представления о стабильной политической реальности, потому что состоят из комплекса мероприятий, которые должны быть последовательно реализованы в пространстве и времени. В-третьих, политические проекты основываются на идее, согласно которой возможно рациональное управление социально-политическими процессами с минимальным уровнем конфликтов и противоречий. Кроме того, политические проекты, в зависимости от уровня их институционализации, имеют значительный интеграционный потенциал.

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-03-00112 «Политические проекты в дискурсивном пространстве современных российских СМИ».

На уровне государств и межгосударственных объединений политические проекты в большинстве случаев связаны с интеграционным потенциалом, который может быть реализован в случае их осуществлений. Так, образование и непрерывное расширение Европейского Союза, «цветные революции» на постсоветском пространстве, «трансляции» демократических ценностей в страны третьего мира, Североамериканская зона свободной торговли, формирование различных объединений государств по типу БРИКС и многое подобное представляют собой разнородные интеграционные проекты современной глобальной политики. Они имеют принципиально отличающиеся причины возникновения, векторы направленности, тренды будущего развития. Одним из таких современных проектов является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Его аналогами по глобальности, но не по целям, содержанию, направленности называют строительство Транссибирской магистрали в XX в., проект ГОЭЛРО СССР и т.д. Некоторые западные специалисты сравнивают его значимость с образованием СССР, характеризуя ЕАЭС как «третьи – Соединенные Штаты Евразии, которые предстают в виде «союза других», противостоящего их активности и играм в регионе» [1, с. 2–3]. Таким образом, необходимо исследовать особенности Евразийского экономического союза как современного политического проекта глобального уровня.

По мнению ряда экспертов, идея создания ЕАЭС принадлежит президенту Казахстана Н. Назарбаеву, который озвучил ее, выступая в 1994 г. в Москве [2, с. 4–7]. Начиная с 2000-х годов данный проект начинает все более интенсивно использоваться в политической риторике В.В. Путина. Однако до 2010 г. его реализация находилась преимущественно на стадии общественно-политических обсуждений. Более того, его именовали Евразийским экономическим сообществом, а не союзом. С 2008 г. этот политический проект стал переходить в практическую плоскость. Многие лидеры постсоветских государств в мерах по устранению негативных последствий глобального кризиса 2008 г. постоянно апеллировали к нему. Промежуточным итогом этого процесса стало то, что «в 2010 г. Россия, Казахстан и Белоруссия учредили Таможенный союз, а в 2011-м договорились начать движение к «единому экономическому пространству» для трудовых ресурсов, капитала, товаров и услуг» [2, с. 5].

Наиболее же существенные изменения в политико-экономическом статусе ЕАЭС произошли в 2014 г. Глава российского МИД и Президент РФ сделали ряд заявлений, в которых отражался будущий вектор эволюции ЕАЭС. В частности, С.В. Лавров, комментируя украинский кризис, подчеркнул, что «европейские страны отказались от исторического шанса создать, наконец, общее пространство мира, безопасности и стабильности... Европа ставит постсоветские страны перед выбором между Востоком и Западом» [3, с. 3]. В том же контексте, но с экономической точки зрения охарактеризовал дальнейшее развитие ЕАЭС В.В. Путин: «Мы хотим, чтобы и мы, так же, как и другие страны во многих регионах мира, использовали современные средства повышения своей конкурентоспособности, в том числе путем экономической интеграции. Что мы и делаем на постсоветском пространстве в рамках Таможенного союза и сейчас Евразийского союза» [4].

В обозначенном аспекте статус политического проекта ЕАЭС позиционировался как политико-экономический. Подтверждение этого положения, с ук-

лоном в экономическую сферу, произошло 29 мая 2014 г. в Астане (Казахстан), когда был подписан договор о создании Евразийского экономического союза. В процессе обсуждения договора представители Казахстана и Белоруссии подчеркивали, что «союз сфокусировался не на политике, а на создании зоны свободной торговли» [5, с. 2]. Анализ основных положений договора также позволяет утверждать, что его политическая составляющая на данном этапе минимизирована в пользу экономики. Это энергетическое, финансовое, промышленное, инновационное и иные виды сотрудничества.

В результате подписания рамочных документов в ЕАЭС оказались включенными Россия, Белоруссия, Казахстан. При этом устойчивый интерес к объединению проявили Армения, Киргизия и Узбекистан. Кроме того, официальные лица Турции, Сербии и Израиля также делали заявления о возможной ассоциации их стран с ЕАЭС [6, с. 4]. Возможное участие последних трех стран в составе ЕАЭС (в любом формате) может значительно расширить его потенциал в качестве долгосрочного политического проекта.

Эксперты в международной политике, оценивая перспективы данного объединения, полагают, что главная цель организации состоит в расширении региональной интеграционной политики на постсоветском пространстве в области как политических, так и экономических институтов, что более предпочтительно. Об этом свидетельствуют дискурсивные линии, подобные «в первый раз после распада Советского Союза был сделан начальный шаг, чтобы восстановить естественные экономические и торговые отношения на бывшем советском пространстве» [7, с. 9], – то есть не идеология, а экономика видится двигателем дальнейшего развития ЕАЭС. Краткосрочные цели Евразийского союза совпадают с такой оценкой: «объединение бывших советских республик по образу и подобию ЕС, которое должно углубить экономические связи между его членами» [8, с. 19].

В то же время многие западные СМИ называют Евразийский Союз «частью большого плана по восстановлению “Большой страны”» [9, с. 4]. Ряд американских и европейских изданий видят в создании подобного интеграционного объединения «завуалированную попытку возродить Советский Союз, распад которого Путин, как хорошо известно, назвал “величайшей геополитической катастрофой двадцатого века”» [8, с. 17]. Более того, в западных СМИ приводится позиция, что «странам СНГ не предстоят легкие отношения с избранным в третий раз Президентом Владимиром Путиным, который в довольно агрессивной форме объявил пространство СНГ важнейшим полем в политике Москвы» [10, с. 2].

Во многих европейских СМИ подчеркивается, что с образованием ЕАЭС «Россия снова становится мировой империей, играющей важную роль в Евразии» [11, с. 3]. Тем не менее они полагают, что формат этого союза будет иметь характер, отличный от СССР. Специалистами отмечается, что «Евразийский союз – не только для того, чтобы проглотить соседей, которые на это пойдут, но и для того, чтобы противостоять исламскому и китайскому вызовам... это – повестка для Москвы» [9, с. 4]. Как показала политическая практика создания Евразийского союза, в него действительно постепенно интегрируются преимущественно бывшие республики СССР, такие, как Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан. Существует возможность присоединения к организации Новой Зеландии. В этом случае Евразийский союз действительно приобретает новый формат.

В высказываниях ряда европейских политических деятелей прослеживаются мысль о нарушении регионального равновесия в Европе и опасение, что «никто из нас не будет доволен образованием нового “Варшавского договора” у наших дверей» [12, с. 7], или дискурсивные тренды, согласно которым «В.В. Путин пытается сформировать новую идентичность на территории современной России, в том виде, в каком она сейчас существует» (*Si la Russie perd son... 2014*). При этом практически все СМИ сходятся в позиции, что «Россия с подчиненной ей Украиной снова превратится в империю... без Украины Россия еще долго будет оставаться в положении раненного медведя» [13, с. 1].

В дискурсивном пространстве российских СМИ наблюдается определенное пересечение позиций с западными экспертами. В частности, указывается, что Россия не предпринимает попыток создания интеграционного объединения имперского военно-политического типа. Напротив, глобальная цель структуры – «заключение нового договора между Евразийским экономическим союзом и Европейским Союзом... однако подобного рода договор должен быть основан на примерном паритете, а не простом присоединении России к Евросоюзу» [14, с. 25].

Среднесрочные задачи объединения, как отмечают российские издания, состоят в конструировании связующего экономического звена между Азией и Европой. Это положение выражается посредством такого дискурсивного тренда, как «Евразийский Союз – мост и центр геополитического притяжения между Европой и регионами Тихоокеанской Азии, то есть динамичная территория, очень напоминающая Европейский Союз, которая когда-нибудь сможет ввести свою новую валюту» [15, с. 2]. В данном контексте указывается на наличие многочисленных инфраструктурных проектов, которые способствуют реализации поставленной цели. К ним относят «реконструкцию железнодорожной линии “Стамбул – Алма-Ата”, коридор “Мумбаи – Санкт-Петербург”, прокладку железного пути из порта Гвадар в Далбандин, дорогу из Куньмина в Читтагонг и т.д.» [15, с. 3].

Текущий статус ЕАЭС как политического проекта имеет, как минимум, три измерения. В первое входит характеристика ЕАЭС, которая дается государствами, его основавшими. В данном контексте экономический блок вопросов неизменно является доминирующим. Отмечается, что «на долю трех стран, основавших Евразийский союз, приходится одна пятая мировых запасов газа и 15% мировых запасов нефти... географическое положение позволит создать транспортную и инфраструктурную сеть не только регионального, но мирового значения, что привлечет огромные торговые потоки как из Европы, так и из Азии» [16, с. 3]. Энергетическая составляющая данного политического проекта выделяется особенно и выносятся на первый план его функционирования в настоящее время.

Второе измерение ЕАЭС связано с его трактовкой международными политическими и экономическими институтами. Экспертами Всемирного банка отмечается, что у данного проекта отсутствуют крупные и долгосрочные преимущества для его участников [17, с. 95–96]. При этом можно встретить негативные прогнозы, согласно которым «без прямых субсидий страны Центральной Азии не увидят никаких существенных выгод от вступления в союз» [18, с. 2]. Необходимо отметить, что в данном контексте подчеркивается нега-

тивная роль Китая, находящегося за пределами ЕАЭС и пытающегося выстроить собственные экономические связи с государствами Центральной Азии. Очерчивается определенный круг вызовов и угроз, стоящих перед политическим проектом ЕАЭС.

Третья характеристика ЕАЭС связана с позициями ЕС и США по отношению к данной организации. Так, ряд европейских политиков и экспертов полагают, что «Евразийский союз может вскоре стать новой великой силой на международной арене, заменив собой Европейский Союз... ось мира все больше будет смещаться на восток» [19]. В более жестком ключе выстраивается позиция американских аналитиков относительно возможных перспектив функционирования ЕАЭС: ими подчеркивается, что «санкции западного сообщества в отношении России имеют ряд смыслов и несколько форматов, и один из них – блокирование экономического развития участников всевозможных соглашений по поводу Евразийского союза» [20, с. 3].

Таким образом, институционализация политического проекта ЕАЭС связана со множеством факторов. Это ожидания уже имеющихся и потенциальных членов данной организации относительно перспектив ее дальнейшего развития. В данном случае привлечение новых членов в организацию возможно только при координированном взаимодействии «стран-основателей». Кроме того, это определение ключевого «профиля» работы организации, которая в настоящее время более тяготеет к экономическому, нежели политическому взаимодействию. Это проявляется в постоянном акцентировании ее членами своих суверенных возможностей внутри единой структуры еще на этапе ее формирования. В дальнейшей институционализации ЕАЭС важна позиция международных акторов, многие из которых воспринимают его как конкурирующую политическую и экономическую структуру. В то же время на данном этапе в политическом проекте ЕАЭС практически не прослеживается его цивилизационная составляющая, которая напрямую связывает его с идеями славянофилов XIX в. (Н.Я. Данилевского, П.Н. Савицкого и др.).

Библиографический список

1. Эрол М.С. Рождение третьих Штатов // *Milli Gazete*. 2014. 2 June. URL: <http://defacto.am>
2. Фарчи Д.Д. Соседи России: основные цвета // *The Financial Times*. 2014. 10 June.
3. Жего М. Поспешное рождение Евразийского союза // *Le Monde*. 2014. 30.05.
4. Интервью В.В. Путина радио «Европа-1» и телеканалу TF1. URL: <http://kremlin.ru/news/45832>
5. Гвоздев Н. Казахстан как модель сотрудничества с Россией для Украины // *World Politics Review*. 2014. 30.05. First Column.
6. Марчильяно А. Евразийский союз – вызов Брюсселю // *Il Giornale*. 2014. 30.05.
7. Mauro D.B. Urss? No grazie, Putin sogna l'Unione Euroasiatica // *Limes*. Fall. November 2012.
8. Mankoff J. What a Eurasian Union Means for Washington // *The National Interest*. Fall. April 2012.
9. Коэн А. Перезагрузка была мертворожденной // *День*. 2013. № 4.
10. Zigfeld K. Ar problmvm NVS // *American Thinker*. Fall. April 2012.
11. Aron L. La Russia ritorna un impero? // *Foreign Affairs*. Fall. June 2013.
12. Zilpimiani L. L'Unione Eurasiatica rappresenta la nuova sfida di Putin all'Occidente // *L'Occidentale*. Fall. April 2012.

13. Fuer Russland geht es in Kiew nicht nur um Macht, sondern auch um die Seele // Die Welt. Fall. December 2004.
14. *Trenin D.* The End of the EU – Russia Relationship As You Know It // Carnegie Endowment for International Peace. Fall. December 2012.
15. *Боровский О.* Запад есть Запад, а Россия есть Восток // Украина молода. 2013. № 6. С. 2–5.
16. *Мичел К.* Насколько значим Евразийский экономический союз? // The Diplomat. 2014. 4 June.
17. *Мутрохина Т.Н., Горбачев М.В., Федорова С.А.* [и др.] Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ. М., 2014.
18. *Зигфелд К.* Россия: удавка затягивается // American Thinker. 2014. 9 June.
19. URL: <http://ria.ru/world/201405-28/1009761661.html>
20. *Мурадян И.Х.* Второй круг блокады Евразии // Lragir. 2014. 7 April.

D.K. Azizov
Comparative Analysis
of the Systems of Civil Services
and Public Administration:
the Experience of Developed
Countries to the Republic
of Uzbekistan

A comparative analysis of legal and regulatory framework of civil service of seven countries representing various continents and public administration systems is drawn. Some aspects of civil service in foreign countries are considered, including the development of the concept of civil service, and principles and features of civil service. Foreign experience of different legal systems and legal culture allows studying legal peculiarities of the civil service reform.

Key words and word-combinations: public administration, civil service, public service, Russia, China, Uzbekistan.

Дается сравнительный анализ нормативно-правовой базы государственной службы семи стран, представляющих разные континенты и системы государственного управления. Рассматриваются некоторые аспекты государственной службы в зарубежных странах, включая разработку концепции государственной службы, принципы и признаки государственной службы.

Ключевые слова и словосочетания: государственное управление, государственная служба, публичная служба, Россия, Китай, Узбекистан.

УДК 321
ББК 66.03

Д.К. АЗИЗОВ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ СИСТЕМ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖБ
И ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ:
ОПЫТ РАЗВИТЫХ СТРАН
ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН

В странах СНГ сформирована собственная модель государственного управления, хотя совсем недавно они входили в единую систему государственного управления и имели единый взгляд на систему принятия решений в менеджменте структур власти.

В настоящее время научный интерес ученых из стран Центральной Азии обращен в сторону изучения зарубежного опыта государственного управления. К примеру, по утверждению ряда ученых, правительство Республики Узбекистан приняло в качестве модели развития схожую с турецкой модель [1]. Некоторые формы республиканской сис-

темы управления заимствованы у Франции. Аналогичный подход, но с разными вариантами выбрали также Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан.

Обращаясь к историческому опыту, можно убедиться, что в России современная система управления государством начала формироваться в ходе реформ Петра I. Например, рекомендации руководителю производства того времени звучали следующим образом: «Управителю, по окончании каждого года, а именно в декабре месяце, о припасах и работниках, конечно, оных и к чему, потребно сочинять ведомости не позже как 20-го числа, дабы о покупках припасов на ярмарках и о прочем можно рассудить и определение, не упуская времени, учинить. А ежели оных на то число подано не будет, то за оное с управителя за всякий умедленный день удержат надлежит по гривне» [2].

Проанализируем опыт семи развитых стран в вопросе использования и интерпретации понятия государственной службы и сделаем выводы, необходимые для системы управления Республики Узбекистан.

Так, только в России есть понятие «государственная гражданская служба». В США и Великобритании существует понятие просто «гражданская служба». В Китае и России есть понятие «государственная служба». В Германии и Франции такой термин, как «публичная служба», употребляется только в научных кругах, но законодательно не закреплён. В Японии термин «гражданская служба» отсутствует либо является производным от определения государственного служащего [3, с. 262].

Во многих из рассматриваемых стран определение государственной службы утверждено законодательством. Например, в США (секция 2101, раздел 5 Свода законов США) в основе определения лежит противопоставление гражданской и военной службы [4]. При этом под гражданской службой понимаются все замещаемые должности в исполнительной, судебной и законодательной ветвях власти США, за исключением должностей в составе военизированных служб. Военизированные же службы объединяют вооружённые силы, подразделения Службы общественного здоровья; подразделения Национальной администрации по океану и атмосфере.

В России (ст. 1 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» в редакции от 5 мая 2013 г.) в основе разделения лежит противопоставление государственного и негосударственного секторов [5]. Государственная служба Российской Федерации – профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий: Российской Федерации; федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; субъектов РФ; органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов субъектов РФ и т.д. При этом государственная гражданская служба в Российской Федерации – это профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов РФ и т.д.

Во Франции термин «государственное управление» существует только на доктринальном уровне. Публичная служба (противопоставляется непубличному сектору) означает в материальном смысле (внешняя форма) осуществление профессиональной деятельности в интересах государства, территориального коллектива, публичного учреждения и любой администрации; в формальном или органическом смысле (внутренняя структура) – агентов государства, территориальных коллективов и публичных учреждений, имеющих статус государственных служащих. В основе определения публичной службы Франции лежит концепция неприкосновенности основополагающих прав и свобод человека [3].

В Германии, как и во Франции, понятие «государственная служба» также существует только на доктринальном уровне. Публичная служба означает в функциональном смысле (внешнее выражение) деятельность, осуществляемую в целях выполнения общегосударственных задач управления, или нахождение на службе у одного из юридических лиц публичного права – федерации, земли, общины, различных публично-правовых корпораций; в институциональном смысле (внутреннее выражение) – круг лиц, для которых выполнение публичных дел составляет профессиональную деятельность. В основе определения публичной службы Германии лежит концепция единства, целостности и неделимости интересов германского общества и признание в качестве цели государства обеспечение максимальной их защищенности [3].

В Великобритании (п. 2 Кодекса гражданской службы с изменениями от 2010 г., Закон о конституционной реформе и управлении 2010 г.) гражданская служба – неотъемлемая и ключевая часть правительства Соединенного Королевства, оказывающая ему поддержку в повседневном развитии и осуществлении политики и оказании публичных услуг. В противопоставление гражданской службе – разведывательные службы, штаб-квартиры правительственных коммуникаций, гражданская и судебная службы Северной Ирландии, внешние государственные службы. Выделение гражданской службы Великобритании производится на основе противопоставления гражданской службы Короне (целью которой является служение всему Соединенному Королевству в целом) службам, осуществляющим внешнюю деятельность (разведывательная, коммуникационная, дипломатическая), а также, в силу исторических особенностей взаимоотношений, гражданской и судебной службам Северной Ирландии [6].

В Японии термин государственного управления законодательно не закреплен, но опосредован ст. 15 Конституции, которая гласит: «Государственная публичная служба – служение всему обществу, а не какой-либо его части» [7]. Это сфера деятельности лиц, работающих на государство и служащих всему обществу, а именно: административная, дипломатическая, судебная. Для Японии характерны высокая степень интеграции понятий «общество» и «государство» на уровне общественной культуры, причем данные понятия доминируют над понятием «частное». В связи с этим отсутствует противопоставление государственной публичной службы чему-либо, а используется подход простого перечисления сфер деятельности.

В Китае рассматриваемый термин существует на доктринальном уровне и опосредован понятием «государственный служащий», определенном в Законе о государственном служащем. Государственная служба выражается во внешней форме – выполнении общественных обязанностей. Внутреннюю структуру определяет соответствие деятельности государственного служащего законам, включение государственного служащего в государственный административный штат, оплата деятельности за счет государственных публичных финансов, содержание государственного служащего за счет государственных публичных финансов. Для Китая, так же как и для Японии, характерен высокий уровень интеграции общества и государства. В связи с этим определение государственной службы фактически не разделяет общественный и государственный интерес, а базируется на отличительных признаках без каких-либо противопоставлений [3].

По ряду признаков государственной службы в разных исследуемых странах можно определить специфику власти и системы управления. Данную характеристику можно отразить в таблице, соотнося признаки с тем или иным государством.

Признаки государственной службы

Государственная служба – разновидность деятельности	Страны
Государственная служба – обособленные институты или организации	Германия, Франция, Великобритания
Наличие особых должностей государственной службы (персонала государственной службы)	Россия, Китай, Германия, США
Противопоставление государственной (гражданской, публичной) службы другим видам служб (военной, дипломатической и т.д.)	Великобритания, США
Государственная служба строится на профессиональной основе	Россия, Германия
Государственная служба направлена на обеспечение и реализацию полномочий государственных органов власти	Россия, Китай, Великобритания, США
Цель государственной службы – удовлетворение общественных потребностей (оказание публичных услуг)	Германия, Великобритания, Франция, Япония
Государственная служба строится на принципах управления	Германия, Франция
Оплата государственной службы осуществляется за счет публичной казны (государственного бюджета)	Китай

Следовательно, различное использование понятий «государственная служба», «гражданская служба» и «публичная служба» в различных государствах зависит

от принципа, который положен в основу их выделения: служение государству либо служение обществу, противопоставление гражданских и военизированных служб, выполнение общественно (публично) значимых функций и т.д. В каждом конкретном случае использования термина необходимо обращать внимание на культурные, исторические и правовые особенности того или иного государства, оказывающие существенное влияние на содержание используемых в законодательстве и науке терминов [8].

Таким образом, в научной литературе большинства стран часто можно встретить определения государственной службы «в узком смысле» и «в широком смысле». Узкий смысл, как правило, связан с определением внутренней организации государственной службы как аппарата. Широкий смысл чаще всего подразумевает деятельность, которую ведет этот аппарат для целей реализации принципов, задач и функций государственной службы.

Библиографический список

1. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. М., 1997.
2. Накаряков Б.Н. Добрый порядок яко душа каждому делу // ЭКО. 1978. № 1.
3. Демин А.А. Государственная служба в странах основных правовых систем мира: нормативные акты. М., 2007.
4. Свод Законов США. Вашингтон, 1998.
5. Федеральный закон от 5 мая 2013 г. «О системе государственной службы Российской Федерации». М., 2013.
6. Кодекс гражданской службы Соединенного Королевства Великобритании. Закон о конституционной реформе и управлении Великобритании. Лондон, 2010.
7. Конституция Японии, 2002 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
8. World Bank, 2013. World Development Indicators 2013. Washington, 2013.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

A.N. Gasanova
**The Principles of Law:
Modern Approaches**

The author studies the legal nature of law principles. Special attention is paid to the analysis of the place and role of the law principles in a modern legal system. The article analyzes modern types of legal principles classification. The importance of the fundamental ideas of law is considered in the context of modernity.

Key words and word-combinations:
law, principles of law, system of law, classification, globalization.

Исследуется правовая природа принципов права. Особое внимание уделяется анализу места и роли принципов права в современной правовой системе. Анализируются современные типы классификации правовых принципов. Рассматривается значение основополагающих идей права в условиях современности.

Ключевые слова и словосочетания:
право, принципы права, система права, классификация, глобализация.

УДК 340.1
ББК 67.0

А.Н. Гасанова

ПРИНЦИПЫ ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Любая область жизнедеятельности человека основывается на определенных принципах, и юридическая сфера не является исключением. В философии принцип – это руководящая идея, первоначало, центральное понятие того или иного предмета, процесса, деятельности. Аристотель понимал принцип как первую причину, то, исходя из чего нечто существует или будет существовать.

Рассматривая данное понятие в антропологическом ключе, принцип можно определить как внутреннее убеждение человека, основывающее его отношение к действительности, определяющее нормы его поведения и деятельности в той или иной сфере. В этике принцип есть норма, правило поведения, которое может быть всеобщим (моральным) и частным. Например, религиозные заповеди, содержащиеся в Коране и Библии, представляют собой моральные принципы. Частные же принципы – это те, руководствуясь которыми индивид корректирует свое частное поведение.

Таким образом, принципы в объективном смысле представляют собой основополагающие начала любых человеческих взаимоотно-

ношений, характеризуют нравственные и профессиональные качества личности, ее отношение к общепринятым основам морали, этики, к пониманию добра и зла. Согласно Цицерону, право призвано искоренять пороки и насаждать добро. Право должно иметь нравственную основу, как справедливо отмечает О.И. Цыбулевская, соответствие права моральным критериям – один из основополагающих принципов данного явления [1, с. 123].

В юриспруденции понятие принципа трактуется примерно так же, как и в философии. Принципы права – основополагающие начала, идеи, определяющие содержание и направления правового регулирования в целом и каждой из его отраслей в частности. Казалось бы, проблеме правовых принципов уделяется достаточное внимание, во всяком случае ее трудно отнести к числу малоисследованных. Однако в условиях трансформации современных реалий, отношений, институтов, сознания людей принципы права не составляют исключения, они также подвержены изменениям. Соответственно, вопрос о принципах государственно-правовых явлений по-прежнему ключевой и теоретически значимый.

Современная Россия вступила в новую эпоху развития, сменились правовые приоритеты, основы государственного устройства, экономического и социального развития общества. Основополагающими принципами стали принципы разделения властей, господства права, верховенства закона, экономической свободы и частной собственности, достоинства личности и права человека и другие.

В современной правовой системе особое внимание следует уделить доктринальному изучению данного правового явления. Принципы выражают сущность права, определяют характер толкования и применения его норм, тем самым оптимизируя правоприменительную политику. Значение и роль принципов права в современной правовой системе трудно переоценить: они обеспечивают разрешение дел, возникших из отношений, не урегулированных нормами права, благодаря тому что могут быть использованы в качестве правовых норм при аналогии, имеют огромное воспитательное значение, играют важную роль в формировании правосознания граждан.

Выработка долговременной правовой политики, установление основных векторов правового развития страны напрямую связаны с исследованием принципов российского права, ведь стабильная и предсказуемая правовая ситуация в обществе не менее важна, чем политическая и экономическая. Принципы права играют важную регулятивную роль, устанавливая рамки наиболее желательного и нравственного поведения людей, давая возможность личности определиться в своих представлениях о законном и противозаконном, помогая установить жизненные приоритеты и ценности, а также осознать всю меру ответственности каждого человека перед согражданами, обществом, государством.

Нормативный характер принципов права приобретает особое значение, когда речь идет об аналогии права. При обнаружении пробелов в законодательстве, которые препятствуют объективному разрешению судом конкретного дела,

суд руководствуется общими началами и принципами права, основанными на идеях справедливости и гуманизма. В связи с этим общепризнанные правовые принципы выделяют в качестве источников права в Российской Федерации. Действие принципов неопределенно длительное время позволяет им претендовать на статус формы права. В таком качестве они характерны не только для пробелов в праве, но и когда необходимость принятия нормативного акта прямо вытекает из правовых принципов.

Развитие общественных отношений приводит к тому, что в обществе возникают нетипичные, новые отношения, которые законом не урегулированы. Это чревато появлением не предусмотренных в законе жизненных ситуаций, которые будут разрешаться именно с помощью принципов права [2, с. 177]. Например, в современном российском гражданском праве принципы добросовестности, разумности и справедливости используются для определения пределов допустимого осуществления субъектами принадлежащих им гражданских прав, а также восполнения пробелов в законодательстве. Данные принципы используются с целью установления содержания прав и обязанностей сторон обязательств при отсутствии прямого урегулирования отношений законом, соглашением сторон, обычаями делового оборота и при невозможности использования аналогий закона и права [3, с. 23].

Нельзя не согласиться с выводом О.Е. Кутафина о том, что, когда принимается законодательное решение по вопросам, прямо не указанным в Конституции, законодательный орган обязан руководствоваться общими принципами конституционного строя и права, в частности принципом разделения властей [4, с. 75]. Если рассуждать об отражении принципов права в нормативных актах, безусловно, желаемым вариантом является ситуация, когда высокие идеи нравственности, свободы, гуманизма и справедливости находят отражение в демократических законах. Право и закон не должны расходиться, они должны проявляться как форма и содержание.

Принципы права являются своего рода идеалами, по которым выверяется законность нормативных актов, определяется возможность существования конкретного нормативного акта в качестве формы выражения права. Таким образом, принципы права выступают в качестве фундаментальных идей законодательной деятельности, которые, воплощаясь в конкретных юридических нормах, могут косвенно влиять на те или иные правоотношения, а в ряде случаев непосредственно их регулировать. С принципами права должны быть согласованы все предписания, содержащиеся в законодательном акте. В связи с этим содержание принципов права подлежит наиболее полному и детальному раскрытию как в научных работах, так и в законодательных актах. Принципы права должны быть максимально действенными, в полной мере отражаясь в любых правоотношениях.

Предметом дискуссии остается вопрос о разграничении понятий «принципы права» и «правовые принципы». К примеру, некоторые авторы различают методологический статус понятий «правовой принцип» и «принцип правовой системы». Правовой принцип представляется понятием наиболее объемным,

включающим в себя не только принципы права, но и принципы правовой системы, правовой политики и т.д. [5, с. 114].

Более объективной представляется другая точка зрения, согласно которой разграничение понятий «правовые принципы» и «принципы права» смысла не имеет. Как отмечает О.И. Цыбулевская, употребляя понятие «принципы права», мы чаще всего подразумеваем феномен права в целом, то есть рассматриваем его и как систему правовых норм, и как правосознание, и как идеологическую надстройку, и как реально складывающиеся правоотношения [2, с. 179].

По-прежнему актуален вопрос классификации правовых принципов. Специалисты отраслевых наук отмечают многоуровневую систему принципов. Например, Г.Б. Виттенберг выделял две группы основных принципов уголовного права: общеправовые принципы и принципы, специфически для уголовного права [6, с. 90]. А.В. Наумов рассматривает трехуровневую систему принципов: общие межотраслевые и специальные [7, с. 69–82]. Подобной классификации придерживается и О.И. Цыбулевская [8, с. 153].

Выделение трехуровневой системы правовых принципов основывается на критерии сферы распространения принципов права и уровне их взаимодействия между собой. Данная классификация представляется вполне оправданной как теоретически, так и практически. Общеправовые принципы определяют содержание всего процесса правового регулирования тех или иных общественных отношений, оказывая огромное влияние на законодательную практику. Это обусловлено тем, что общеправовые принципы являются структурным элементом гораздо более общего понятия, нежели система принципов права конкретной правовой отрасли.

Согласно классификации, предложенной А.В. Малько и К.А. Струсь, общеправовые принципы права можно разделить на две группы: морально-этические, или нравственные, и организационные. Морально-этическая природа общеправовых принципов обеспечивает духовно-нравственный базис, исходные начала, которые оказывают влияние на информационное содержание правовых основ. Приоритетные ценности, которыми должны руководствоваться субъекты правотворческой и правоприменительной деятельности, выражаются, в свою очередь, организационными принципами. Они тесно взаимосвязаны с нравственными, поскольку должны обуславливаться их соблюдением. Общеправовые принципы формируют систему отраслевых и межотраслевых принципов права, являясь своего рода фундаментом правовых основ регулирования общественных отношений в различных сферах деятельности.

Отраслевые принципы обеспечивают отражение общеправовых принципов через призму предмета и метода регулирования той или иной отрасли права. Содержание отраслевых принципов несет в себе отражение основополагающих теоретико-правовых идей в форме принципов развития определенной отрасли права, а также основных организационно-регламентирующих принципов механизма правового регулирования [9, с. 49].

Характеристика функционального аспекта правовых принципов раскрывает их практическое предназначение. Выделяются две функции: внутренняя и внешняя. Внутренняя обеспечивает согласованность системы юридических норм. Все нормативные предписания должны соответствовать принципам права и вытекать из их содержания. Это позволяет осуществлять правовое регулирование на единых началах, что обеспечивает его наибольшую результативность. Внешняя функция принципов права заключается в непосредственном регулировании поведения субъектов общественных отношений. Наличие возможности реализовать требования принципов права не только в рамках правоприменения при пробелах в законодательстве, но и не прибегая к таковому обеспечивает наибольшую объективность правового регулирования. Таким образом, принципы права являются ведущими началами формирования, развития и функционирования права, пронизывая и систему прав субъектов общественных отношений, и правовую реальность страны в целом, отражая потребности развития общества на каждом историческом этапе.

В современных условиях глобализации взаимопроникновение различных юридических систем является особенностью правового развития европейских стран. Российское право интегрируется в мировое пространство, что, в свою очередь, способствует развитию российского права, его обогащению и совершенствованию, соответствию международным стандартам и нормам. Проблема правовых принципов, а особенно их реализации, требует прочтения в новом ключе. Правильное соотношение приоритетов, определение новых направлений правового развития общества является одной из важных задач. Общеизвестные принципы права должны оставаться постоянными, находя наиболее полное отражение в содержании правовых основ различных сфер правового регулирования.

Библиографический список

1. *Цыбулевская О.И.* Нравственные основания современного российского права. Саратов, 2004.
2. *Цыбулевская О.И.* Принципы права: нравственное измерение // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010.
3. *Бошно С.В.* Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. 2003. № 1.
4. *Кутафин О.Е.* Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002.
5. *Байниязова З.С.* Основные принципы российской правовой системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
6. *Виттенберг Г.Б.* Развитие основных принципов советского уголовного права в новом кодексе РСФСР // Правоведение. 1962. № 4.
7. *Наумов А.В.* Российское уголовное право: Общая часть. М., 1996.
8. *Цыбулевская О.И.* Принципы и функции права // Теория государства и права: курс лекций под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2001.
9. *Малько А.В., Струсь К.А.* Принципы права как важнейшая составляющая правовых основ развития общества // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010.

O.Yu. Konevskaya,
E.V. Chervonnykh
Foreign Experience
of Legal Regulation
to Counter Media Freedom Abuse

The article considers the development of criminal law from the perspective of the media freedom regulations in the Russian Federation. Foreign experience-based it suggests many possible ways to optimize the criminal law in some areas of national security.

Key words and word-combinations: media freedom, public morality, extremist materials.

Рассматриваются вопросы развития уголовного законодательства в области регулирования свободы массовой информации в Российской Федерации. На основе изучения зарубежной практики предлагаются возможные пути оптимизации уголовно-правовых норм по ряду направлений обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова и словосочетания: свобода массовой информации, общественная нравственность, экстремистские материалы.

УДК 343.3
ББК 67.408.14

**О.Ю. Коневская,
Е.В. Червонных**

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМ СВОБОДОЙ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Создание информации, ее сбор, обработка, накопление, хранение, поиск, распространение и предоставление потребителю, использование информационных технологий и средств их обеспечения, защита информации и прав субъектов, участвующих в информационных процессах, не могут происходить без участия государства. Информатизация, как процесс необратимый и неизбежный, порождает для государства обязанность обеспечить состояние защищенности интересов граждан, общества и государства, их совместимость и взаимодействие в едином информационном пространстве.

В правовом, организационном и технологическом отношении сфера распространения массовой информации является одним из наименее защищенных сегментов государственного механизма. Современное состояние законодательного регулирования свободы массовой информации, и особенно ее правовых ограничений, в Российской Федерации нельзя признать удовлетворительным, поскольку таковые не обеспечивают необходимого баланса интересов личности, общества и государства в информационной сфере. Между тем вопросы ограничения свободы массовой информации, рассматривае-

мые как условия демократического развития российского общества, а также ответственности за злоупотребление свободой массовой информации должны получить комплексное правовое закрепление в отечественном законодательстве. Отсутствие качественно отработанной и апробированной нормативной базы уголовного законодательства страны, отвечающего реальным требованиям времени, дает стимул к злоупотреблению служебным положением представителями журналистского сообщества и возможность использования средств массовой информации в преступных целях. Эта проблема приобрела особое звучание в связи с актуализацией вопроса обеспечения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации.

Сложность и неоднозначность современных политических, экономических, социальных процессов обусловили негативно ориентированную динамику внешних и внутренних угроз национальной безопасности страны. Реализация ранее не используемых социально-политических технологий (в частности, смена политтехнологий цветных революций на технологии вооруженного Майдана) внесла изменения в устоявшееся понимание основ мирового устройства, в том числе роли информационной защиты национальных идей.

События на Украине 2014 г. свидетельствуют о том, что в ближайшее время Российская Федерация неминуемо столкнется с рядом проблем международного, правового, социально-экономического, а значит, и информационного характера. В этих условиях выстраивание системы правового обеспечения адекватного, неангажированного отражения в СМИ событий, происходящих как на территории страны, так и за ее границами, приобретает общенациональное значение.

С учетом того что отсутствие качественно отработанной и апробированной нормативной базы уголовного законодательства страны, отвечающего реальным требованиям времени, дает стимул к злоупотреблению служебным положением представителями журналистского сообщества и возможность использования СМИ в преступных (в том числе антигосударственных, антинациональных, экстремистских, сепаратистских и иных) целях, рассматривается проблема уголовно-правового регулирования в области противодействия злоупотреблению свободой массовой информации.

Следует обратить внимание на тот факт, что нормы российского уголовного законодательства, охраняющие от преступных посягательств с использованием СМИ права и свободы личности, общество и государство, рассматриваются в различных главах действующего УК РФ; при этом самостоятельный раздел по вопросам допустимой деятельности отечественных СМИ отсутствует. Вместе с тем в уголовных кодексах ряда зарубежных стран предусмотрены не только специальные статьи, посвященные преступным посягательствам с использованием СМИ, но и целые разделы, где фигурируют правонарушения данной категории, что, несомненно, представляет определенный интерес для отечественной законотворческой практики.

Так, в Уголовном кодексе Республики Сан-Марино в разделе V «Преступления, совершенные с помощью средств массовых коммуникаций» книги 2

предусмотрены следующие статьи: ст. 46 «Преступления, совершенные посредством печати: ...умышленное преступление совершается посредством печати – всю ответственность несет автор публикации и любое лицо, принимавшее вместе с ним в этом участие»; ст. 47 «Преступления, совершенные с помощью иных средств массовой коммуникации: ...ответственность несет автор текста либо всякое лицо, которое было согласно с ним» [1, с. 153]. В данных статьях предусмотрено, что в случае если автор текста не известен, вся ответственность возлагается на специального субъекта преступления: директора издания, редактора, директора программы, продюсера программы. Это связано с тем, что если должностное лицо, в полномочиях которого находится право опубликования, редактирования, а также освещения какого-либо материала, осознает возможность реального привлечения к уголовной ответственности, оно будет более ответственно и осознанно подходить к вопросу освещения той или иной информации, нарушающей нормы права, этики и морали.

Примерно по такому же пути пошла и российская судебная практика по делам о защите чести и достоинства граждан и юридических лиц. В отсутствие специального режима ответственности для прессы правоприменители руководствуются положениями п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [2]. Если оспариваемые сведения были распространены в СМИ, то надлежащими ответчиками являются автор и редакция соответствующего средства массовой информации. Если эти сведения были распространены в СМИ с указанием лица, являющегося их источником, то это лицо также является надлежащим ответчиком. При опубликовании или ином распространении не соответствующих действительности, порочащих сведений без обозначения имени автора (например, в редакционной статье) надлежащим ответчиком по делу является редакция соответствующего средства массовой информации, то есть организация, физическое лицо или группа физических лиц, осуществляющие производство и выпуск данного средства массовой информации. В случае если редакция СМИ не является юридическим лицом, к участию в деле в качестве ответчика может быть привлечен учредитель данного средства массовой информации.

Непосредственно в Уголовном кодексе РФ СМИ остаются «обезличенными». Однако оценка перспективного введения «конкретно» специального субъекта преступления в ряд статей УК РФ, касающихся использования СМИ при совершении преступных действий, может произвести эффект сдерживания должностных лиц, работающих в системе СМИ, от необоснованного и бездумного освещения или опубликования информации без ее тщательной проверки и анализа на предмет содержания противоправных сведений.

Отдельная глава, посвященная СМИ, содержится и в УК Бельгии [3, с. 256] глава VI «Об опубликовании или распространении текстов без указания имени и юридического адреса автора или издателя», где, в частности, в ст. 299 указано,

что «любое лицо, которое будет сознательно способствовать опубликованию или распространению любой печатной продукции, в которой не будут указаны подлинное имя и юридические адреса автора и издателя, наказывается тюремным заключением... и штрафом...» [3].

Определенный интерес представляет анализ аналогичных диспозиций, а также санкций отдельных норм российского уголовного законодательства и законодательств зарубежных стран. Например, одними из наиболее распространенных преступных деяний, совершаемых с участием СМИ как в России, так и за рубежом, являются клевета и оскорбление в различных их проявлениях. По российскому законодательству они относятся к преступлениям категории небольшой либо средней степени тяжести. В УК РФ клевета или оскорбление в отношении различных категорий лиц содержатся в разных разделах кодекса, в частности в главе 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», главе 31 «Преступления против правосудия» и главе 32 «Преступления против порядка управления» УК РФ.

В ряде уголовных кодексов зарубежных стран такие преступления распределены наиболее систематизировано. Так, в УК Бельгии это глава II «Об оскорблениях и актах насилия в отношении министров, членов законодательных палат, представителей власти и вооруженных сил» и глава VII «Публичные оскорбления общественной нравственности». В УК Австрии – глава «Преступные деяния против чести», дополнительно содержащая ответственность за «публичное оскорбление конституционного представительного органа, федеральных Вооруженных сил или административных органов» (§ 116) [4].

Интерес представляют и аналогичные по своей сути статьи уголовных кодексов зарубежных стран, не нашедшие своего отражения в российском законодательстве. В УК Германии таковыми выступают §90 «Оскорбление Федерального Президента», §90a «Оскорбление государства и его символов», §90b «Антиконституционное оскорбление конституционных органов». Кроме того, в уголовном законодательстве Германии содержится §103 «Оскорбление органов и представителей иностранных государств: ...кто оскорбляет главу иностранного государства или в связи с должностным положением члена правительства иностранного государства... наказывается лишением свободы до 3 лет... в случае клеветнического оскорбления – лишением свободы на срок... до 5 лет»; §186 «Злословие» [5].

В УК Аргентины клевета или оскорбление с использованием средств массовой информации считаются отдельным составом преступления. В ст. 114 устанавливается: «...тот, кто опубликовал или любым способом воспроизвел оскорбление, нанесенное другим лицом, или клевету, совершенную другим лицом, подвергается тому же наказанию, что и автор оскорбления или клеветы» [6, с. 215]. Данная статья не имеет аналогичного состава преступления в российском законодательстве, поэтому если в российских СМИ появится информация, содержащая клевету, высказанную каким-либо конкретным лицом, со ссылкой на данное лицо, должностные лица, опубликовавшие либо осветившие такую информацию в своем издании, телепрограмме, радио, заведомо

знавшие о ее клеветническом характере, к ответственности не привлекаются до тех пор, пока инициатором такой информации не выступят сами СМИ.

При этом, например, уголовное законодательство Швейцарии содержит в разделе 3 и такие составы преступлений: «заведомая клевета», «клевета или заведомая клевета на умершего или безвестно отсутствующего». В УК Швейцарии в отличие от российского законодательства в разделе 18 «Преступные деяния против служебных и профессиональных обязанностей» содержится ст. 322 bis: «Невоспрепятствование наказуемому опубликованию: кто, являясь ответственным лицом... умышленно не препятствует опубликованию, посредством которого совершено наказуемое действие, наказывается тюремным заключением или штрафом. Если исполнитель действует по неосторожности, то наказанием является арест или штраф» [7].

Если обратиться к американскому опыту, то наблюдается несколько иная тенденция. Уважение к свободе слова в США настолько велико, что защита свободы слова распространяется даже на самые крайние формы выражения своего мнения. В отличие от других стран США не имеют законодательно закрепленной системы регулирования отношений в сфере массовой информации, в частности здесь отсутствует отраслевое законодательство о СМИ, которое существует во многих странах. Лишь отдельные федеральные акты и законы штатов затрагивают различные аспекты деятельности прессы, поэтому можно констатировать, что США занимают уникальное положение, не имея действующих законов, в том числе и уголовно-правового характера, которые бы карали за клевету, оскорбления, а также высказывания, наносящие оскорбления в связи с расовой, национальной или религиозной принадлежностью. Клевета в СМИ не является уголовным преступлением, и за последние годы в США не было ни одного случая уголовного преследования государственными органами за клевету или диффамацию.

Публичное выражение своих взглядов может быть наказуемо, если оно потенциально может спровоцировать воспринимающих эти взгляды людей на противоправные действия или насилие и только при условии, что это делается намеренно, с высокой степенью вероятности действительно спровоцировать такие действия. Ввиду такого «лояльного» законодательного подхода в отношении СМИ в США возникает и множество проблем, не позволяющих привлечь к уголовной ответственности должностных лиц СМИ. В частности, это касается опубликования секретных документов об Афганистане на интернет-ресурсе «Wikileaks». Около 91 тыс. документов по этой теме, содержащих новые данные о действиях коалиции в Афганистане, в том числе о гибели в результате этих действий мирных афганцев, стали достоянием общественности. Однако американское законодательство на уровне штатов все же имеет определенные ограничения по ряду вопросов: например, оскорбление суда в форме публикаций о судебном разбирательстве; оскорбление государственных органов и должностных лиц; ограничения на материалы «непристойного характера» и материалы с откровенно сексуальным уклоном, помимо очерченных понятием «непристойное выражение».

Еще один вид преступлений, совершаемый с использованием СМИ, отражен в УК Австрии, где в разделе 21 «Преступные деяния против правосудия» содержится §301 «Запрещенное опубликование: всякий, кто вопреки законодательному запрету публикует в печатном издании, по радио или каким-либо иным способом распространяет сообщение о содержании разбирательства, проводимого в суде или в административном органе, в котором участие общественности исключается... подлежит наказанию...» [4, с. 183]. Аналогичная самостоятельная статья в УК РФ отсутствует. В ст. 310 «Разглашение данных предварительного расследования» УК РФ не предусматривается такой круг объектов и субъектов преступного посягательства и не рассматривается использование СМИ в качестве квалифицирующего признака.

Между тем в нашей стране достаточно часто в СМИ освещаются сведения, касающиеся способов совершения различного рода преступлений, чему даже посвящены отдельные телепрограммы, не редко появляется информация о способах самоубийства, изготовления различных видов оружия, взрывчатых веществ, наркотических средств и психотропных веществ и т.д., что, по мнению криминологов, провоцирует рост различных правонарушений и преступлений в стране, особенно с участием несовершеннолетних лиц. Привлечь к ответственности за подобные действия, а тем более к уголовной, по российскому законодательству не представляется возможным из-за отсутствия соответствующих норм.

В связи с этим достаточно наглядным и показательным является уголовное законодательство Франции, в котором в отделе VI «О подстрекательстве к самоубийству» в ст. 223-14 предусмотрено, что «пропаганда или рекламирование каким бы то ни было способом товаров, предметов или методов в качестве средств причинения себе смерти наказывается тремя годами тюремного заключения и штрафом...» [8, с. 303]. В ст. 223-15 поясняется: «...если проступки, предусмотренные ст. 223-14, совершены с использованием и аудиовизуальных средств массовой информации, для определения лиц, подлежащих ответственности, применяются специальные положения законов, регламентирующих деятельность средств массовой информации».

Не менее опасным преступлением в условиях сложной политической обстановки в ряде стран являются публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности. В уголовных законодательствах некоторых европейских стран в статьях о терроризме не указывается использование СМИ в качестве способа призыва или пропаганды преступлений террористического характера. Это связано с тем, что ответственность за данный вид преступления установлена отдельными национальными законодательными актами (в Великобритании, Турции, Франции и др.), предусматривающими специальные нормы, ограничивающие свободу СМИ в целях предотвращения терроризма. Российское уголовное законодательство содержит норму, предусматривающую ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма с использованием СМИ (ст. 205 УК РФ), однако констатируем факт более «внимательного» отношения с законодательных позиций европейских нормативных актов, более

жесткого регулирования подобной деятельности, особенно с использованием различных средств телекоммуникаций.

С учетом результатов проведенного сравнительно-правового анализа целесообразно следующее:

– внести дополнения в ст. 205.1, 242, 280, 282, 310 УК РФ в части установления ответственности, которую несет журналист (автор) сообщения, распространенного в средстве массовой информации, а в его отсутствие – главный редактор средства массовой информации, с которым данное сообщение было согласовано;

– предусмотреть в УК РФ ответственность главного редактора за невоспрепятствование опубликованию экстремистских материалов в средстве массовой информации;

– дополнить ч. 2 ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» квалифицирующим признаком – использование средства массовой информации либо сетей связи общего пользования, в том числе с использованием сети Интернет. Внести соответствующие поправки в ч. 2 ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»;

– дополнить УК РФ нормой, предусматривающей ответственность за изготовление и хранение в целях дальнейшего распространения, а равно распространение экстремистских материалов (квалифицированным составом должно стать совершение указанного деяния в отношении материалов, включенных в соответствии с законодательством в список экстремистской литературы).

Полагаем, что реализация данных предложений позитивно отразится на состоянии информационной и духовной безопасности как значимых составляющих национальной безопасности в целом и будет способствовать развитию общественных отношений в области производства и распространения массовой информации, созданию действенных механизмов предотвращения злоупотребления свободой массовой информации и деструктивного воздействия СМИ на личность, общество и государство.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / науч. ред. С.В. Максимов. СПб., 2002.
2. Рос. газ. 2005. № 3719. 15 марта.
3. Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. Н.И. Мацнева. СПб., 2004.
4. Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. С.В. Милюков. СПб., 2004.
5. Уголовный кодекс ФРГ / науч. ред. Д.А. Шестаков. СПб., 2003.
6. Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. Ю.В. Голик. СПб., 2003.
7. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред. А.В. Серебренникова. СПб., 2002.
8. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки. СПб., 2002.

**E.V. Книга
The Refusal to Perform
the Contract as a Way
to Terminate the Obligations**

The article considers the right of a party to terminate the contractual obligation by means of unilateral withdrawal. The ratio relationship between such concepts as the termination of the contract and the refusal to perform obligations is described. The criterion of severity of a violation of obligations under a unilateral withdrawal from the contract is considered. According to the results of the research, the ground of the unilateral cancellation of the agreement in the sphere of civil law regulation is identified.

Key words and word-combinations: improper performance, contract counterparties' satisfaction, a fundamental breach of a contract.

Рассматривается право сторон прекращения договорного обязательства путем одностороннего отказа от его исполнения. Устанавливается соотношение таких понятий, как «расторжение договора» и «отказ от исполнения обязательства». Анализируется критерий существенности нарушения обязательства при одностороннем отказе от договора. По результатам проведенного исследования определяется место одностороннего отказа от договора в сфере гражданско-правового регулирования.

Ключевые слова и словосочетания: ненадлежащее исполнение, встречное удовлетворение, существенное нарушение договора.

УДК 347.4/5
ББК67.404.2

Е.В. Книга

**ОТКАЗ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ
ДОГОВОРА КАК СПОСОБ
ПРЕКРАЩЕНИЯ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

Выполнение сторонами обязательств в соответствии с условиями договора – залог экономического роста и успешного развития не только конкретного индивида, но и государства в целом. Надлежащее исполнение обязательств по договору является основным и закономерным способом прекращения обязательства (ст. 408 ГК РФ). Однако нельзя забывать, что прекращение обязательства может состояться и по другим основаниям, в том числе в связи с односторонним отказом от исполнения договора.

Ранее нами рассматривался вопрос о досрочном прекращении обязательств по договору на выполнение проектных и изыскательских работ: были исследованы случаи и порядок досрочного прекращения обязательств [1]. Однако для более полного представления о возможных трудностях, с которыми может столкнуться сторона договора, реализуя свое право на односторонний отказ от его исполнения, необходимо осветить еще два вопроса: во-первых, с чем связана необходимость законодательного закрепления права стороны на односторонний отказ от договора; во-вторых, должен ли отказ от договора происходить только в исключительных случаях.

Расторжение договора – это акт, направленный на досрочное прекращение на будущее время действия договора с целью прекращения на то же время возникшего из договора обязательства, срок исполнения

которого еще полностью или в части не наступил или исполнение которого имеет длящийся характер [2, с. 22–23]. По справедливому замечанию В.П. Грибанова, когда законодатель говорит о праве на отказ от договора (от его исполнения или принятия исполнения), имеется в виду право внесудебного расторжения [3, с. 152].

На практике встречается разное соотношение понятий «расторжение договора» и «отказ от исполнения обязательства». В одном случае суды считают, что отказ от исполнения обязательства является разновидностью расторжения договора [4]. В других делах суды противопоставляют расторжение договора (в том числе одностороннее) и отказ от исполнения обязательства [5]. При этом можно согласиться с Р.С. Бевзенко, который исходит из смысла норм ГК РФ (гл. 29 и ст. 310) о том, что расторжение договора является способом прекращения договора, который допускается либо по согласию сторон, либо по решению суда. Отказ от договора – это другой способ прекратить договор (в ч. 3 ст. 450 ГК РФ речь идет о том, что после заявления отказа от исполнения обязательства «договор считается... расторгнутым»), осуществление которого происходит посредством одностороннего волеизъявления [6].

При буквальном толковании проекта ст. 450 и ст. 450.1 ГК РФ следует, что законодатель под расторжением договора в одностороннем порядке понимает отказ от договора как таковой, отказ от исполнения договора и отказ от осуществления прав по договору. Вместе с тем отказ от договора есть не что иное, как отказ от совершения действий по договору. На законодательном уровне закреплены две основные разновидности отказа от совершения действий по договору: отказ от принятия ненадлежащего исполнения и отказ во встречном удовлетворении [7].

Закон (п. 2 ст. 328 ГК РФ) предоставляет кредитору право оперативно отреагировать на допущенное или грозящее нарушение встречного обязательства контрагента и отказаться от договора, если иное не предусмотрено законом или договором. Право отказаться от договора ввиду просрочки со стороны контрагента установлено в п. 2 ст. 405 ГК РФ, если исполнение утратило интерес для кредитора. Данные нормы из первой части ГК РФ можно соотнести со второй частью ГК РФ.

Из толкования п. 3 ст. 708 ГК РФ (которая ссылается на п. 2 ст. 405 ГК РФ) следует, что в случаях нарушения подрядчиком установленных договором сроков выполнения работ заказчик может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков, если для заказчика исполнение утратило интерес. Поскольку ответственность подрядчика по п. 3 ст. 708 ГК РФ наступает только в связи с нарушением конечного срока выполнения работы, отказ заказчика от принятия результата работ возможен лишь за пределами конечного срока. Как следует из п. 2 ст. 405 ГК РФ, данный отказ может быть заявлен заказчиком только до принятия исполнения от подрядчика. После принятия от подрядчика выполненных работ заказчик не вправе отказаться от договора и обязан оплатить выполненную и принятую работу [8]. При соблюдении подрядчиком конечного срока выполнения работы, его ответственность по п. 3 ст. 708 ГК РФ не наступает. Именно такой правовой позиции придерживаются

арбитражные суды [9]. Непредоставление в суд доказательств утраты интереса заказчиков ввиду нарушения подрядчиком срока выполнения работ также может явиться основанием для отказа в удовлетворении его требований [10].

Высказывается точка зрения, что отказ от договора, исполнение которого просрочено должником, может быть осуществлен кредитором только в случае, если просрочка носит существенный характер с учетом критериев определения существенности, заложенных в ст. 450 ГК РФ [11, с. 226–232]. При толковании п. 2 ст. 328 ГК РФ в юридической литературе также предлагается говорить именно о существенности нарушения, поскольку неисполнение обязательства влечет соответствующие имущественные потери [12].

Вопрос о существенности нарушения вызывает определенные разногласия. Некоторые авторы полагают, что существенное нарушение контрагентом договора является основанием его расторжения, если одновременно наличествуют четыре элемента: факт нарушения договора, вина контрагента, значительный ущерб для лица, иницирующего расторжение договора, причинно-следственная связь [13]. Однако более обоснованной выглядит точка зрения, согласно которой при оценке существенности нарушения предлагается принимать во внимание следующие факторы в совокупности: значительность негативных последствий нарушения, значительность самого нарушения как факта, утрата доверия к должнику, обоснованный интерес должника в сохранении договора или его отсутствие, недобросовестность должника [14]. Последняя позиция находит свое отражение на практике. Нарушение подрядчиком сроков окончания строительных работ и превышение сметной стоимости строительства, например, не являются безусловным основанием для расторжения договора. Вывод о несущественном характере данных нарушений с учетом обстоятельств дела не исключается. Однако такой вывод должен быть аргументирован с учетом требований, содержащихся в п. 2 ст. 450 ГК РФ [15].

Р.С. Бевзенко, исходя из примеров рассмотрения арбитражными судами спорных ситуаций, предложил следующую систематизацию факторов, влияющих на квалификацию нарушения договора как существенного:

- а) срок неисполнения обязательства является значительным;
- б) нарушение условия договора, являющегося существенным для данного вида договоров в силу указания закона;
- в) нарушение условия договора, которое признано существенным условием договора в силу соглашения сторон;
- г) неисполнение «основной» обязанности по договору;
- д) нарушение условия о целевом характере обязательства;
- е) нарушение договора может быть признано существенным в том случае, если оно является неоднократным;
- ж) существенным нарушением является такое нарушение, в результате которого стороны не достигают цели, которой они хотели достичь, заключая договор;
- з) нарушение договора не может считаться существенным, если оно является устранимым;

и) не может быть признано существенным нарушением договора такое нарушение, которое не повлекло за собой неблагоприятных последствий для другой стороны договора;

к) нарушение условий договора может являться основанием для расторжения договора только в том случае, когда имеются основания для применения мер ответственности за это нарушение [6].

В качестве примера существенности нарушения договора данная квалификация обоснованна, однако устанавливать закрытый перечень нарушений, которые можно отнести к существенным, нецелесообразно. Кроме того, абзацем 2 п. 2 ст. 450 ГК РФ определено, что существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора.

В рамках реформирования Гражданского кодекса РФ предлагалось внести радикальные изменения в общие положения о расторжении договора путем закрепления права на односторонний отказ от исполнения договора ввиду его существенного нарушения контрагентом во всех случаях, кроме предусмотренных законом, хотя бы для предпринимательских отношений [16]. Например, отношения сторон по договору поставки, одному из самых распространенных в коммерческом обороте, регулирует ст. 523, согласно которой существенное нарушение договора дает право на односторонний отказ от договора. Однако было решено рассмотреть этот вопрос, когда будет проводиться работа со второй частью ГК РФ, в нормах об отдельных видах договоров, а нормы об одностороннем отказе в данной части оставить без изменений. Вместе с тем распространение данного нормативного регулирования на подрядные отношения при выполнении проектных и изыскательских работ внесет большую определенность в отношения сторон при существенном нарушении условий договора, если при этом будет установлено, что срок обжалования такого отказа оппонентом составит 30 календарных дней. В противном случае перед стороной, инициирующей прекращение обязательств по договору в одностороннем порядке, будет неопределенное время стоять угроза признания такого отказа действительным, даже если она действовала добросовестно. В настоящее время разработчики поправок в ГК РФ остановились на редакции, согласно которой сторона вправе в одностороннем порядке отказаться от договора (от исполнения договора) только по основаниям, предусмотренным ГК РФ, иными законами или договором.

Расторжение договора должно происходить в исключительных случаях (как и предусмотрено в кодексе). Однако основным способом расторжения договора при существенном нарушении стороной условий договора предлагается сделать односторонний отказ от его исполнения с введением конкретного срока на обжалование такого отказа. В свою очередь, если сторона недобросовестно действовала при реализации своего права на односторонний отказ или его обжалование, другая сторона должна быть наделена правом требовать возмещения убытков.

Библиографический список

1. Книга Е.В. Досрочное прекращение обязательств на выполнение проектных и изыскательских работ // Вестник ПАГС. 2014. № 3 (42). С. 54–58.
2. Заменгоф З.М. Изменение и расторжение хозяйственных договоров. М., 1967.
3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.
4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 дек. 1997 г. № 4181/97 по делу № 65-1. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 сент. 1998 г. № 4264/98 по делу № 47-216 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
6. Бевзенко Р.С. Некоторые вопросы судебной практики применения положений главы 29 Гражданского кодекса Российской Федерации об изменении и расторжении договора [Электронный ресурс] // Вестник гражданского права. 2010. № 2. Доступ из СПС «Гарант».
7. Кузнецов Д. Расторжение договора и отказ от договора в гражданском законодательстве [Электронный ресурс] // Право и экономика. 2004. № 9. Доступ из СПС «Гарант».
8. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 окт. 2006 г. по делу № А56-9047/2005. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
9. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 5 окт. 2009 г. по делу № А60-41403/2008-С1 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
10. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 4 сент. 2009 г. по делу № А32-11106/2008-20/288 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
11. Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М., 2007.
12. Амирова Н.А. Закрепление права на односторонний отказ от исполнения обязательства в российском и зарубежном законодательстве // Законодательство. 2009. № 8. С. 58–64.
13. Каменецакая М.С. Существенное нарушение договора контрагентом как основание его расторжения [Электронный ресурс] // Законодательство. 2004. № 10. Доступ из СПС «Гарант».
14. Карапетов А.Г. Существенное нарушение договора как общее основание для его расторжения [Электронный ресурс] // Юридическая и правовая работа в страховании. 2006. № 3, 4. Доступ из СПС «Гарант».
15. Шевченко Е.Е. Комментарий к информационному письму Президиума ВАС РФ от 5 мая 1997 г. № 14 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
16. Витрянский В.В. Новые нормы договоров по II части ГК РФ [Электронный ресурс]. Всероссийский спутниковый онлайн-семинар «Гарант» от 4 марта 2014 г.

N.B. Zazaeva
**Communicative Mechanisms
for the Formation of Public
Opinion in the Sphere
of Interethnic Interactions
in Modern Russia**

The content of the communicative mechanism to work with public opinion on interethnic issues in the framework of the dialog model is covered. Special attention is paid to the content of additional professional training of journalists covering interethnic theme. Teaching is seen as an important element of the communication mechanism that is required for the production of consensus on the problems of interethnic interactions in modern Russia.

Key words and word-combinations: public opinion, interethnic interaction, communicative mechanism, the dialog model of communication.

Излагается суть коммуникативного механизма работы с общественным мнением по межэтническим проблемам в рамках диалоговой модели. Особое внимание уделяется содержанию дополнительной профессиональной подготовки журналистов, освещающих межэтническую тематику. Обучение рассматривается как важнейший элемент коммуникативного механизма, необходимый для выработки всеобщего согласия по проблемам межэтнических взаимодействий в современной России.

Ключевые слова и словосочетания: общественное мнение, межэтнические взаимодействия, коммуникативный механизм, диалоговая модель коммуникации.

УДК 316.77:323.11
ББК 60.84+66.3(0)5

Н.Б. Зазаева

КОММУНИКАТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Несмотря на достаточно обширную теоретическую и практическую базу исследования общественного мнения в современной России, остается невыясненной его роль как субъекта социального управления в демократическом обществе, мобилизующего общественность на созидательно-преобразовательную деятельность по решению наиболее острых социально значимых проблем. Одной из них является проблема межэтнических взаимодействий, поскольку они не только непосредственно связаны с широким социальным контекстом, но и включаются в его содержание и разрешаются в нем. Однако начиная с 90-х годов XX в. по настоящее время решение проблем межэтнических взаимодействий рассматривалось в рамках вещательно-манипулятивной модели прямого воздействия на общественное мнение. Она была призвана сформировать общую позицию по вопросам

межэтнических отношений и тем самым повлиять на социальные практики в этой сфере. Опыт исследований межэтнических проблем современной России на протяжении последних тридцати лет продемонстрировал необходимость изменения исследовательских установок в сфере межэтнической проблематики в сторону диалоговой модели.

Необходимость поиска новых принципов и механизмов построения межэтнических отношений возникла с появлением постсоветского пространства. В это время особое внимание уделялось изучению экономических, политических и социокультурных аспектов межэтнических отношений, то есть исследовательский акцент сосредоточивался на выявлении объективных причин и условий построения стабильных и гармоничных межэтнических отношений на постсоветском пространстве [1]. У большинства населения России, имевшего опыт советского прошлого, был сформирован стереотип социокультурного равенства представителей разных национальностей, и работа с общественным мнением не осознавалась как необходимый элемент решения межэтнических проблем. В практической сфере такие исследовательские установки привели к неравному статусу регионов, нашедшему отражение в правовой сфере и в реальных федеративных отношениях. Законодательное закрепление этих практик запустило процессы этнизации в республиках как национальных субъектах России и диаспоризацию в других ее регионах. В связи с этим появилась необходимость дополнить исследования объективных основ межэтнических отношений изучением массового сознания, связанным с уровнями и особенностями этнической и общегражданской идентичности россиян и степенью их выраженности в различных регионах страны, поэтому возникает признание роли общественного мнения в решении межэтнических проблем, но оно все еще продолжает рассматриваться как объект информационного воздействия.

Интенсификация миграционных потоков, внутренней и внешней миграции на фоне процессов глобализации, охвативших современную Россию в начавшемся XXI веке, привели к необходимости осуществления прикладных исследований межэтнических взаимодействий для конструирования и проведения грамотной миграционной политики. Основным исследовательским концептом стало понятие «межэтническая толерантность» [2]. Проводились исследования отношения россиян к мигрантам, выявлялась степень и готовность принять и интегрировать их в местное сообщество [3].

Попытка осуществления политики мультикультурализма на российской почве, выразившаяся в практике формирования межэтнической толерантности через государственные и региональные программы, оказалась малоэффективной. Об этом свидетельствуют не только данные отечественных исследований, фиксирующих низкую степень межэтнической толерантности массового сознания россиян, но и протестные действия 2013 г. в Пугачеве, в Москве. Особые опасения и тревоги внушают два обстоятельства: тенденция усиления негативных интолерантных не только настроений, но и установок в сфере межэтнических взаимодействий российского общественного мнения, а также развитие манипулятивных приемов и техник использования их в партикулярных, локальных политических целях в виде организации протестных действий.

В связи с этим следует обратиться к феномену общественного мнения как источнику нахождения общественного согласия в сфере межэтнических взаимодействий, выступающему на социальную арену в наиболее переломные, кризисные моменты социального развития. Именно его изучение позволит выявить российскую специфику единых ценностных мировоззренческих ориентиров в процессе формирования межэтнических взаимодействий, достаточно явно отражающихся в познавательных схемах, фреймах, стереотипах и установках массового сознания через создание диалогической модели достижения общественного согласия по этносоциальным проблемам современной России.

В диалогической модели концепт «общественное мнение» рассматривается не как продукт манипулятивного воздействия средств массовой информации, а как субъект социального управления в демократическом государстве. «Решения в современном государстве, – утверждал У. Липпман, – принимаются не в результате взаимодействия Конгресса и исполнительной власти, а в результате взаимодействия общественного мнения и исполнительной власти [4, с. 11–12].

Очень важно, что субъектность общественного мнения выступает на первый план не по вопросам повседневной жизни, успешно решаемым в рамках привычных, рутинных практик, а по социально значимым и в то же время новым и беспрецедентным проблемам, к которым не применимы традиционные способы решения и, самое главное, по которым отсутствует всеобщее согласие. В этом контексте общественное мнение не оторвано от реальности как продукт виртуальной инфосферы, то есть совокупность представлений, мнений и настроений массовой аудитории, а укоренено в социальной реальности, отражает ее, принимая узнаваемую и поддающуюся измерениям форму. И это главным образом касается наиболее важных проблем современности, в том числе этносоциальных.

Следует подчеркнуть, что под коммуникативным механизмом выработки всеобщего согласия по проблемам межэтнических взаимодействий понимается его гуманистический смысл и содержание, предполагающие не только отказ от манипулятивных технологий в работе с общественным мнением, но и их разоблачение в пропаганде экстремистских и националистических взглядов. Некоторые элементы такого механизма в России уже созданы, но они не рассматриваются в контексте взаимодействия с общественным мнением как субъектом стратегического управления при решении этносоциальных проблем и потому оказываются малоэффективными в деле гармонизации конкретных межэтнических взаимодействий. В первую очередь отсутствуют информационные структуры и технологии работы с общественным мнением через лидеров мнений в диалоговом режиме в противовес вещательно-манипулятивному.

Для конструирования такого коммуникативного механизма, а затем и его практического внедрения невозможно ограничиться социологическими исследованиями установок и стереотипов массового сознания в области этносоциальной проблематики. Необходимо организовать и провести дискуссионные интерактивные площадки с участием лидеров мнений, представителей СМИ и широкой общественности и на основе полученных данных разработать кон-

цепцию информационной политики. В ней необходимо использовать не только однонаправленные, монологическо-вещательные технологии работы с общественным мнением, такие, как информирование, имидж и пропаганда, но и интерактивные методы вовлечения и мобилизации в социально-преобразовательную деятельность. Коммуникативный механизм в диалоговой модели заключается не только в практиках обсуждения в массовых коммуникациях, тем более что массовые коммуникации, являясь опосредованным видом коммуникаций, обязательно содержат возможность направления интерпретации получателя информации, заложенную автором сообщения. Одним из важнейших элементов поэтому становятся прямые коммуникации по выработке общих подходов к межэтнической проблематике всех субъектов, вовлеченных в нее по роду своей профессиональной деятельности, в форме обучения.

В качестве лидеров мнений по межэтнической тематике в России выступает журналистское сообщество. Мастер-класс для саратовских журналистов «Роль СМИ в гармонизации межнациональных отношений», 28 апреля 2014 г. проведенный М. Лянге, председателем гильдии межэтнической журналистики, на базе Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, показал, что журналистское сообщество осознает свою ответственность за освещение межэтнической тематики и, как следствие, за межэтнические отношения в России. По мнению М. Лянге, нужно знать, как освещать эти темы, а это зависит от профессионализма журналиста.

Первый шаг в этом направлении уже сделан. Журналистское сообщество приняло Этический кодекс журналистов, освещающих межэтническую тематику в Российской Федерации. В нем нашли отражение многие прецедентные ситуации, с которыми сталкиваются журналисты при освещении межэтнических проблем, с позиций общественного блага и их ответственного, а значит, профессионального поведения. Базовая нравственная дилемма: насколько патриотично говорить о наиболее острых этносоциальных проблемах – решается в Кодексе с позиций объективного, правдивого и честного освещения этнических проблем. «Журналист считает объективное освещение межэтнической тематики важнейшим условием существования и развития единого Российского государства». Вместе с тем «журналист смело привлекает внимание общества к любым формам дискриминации, нетерпимости, разжигания розни по этническому признаку, невзирая на положение лиц, от которых это исходит» [5].

В Кодексе особое внимание уделено запрету на использование конкретных манипулятивных приемов работы с общественным мнением при освещении межэтнических проблем: «Журналист не употребляет “язык вражды”, создающий негативный образ того или иного этноса в целом... не переносит черты отдельной личности на характеристику всего народа... избегает стереотипов в отношении этнических групп». Наконец, «журналист четко разграничивает факты и мнения: анализ и комментарии любых межэтнических ситуаций даются при обязательном представлении полной картины фактов, не искажая суть и контекст события» [5].

Но профессионализм журналиста заключается не только в определенной нравственной позиции, хотя, безусловно, она является первичной при освеще-

нии межэтнической тематики, а в специфическом наборе знаний и компетенций в этнической сфере. В Кодексе ряд норм посвящен этому аспекту профессионализма: «Журналист стремится пополнять свои знания о культуре, истории, традициях и менталитете разных народов России, а не только того, к которому принадлежит он сам».

Но самое главное, знания журналиста о национальных культурах должны дополняться такой профессиональной компетенцией, как способность анализировать народные традиции и сопоставлять их с современностью: «Освещение традиционных обрядов народов России, которые могут вызвать негативную реакцию со стороны других этносов, журналист сопровождает объяснениями сущности обряда, истории возникновения и соотнесения с современной жизнью» [5].

Выработка этой компетенции требует серьезной специальной подготовки, и это оказывается серьезной проблемой, ведь этнологии не учат на факультете журналистики в отечественных вузах. Следовательно, нужна серьезная послевузовская подготовка журналистов, работающих по межэтнической тематике. При этом такое обучение, с одной стороны, не должно превратиться в просвещенческую практику однодневных семинаров или мастер-классов, носящих поверхностный характер, а должно содержать в себе достаточный объем знаний и коммуникативных компетенций, существенно облегчающих журналисту общение со всеми субъектами межэтнических взаимодействий. Такое обучение должно носить интерактивный, тренинговый режим и осуществляться на базе ведущих вузов страны.

На кафедре социальных коммуникаций Поволжского института управления разработана программа профессиональной послевузовской подготовки «Современные медиа как инструмент управления межэтническими процессами» для журналистов, освещающих межэтническую тематику, а также представителей власти различных уровней, по роду своей деятельности сталкивающихся с проблемами межэтнических отношений. В ней предусмотрены коммуникативные тренинги и дискуссионные площадки встреч журналистов и представителей органов власти для получения совместного опыта конструктивного общения по освещению и решению наиболее актуальных межэтнических проблем региона. Если осуществить такое обучение на регулярной основе, то можно получить не только сильное экспертное сообщество ученых-практиков, журналистов и представителей органов власти, но и то самое недостающее звено в коммуникативном механизме работы с общественным мнением – лидеров мнений, имеющих общую нравственно-мировоззренческую позицию по решению этносоциальных проблем в современной России.

Библиографический список

1. *Иванов В.Н.* Россия федеративная: проблемы и перспективы. М., 2001.
2. *Кольцова Е.Ю., Таратута Е.Е.* Измерение толерантности // Журнал социологии и антропологии. 2003. № 4. С. 113–129.
3. *Мукомель В.И.* Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. М., 2013.
4. *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004.
5. Этический кодекс журналистов, освещающих межэтническую тематику в Российской Федерации. URL: <http://nazaccent.ru/about/eticheskij-kodeks>

**E.Yu. Antonyuk, S.I. Trunev
Transformation of the Russian
National Image
in the System
of the Cross-Cultural
Communication**

The concept of the national image is conceptualized. The essence and the content of the Russian national image in the historical, cultural and philosophical, and geographical paradigms are defined. The discursive practices system of the socio-cultural relations, making a basis of the country national image formation comes to light.

Key words and word-combinations: image, national identity, national idea, national image of Russia, socio-cultural communication.

Концептуализируется понятие «национальный образ». Определяются сущность и содержание образа России в исторической, культурно-философской и географической парадигмах. Выявляется система дискурсивных практик социально-культурных отношений, составляющая основу формирования национального образа страны.

Ключевые слова и словосочетания: имидж, национальная идентичность, национальный образ России, социально-культурные коммуникации.

УДК 323.11:327(470+571)
ББК 66.3(0)5+66.2(2Рос)

Е.Ю. Антонюк, С.И. Трунёв

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА РОССИИ В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Национальный образ есть определенная знаковая и текстовая система, основное предназначение которой заключается в выражении национально-цивилизационной и социально-культурной коммуникационной идентичности. Национальный образ нашей страны в настоящее время находится в активной стадии формирования, что связано как с глобальными цивилизационными процессами, в том числе с явлением глобализации, так и с социально-культурными, политическими, правовыми, экономическими трансформациями, происходящими в российском обществе, и с изменением вектора восприятия населением России самих себя с последующей сменой менталитета. Понятие национального образа является весьма дискуссионным и пока не получило достаточно четкой дефиниции в работах философов и культурологов. В то же время активно разрабатывают вопросы исследования национального образа России в дискурсе социально-культурных отношений философы, культурологи, психологи, историки, этнологи, экономисты, географы, политологи и представители ряда других наук. Этим объясняется тот факт, что отсутствует четкая дефиниция термина, а также не выделены до сих пор конкретные признаки, позволяющие описать национальный образ той или иной страны в определенном и унифицированном формате.

Одним из признанных теоретиков, разрабатывающих концепцию национального образа, является Г.Д. Гачев, в философско-культурологических работах которого определяются природа, основное содержание, признаки, тенденции эволюционирования национального образа мира, в частности России. В трудах Я.З. Чеснова понятие, сущность и разновидности национального образа страны определяются с позиций современной этнологии. Целый пласт научных работ образуют труды ведущих отечественных специалистов, прежде всего политологов, социологов и имиджеологов, рассматривающие не образ страны, а имидж, уточняющие взаимосвязь между этими понятиями (Э.А. Галумов, Г.Г. Почепцов, Э.Я. Баталов и др.). Отдельные культурологические аспекты понятия национального образа раскрывают О.Д. Волкогонова, Н.Н. Рубцов, М.Ю. Лотман, А.П. Гуревич, А.П. Садохин, Т.Г. Стефаненко, С.Г. Тер-Минасова (активно развивающая также и лингвистический подход к пониманию национального образа) и другие. Весьма велик вклад Э.А. Галумова в проблематику исследования национального образа России. Цикл его работ (2000–2005) направлен на создание оригинальной концепции национального образа, в основе которой лежат следующие вопросы: а) теоретическое осмысление понятия «национальный образ»; б) проблема типологизации национальных образов; в) определение роли национальных образов в позиционировании стран и национальных культур; г) прикладные аспекты позиционирования национального образа России в международной системе.

Анализ работ перечисленных авторов позволяет увидеть наметившиеся и развивающиеся направления исследования национального образа России в контексте этнической интерпретации и социально-культурных отношений. Одно из наиболее значимых направлений – определение природы, теоретической сущности и содержания феномена национального образа России с прослеживанием его формирования и развития на протяжении всего периода становления российской национальной культуры и государственности.

Другое, не менее представительное направление – определение национального образа России через категорию имиджа с последующей взаимоувязкой данных понятий, а также разработкой стратегий позиционирования, имиджирования и брендирования России, ее этнической и культурной картин на международной арене. Близкими к данному направлению представляются попытки ученых рассмотреть национальный образ России в качестве производного от национальной культуры и национальных интересов, объединенных в рамках национальной идеи как определенного программного ориентира, курса развития государства, совершенствования его национальной политики. Сюда же можно отнести и попытки разработки концепции национального образа применительно к России с приоритетным социально-культурным наполнением указанного феномена и последующим его позиционированием как во внутренней среде, так и вовне.

Следующее направление предполагает использование категории «национальный образ России» в качестве своеобразного инструмента для формирования внутри- и внешнеполитических ориентиров развития страны, что подчеркивает политический характер национального образа, делает указанное понятие прикладным по своей направленности и применимости. К данному направле-

нию примыкает ряд работ историков и географов, позволяющих проанализировать историю и способы построения национального образа современной России, рассмотреть национальный образ страны в географо-культурном контексте, выявить и обозначить роль географических факторов в формировании и эволюционировании национального образа страны. Замыкает совокупность социально-политически ангажированных подходов понимание национального образа России как системы этнических стереотипов, имеющих не только современный инновационный, но и эволюционно-исторический характер, связанный с длительным их формированием, вызреванием под воздействием как внешних, так и внутренних факторов.

Выделяются и более узкие (в теоретическом и практическом отношении) подходы. Так, в трудах ряда специалистов национальный образ России трактуется и затем соответствующим образом описывается как знаково-символическая система, что позволяет говорить о приоритетности в его основе не материальной, а духовной культуры. Некоторыми специалистами национальный образ России понимается через решение метафизического вопроса о месте и предназначении России в истории человечества посредством попытки выявить выражения национального лица России среди других национальных ликов, а также провести необходимые сопоставления в рамках компаративного анализа национальных образов разных стран с целью выделения некоторого модельного образа.

Собственно вопрос влияния на образ России разного рода коммуникативных процессов объединяет совокупность следующих направлений. Сложнейшими аспектами для исследования, развиваемыми лишь единичными авторами, являются вопросы национально-культурной идентичности России в лингвистической и коммуникационной парадигмах. Существуют некоторые прикладные исследования, связанные, к примеру, с транслированием национального образа России при помощи туризма, то есть организованных поездок российских туристов в зарубежные страны. Группа специалистов осуществляет научные исследования, связанные с выявлением и определением степени влияния внешних факторов на развитие и совершенствование национального образа России. При этом рассматриваются чаще всего основные тенденции, оказавшие воздействие на национальный имидж России в последние годы (китаизация, американизация, диснеезация, компьютеризация и т.д.).

Технология формирования и последующего позиционирования национального образа России и ее регионов в прикладном аспекте развивается в трудах некоторых отечественных и зарубежных исследователей. Данный подход предполагает системное теоретико-методологическое исследование национального образа страны с точки зрения различных наук, что позволяет выработать единую концепцию имиджа России, претворить ее в жизнь. Наконец, в последнее десятилетие активизировались исследования, связанные с решением проблемы восприятия иностранцев россиянами, что также следует рассматривать в качестве одного из направлений исследования национального имиджа России, а также своеобразного шага для упрочения связей между различными культурами и народами, достижения взаимопонимания.

Рассматривая процесс формирования национального образа России в контексте социально-культурных отношений, необходимо подчеркнуть, что он свя-

зывается прежде всего с развитием так называемой русской национальной идеи. Зарождение русской идеи относится к началу XIX в., что сопряжено в первую очередь с победой России в Отечественной войне, последующим вовлечением ее в гущу европейских политических отношений. История формирования и эволюционирования русской идеи убеждает нас в том, что для русских национальная самоидентификация практически никогда не была основной ее составляющей, приоритет же всегда оставался за государственной идентичностью. В совокупности составляющих русской национальной идентификации особо выделяются следующие:

– территориальная, подчеркивающая величину российских просторов («родная земля», «мать сыра земля», «Родина-мать», «широка страна моя родная», «просторы российские...» и т.д.);

– природная, показывающая несметность и величину российских природных богатств («страна озер», «страна рек», «страна лесов», «нефтегазовая столица мира», «всемирная кладовая» и т.д.);

– этноязыковая, демонстрирующая специфику и неповторимость русского языка («родина Даля», «великий и могучий русский язык», «язык Пушкина и Лермонтова», «языковое разнообразие», «страна сотен народов и культур» и т.д.);

– культурная, наглядно демонстрирующая вклад страны в мировую культуру («русская культура», «космическая держава», «страна Пушкина, Достоевского», «родина Чайковского» и т.д.);

– историческая, показывающая важность некоторых исторических событий, происходивших в России, для мировой истории и цивилизации («народо-защитник», «страна-освободитель», «подвиг Сусанина» и т.д.);

– обывательская, раскрывающая сущность национального образа страны через обыденные и повседневные представления о ней, чаще всего иностранцев («по улицам городов России ходят медведи», «россияне в валенках греются на печках», «русские едят черную икру ложками», «русские – самые расточительные» и т.д.).

В формировании и развитии национального образа России в разные периоды играли роль различные варианты национальной идеи. Так, И.В. Борисенко пишет, что в период после принятия христианства большое значение имел факт распространения христианской веры. Русь становилась христианским государством, то есть культурно близким к другим государствам христианского мира. В период княжеских междоусобиц, феодальной раздробленности неоспоримую роль в образовании Великорусского государства сыграла идея «Москва – Третий Рим». На сплочение различных социальных и этнических групп в Российской империи заметно повлияла концепция «Православие. Самодержавие. Народность». Представления о Москве как о центре, которому предначертано историей человечества совершить мировую революцию, сыграли значимую роль в период образования Советского Союза. Идеалы братства и дружбы советских народов, а также идея интернационального долга помогали в советские годы объединять народы. Таким образом, «в истории развития отечественного общества можно выделить три идеи в плане создания единого государства, консолидации различных этнических и социальных групп: этнический (формирования рос-

сийской нации), религиозный и политический факторы (объединение всех народов и земель под эгидой определенной государственной идеологии)...» [1, с. 7].

В настоящее время Россия снова сталкивается с проблемой идентификации. Определенный путь ее решения видит Э.А. Баграмов в утверждении понятия «многонациональный народ России», который ученый определяет как «исторически складывающаяся на обширных территориальных пространствах Российской Федерации общность людей разных языков, культур и конфессий; она выражает в современных условиях процесс государственного единения народов России, сохраняющих наряду с некоторыми общими признаками свою национальную самобытность» [2, с. 201]. Это означает, что национальный образ постсоветской России «созревает» в недрах национального самосознания и находит свое выражение в различных вербальных и невербальных формах (произведениях литературы, живописи, фольклоре, политических текстах и т.д.). При этом национальный образ России призван стать выражением национальной идеи объединения представителей этнических групп и диаспор, политических и конфессиональных групп.

Итак, национальный образ страны (или, как его называют многие авторы, имидж страны) – системное и собирательное понятие, коллективная национальная ценность любого государства, имеющая международное значение. Именно он является неким мериллом, показателем, определяющим статус страны, степень сформированности нации, культуры, иных сфер жизни и деятельности общества. Любой национальный образ – продукт коллективного восприятия, массового политического сознания, властных действий, проистекающий в своей природе из национальной идеи, представленной, в свою очередь, совокупностью национальных интересов государства как во внутренней, так и во внешней среде. По мнению Э.А. Галумова, национальный образ страны следует рассматривать через призму ее национальных интересов, которые сегодня состоят в следующем: обеспечении территориальной целостности и независимости Российского государства; построении рыночной экономики, основанной на товарном производстве, с перспективой широкого выхода отечественных товаров на мировой рынок; всемерной демократизации общественной жизни и утверждении подлинного народовластия; создании условий для свободного развития и проявления индивидуальности каждой личности, реализации ее духовного потенциала; активизации интеграционных процессов со странами – членами СНГ; упрочении на международной арене мира и безопасности; усилении миротворческой роли России [3].

В свою очередь, на динамизм национального интереса (а соответственно, и на национальный образ России) оказывают существенное влияние общемировые цивилизационные тенденции, главными из которых являются:

– возрастающее влияние на политическую жизнь отдельных государств представителей национальной и мировой криминальной среды, изменяющей в своих интересах механизмы государственно-политического целеполагания, и появление в связи с этим благоденствующих «криминальных» государств, анклавов и территорий;

– образование параллельной виртуальной экономики, то есть экономики, базирующейся не на природных ресурсах и эффективном производстве, а на

технологиях, дающих возможность получения прямой прибыли исключительно благодаря самому процессу управления, не подкрепленному мировыми финансовыми потоками;

– девальвация гуманистической составляющей международной политики, усугубляющая разобщенность «богатого» и «бедного» миров и, как следствие, ужесточение проводимой государствами «политики национальных интересов любой ценой»;

– бесконтрольное развитие « сетевого общества », приводящего к размыванию суверенности государств и ставящего под вопрос саму их необходимость.

Территориальная ограниченность государств оборачивается неуправляемостью основных товарных, финансовых и миграционных потоков и крушением суперэтнотосов. В то же время благодаря почти необратимым изменениям векторов ценностной ориентации населения от развития к потребительству происходит не только деградация уровня массового образования и воспитания, но и заметное ухудшение цивилизационного генофонда [4, с. 52].

Следует акцентировать внимание на том, что национальный образ России можно воспринимать как извне (глазами иностранцев), так и изнутри. Например, образ России для самих россиян увязывается с тремя основными факторами: с насущными потребностями, которые являются преобладающими в настоящее время; с попытками быть в тренде основной национальной идеи; с восприятием своей страны как особого мира с собственными характеристиками, неповторимой культурой, традициями, сложившейся системой социальных отношений (причем воспринимается это часто и с негативным оттенком). В последнее время, в связи с событиями на Украине, восприятие России как особого мира, противостоящего всему остальному миру, заметно усилилось.

Особым средством формирования национального образа России в дискурсе межнациональных социально-культурных отношений является туризм, так как при взаимодействии представителей разных стран, разных культур происходит не только передача культурного опыта, имеющая позитивный характер, но и многие негативные процессы, степень которых варьирует от настороженного отношения к иностранцам до полного их неприятия с элементами так называемого культурного шока, что часто выражается даже в агрессии по отношению к приезжим отдыхающим.

В данной ситуации турист является основным носителем элементов национальной культуры той или иной страны. Это обстоятельство привело и к культурно-туристской стереотипизации, свидетельством которой стали утверждения о том, что немцы скупы, японцы требовательны, англичане чопорны, американцы высокомерны, русские расточительны и невежественны и т.д. Таким образом, туриста можно рассматривать и в качестве объекта, и в качестве субъекта межкультурной коммуникации, то есть своего рода транслятора национального и культурного опыта России. Если к этому добавить еще и тот факт, что за рубеж выезжают в среднем в год около 15 млн туристов, то можно предположить, какой вклад в формирование национального образа России они вносят.

Многочисленные опросы, проводимые СМИ, а также в Интернете, позволяют сформировать традиционный образ российского туриста, который экстраполи-

руется на национальный образ России в индивидуальном и массовом сознании иностранцев, запечатлевается в нем. Так, типового российского туриста можно охарактеризовать следующими эпитетами: «склонен к алкогольным возлияниям и неадекватному поведению»; «любитель “халявы”», «бесцеремонен и невежественен», «крайне расточителен и показушен», «требователен на уровне конфликтности», «не готов к сотрудничеству и компромиссу», «склонен к бравадам», «не владеет иностранным языком и современными способами и средствами коммуникаций», «имеет скверный характер». Среди позитивных эпитетов можно назвать только достаточный уровень образованности, дружелюбное отношение к представителям других наций.

Многие исследователи считают, что появление стереотипа о русском туристе за границей как о «дикаре и хулигане» относится еще к временам перестройки, и он с тех пор был растиражирован в печатных и интернет-изданиях. К таким стереотипам относятся пьянство, скандальность и некультурное поведение. Часто встречаются такие высказывания в отношении русских отдыхающих (к которым иногда также относят украинцев и белорусов): «они не знают, что такое вежливость», «все русские – легкодоступны». К этому добавляется мнение о российских туристах как о «неотесанных нуворишах, которые крадут коврики из гостиничных номеров, жгут костры у бассейнов и, что самое ужасное, учат своих детей воровать вареные яйца со шведского стола в ресторане» [5].

Таким образом, налицо проблема формирования позитивного национального образа России. Для решения указанной проблемы В.В. Аксючиц предлагает отталкиваться от разрабатываемой им концепции духовно-культурного оздоровления русской нации, которая должна включать несколько направлений. Одно из них – изменение духовного и нравственного состояния общества, подразумевающее в себя культивирование чувства любви к своей большой и малой Родине, национальную гордость, гражданскую ответственность, так как без ощущения национальной принадлежности, без чувства патриотизма человек ущербен. В числе основных мер улучшения духовного и нравственного состояния общества также ценности семьи и здорового образа жизни, чувство ценности жизни и ответственного отношения к жизненному предназначению, свободы чести, достоинства, творческой инициативы личности, духовные приоритеты в развитии личности и т.д.

За этим следует сохранение и воссоздание исторических традиций. Так, страной и ее гражданами до сего дня не востребован огромный исторический и культурный ресурс тысячелетней цивилизации. Восстановление общенациональной самоидентификации возможно только на основе базовых ценностей и жизненно важных традиций русской культуры, в связи с чем необходима целенаправленная деятельность государственных и общественных институтов в воссоздании российских духовных, религиозных, нравственных, общественных, государственных, семейных традиций.

Требуется также сохранение и воссоздание культурного достояния. Культура должна существовать и финансироваться не по остаточному принципу, ибо культурные достижения являются смыслом и оправданием существования цивилизации, в связи с чем необходимо повышать статус культурного наследия и

культурного творчества, так как восстановление традиционной духовности и культуры возвращает народ к национальным архетипам – пробуждает великие таланты великого народа и присущую ему историческую активность.

Восстановление общенационального единства также является одним из приоритетных направлений. Оно включает в себя преодоление разобщения власти и общества, интеллигенции и власти, элиты и общества, преодоление идейного антагонизма и корпоративных конфликтов в элите и в среде интеллигенции культивированием общенациональных целей и объединяющих идеалов; преодоление денационализации одних и маргинализации других групп интеллигенции вовлечением в осуществление общенациональных программ; преодоление тенденций сепаратизма и национализма путем осознания исторического предназначения российской нации, органично объединяющего народы.

С данным пунктом коррелирует гуманитарный аспект преодоления угрозы демографической катастрофы: пробуждение в народе воли к жизни и к борьбе за самосохранение; повышение социального и нравственного статуса семьи, материнства и детства. Необходимо на государственном уровне признать бедственное состояние России в демографическом плане и проводить в жизнь грамотную и эффективную демографическую политику, включающую поддержку не только «рублем», но и конкретными действиями социального характера.

Следующий пункт – гуманитарный аспект экологической безопасности: воспитание бережливого отношения к национальному природному достоянию как родной среде обитания; мобилизация общественного мнения для противостояния губительным тенденциям потребительской цивилизации, разрушительным действиям властных и хозяйственных структур. Каждый гражданин должен быть ориентирован на сохранение своего большого дома – природы страны и планеты, для чего важно восстановить традиционное русское жизненное ощущение, в котором природа – не отчужденная холодная натура, предназначенная для потребления, а живая и родственная сущность.

Важная роль принадлежит формированию стратегического ресурса общества. Мобилизация активной части граждан на осуществление жизненно важных национальных проектов создает возможность воспитания новой национальной элиты, а это, в свою очередь, требует разработки программы формирования нового поколения России – свободного и ответственного, динамичного и духовного, глобально мыслящего и патриотически ориентированного. При этом особое внимание следует уделить не только отдельной личности, но и формированию в стране благоприятного предпринимательского климата.

Разработка и проведение в жизнь национальной идеи не менее значимы. Новая и вместе с тем основанная на российских традициях национальная идеология формирует национальный образ России и задает историческую миссию российской цивилизации; объясняет обществу, куда ведет его российская власть; придает смысл существованию России и жизни ее граждан; является духовной основой национального единения; пробуждает национальную энергию как основной мобилирующий ресурс для плодотворных преобразований.

Завершает список необходимость разработки идеологии русского прорыва, или идеологии мирового лидерства. Требуется определить место России в современном мире и возможности ее эффективного выживания, которые не сводятся к тому, что общество должно восстановить что-то из утраченного либо кого-то догнать и перегнать или войти куда-то (в «Европейский дом», в современную цивилизацию...). «Отвечая на исторические вызовы нового века, необходимо мобилизовать национальные энергии в направлениях возможного прорыва и создания цивилизации опережения, цивилизации глобального равновесия, так как духовные, культурные, интеллектуальные, научные ресурсы российского общества позволяют не только создавать новейшие технологии, но и формировать новые цивилизационные установки, новые парадигмы мироустройства» [6].

Итак, национальный образ России в дискурсе культурологических исследований и социально-культурных отношений можно определить как совокупность акцентуаций национальной идеи государства как во вне, так и во внутренней среде, позволяющих судить о степени сформированности национальной культуры, менталитета, государственности, национального характера и иных качеств, характеризующих национальную идентичность и выраженных в виде системы национальных интересов государства (как внешне-, так и внутривнутриполитических).

Современный национальный образ России – плод его исторического развития, акцентуируемый при помощи большого количества носителей русской национальной культуры, одним из наиболее мощных из которых является туризм. Исторический процесс формирования и эволюционирования национального образа страны от Древней Руси к советской и современной России наложил несомненный отпечаток на восприятие иностранцами российской действительности, в частности российской культуры и ее носителей. Следствием этого стало системное и преимущественно негативное восприятие национального образа нашей страны, культивируемое большинством зарубежных и даже рядом отечественных СМИ.

Библиографический список

1. *Борисенко И.В.* Национальный образ России: философско-культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2008.
2. *Баграмов Э.А.* Многонациональный народ России // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энцикл. слов. М., 2001.
3. *Галумов Э.А.* Стратегия формирования образа России в аспекте национальных интересов // Обозреватель – Observer. 2003. № 4.
4. *Владимиров А.И.* О национальной государственной идее России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 2000. № 3.
5. *Таранова Ю.В.* Туристский имидж страны // Имидж государства и региона: современный подход: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3. СПб., 2009. URL: <http://www.posprikaz.ru/2013/02/pochemu-russkix-turistov-ne-lyubyat-za-granicej/>.
6. *Аксючиц В.В.* Национальный образ России // Интернет-журнал Сретенского монастыря. 2002. № 2.

A.V. Fedorova, E.B. Khoroltseva
**System Organizational Risks:
Practices of the Effective
Management**

Organizational and managerial risks are analyzed from the point of system approach. Possibilities of organizational risks status change connected with transition from economic category of analysis to organizational and managerial category are considered. Conclusions about localization of system risks and about existence of effective risk management practices are made on the basis of the provided empirical material.

Key words and word-combinations: risk management, modern organizations, design, organizational and managerial risks.

Анализируются организационные и управленческие риски с позиций системного подхода. Рассматриваются возможности изменения статуса организационных рисков в связи с переходом из экономической категории анализа в организационно-управленческую категорию. На основе предоставленного эмпирического материала делаются выводы о локализации системных рисков и наличии эффективных практик управления ими.

Ключевые слова и словосочетания: управление рисками, современные организации, проектирование, организационные и управленческие риски.

УДК 005.3
ББК 60.82

А.В. Фёдорова, Е.Б. Хорольцева

СИСТЕМНЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ РИСКИ: ПРАКТИКИ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Развитие современных организаций, изменения и проблемы, с которыми они сталкиваются, указывают на существование системных рисков, локализованных в организациях. Данные риски проявляются в многочисленных ошибках в процессе принятия управленческих решений, запаздывании их принятия, дублировании функций, разрыве, существующем между управлением, функционированием и развитием (при этом складывается впечатление, что речь идет об управлении двумя совершенно разными организациями), и других патологиях организационной жизни [1]. Все в большей степени очевидны ошибки системы управления, так как в современных организациях риски не рассматриваются в качестве приоритетной проблемы, требующей решения. В лучшем случае отслеживаются лишь экономические последствия рисков (риск-ущерб), когда ход предпринятых управленческих действий невозможно изменить, «переиграть заново» произошедшие события, нивелировать их негативные последствия [2].

В связи с этим становится важным переосмысление статуса организационных и управленческих рисков с позиций системного подхода, перенесение центра исследовательского внимания на их локализацию в сфере управления функционированием и развитием современных организаций, системное описание с помощью идентификации риск-при-

чин, риск-условий, риск-факторов, видов и субъектов риска, уровня и степени выявленных рисков для повышения эффективности современных управленческих практик [3].

В рассматриваемом контексте современные организации – это не столько современные формы организаций, сколько организации, существующие в настоящем, в социально-экономическом, культурном, технологическом и политическом поле.

Традиционно под рисками понимают действия, совершенные на удачу или имеющие в качестве своих последствий ущерб, потери. Этот подход позволяет выявить и управлять отдельными видами рисков, нивелируя взаимозависимость, взаимоопределенность, существующие между отдельными видами рисков, и системные характеристики рисков. В этом случае выстраивается вектор «действие – следствие», определяющий другой вектор – «корректировка действий – последствий» (этот вектор традиционно называют стратегиями по управлению рисками, хотя по своим сущностным характеристикам они таковыми не являются) [4].

Существует противоречие, связанное с тем, что риски являются социальными феноменами, следовательно, обладают специфическими характеристиками, с одной стороны. С другой – риски выступают в роли эпифеноменов, лишенных специфических характеристик. Это противоречие может быть разрешено с помощью системного подхода, позволяющего выдвинуть и поддержать в рамках статьи следующие теоретические и практически апробированные постулаты: 1) поскольку организационные риски могут быть системно исследованы и описаны, то системные характеристики рисков и являются специфическими характеристиками рисков; 2) системное осмысление организационных рисков согласно законам организационной жизни должно быть рекурсивно другим элементам организации (управлению, коммуникациям, конфликтологическим практикам), следовательно, и организация, и ее отдельные элементы также приобретают системные свойства; 3) системно отстроенный процесс общеорганизационного управления включает в себя в качестве интегративного процесса управление организационными рисками.

Остается открытым вопрос об определении организационных рисков. Выделяются три основных смысла в процессе риск-рефлексии. На наш взгляд, первый смысл, связывающий характеристики риска как эпифеномена и сущностные характеристики рисков, заключается в том, что организационные и управленческие риски определяются как совокупность взаимосвязанных и взаимосогласованных социальных действий агентов организационной и управленческой жизни, основная цель или ценность которых – получение выигрыша, использование предоставившихся возможностей, а последствиями могут быть как выигрыш, возможности, успех, удача, так и потери, ущерб. Второй смысл, который мы вкладываем в рефлексию по отношению к организационным и управленческим рискам, – это риск-процесс [4–6]. Тогда риск анализируется в качестве совокупности взаимосвязанных и взаимосогласованных событий организационной и управленческой жизни, результатом которого могут стать либо

выигрыш, либо потери. Третий смысл связан с представлением риска как организационно-управленческой ситуации, конституированной риск-причинами, риск-условиями, риск-факторами, видами и субъектами риска, уровнем и степенью рисков.

Первые два смысла, определяющие традиционные подходы к изучению риска, не выводят исследователей на практики эффективного управления рисками. Они ограничивают нас стратегиями снижения рисков, а именно – определением действий, прямо противоположных тем, которые осмысливаются как опасные, неэффективные. Например риск, понимаемый как недоверие к проектным разработкам, может быть нивелирован с помощью детальной проработки планирования работ по проекту. Этот подход может быть преодолен с помощью использования положений системного подхода к современным организациям и управлению в них. Организация как система представляет собой совокупность проблемы, для разрешения которой и создана организация; целевой картины; процессов управления, коммуникаций, конфликтов, рисков; функциональных характеристик и интеграционных действий акторов организационной и управленческой жизни. К числу интеграционных действий акторов организационной и управленческой жизни относятся действия, связанные с управлением рисками.

Управление в качестве системы – это взаимосвязанное единство управления функционированием организации, управления развитием и управления проектами как частного случая организационного развития [7]. Из этого системного определения управления следует, что наиболее высокие риски (уровень и степень отдельных видов риска) сосредоточены в управлении развитием и управлении проектами. Повышает уровень и степень рисков рассогласованность, существующая между элементами управления как системы [8; 9]. Если обратиться к более мелким элементам управления функционированием, то можно обозначить общественную потребность, позволяющую осуществлять управленческие практики; миссию, цели и задачи; основные направления деятельности; связи с внешней средой; тип организационной культуры; имидж; тип организационной структуры; стиль управления; коммуникации; конфликты; риски и патологии. Управление развитием (на основе проектных разработок) включает в себя проблему, на разрешение которой направлен проект; цели и задачи проекта; сценарный план осуществления инноваций; планирование конкретных мероприятий на основе графика Ганта; команду проекта; ресурсы; результаты / продукты и результаты / эффекты; бюджет.

Управление развитием (проектами) включает постпроектное сопровождение инноваций, то есть стратегирование проектов на основе SWOT-анализа проекта и управление рисками [10]. Риски появляются там, где существует рассогласованность между элементами. Например, рассогласованность между организацией как системой, управлением как системой и управлениями инновациями как системой. Это так называемая внешняя поэлементная рассогласованность. В этом случае патологии организации могут не соответствовать проводимым инновациям, а управление проектами осуществляться неграмотно либо

вовсе отсутствовать. Внутренняя рассогласованность заключается в целевой и функциональной рассогласованности элементов организации, понимаемой в качестве системы; элементов, определяющих проектную деятельность; составляющих процесса управления проектами. Иными словами, исследователи имеют дело с различного рода дисфункциями. Р. Мертон, разработавший понятие «дисфункция», подразумевал под ним негативные последствия воздействия одной части системы на другую, которые определяются степенью интегрированности элементов. Гармоничное функциональное единство в интерпретации Р. Мертона невозможно, так как то, что функционально для одной части системы, дисфункционально для другой [11].

В основе понимания организации, управления и управления развитием современных организаций лежит дефиниция «система действий», конституирующая общее поле исследований. Т. Парсонс справедливо отмечает, что системы действий являются открытыми, базирующимися на адаптации (приспособлении к внешней и внутренней среде), целеполагании (обеспеченности средствами / ресурсами для определения порядка достижения целей), интеграции (поддержании единства и собственных границ), латентности (поддержании состояния равновесия, существующего образца) [12].

Н. Луман в своих работах обращает внимание на коммуникативный аспект деятельности систем. Он ставит следующие вопросы: как система создает и поддерживает подвижные границы, каковы внутренние и внешние причины воспроизводить себя, каким образом система описывает себя? Он делает акцент не только на аутопоэтичности систем, но и на их самореферентности, то есть способности описывать себя с помощью коммуникаций (смыслового, самореферентного процесса) [13; 14].

Концептуальные разработки Ю. Хабермаса позволяют рассуждать об организации и управлении как системах, конституированных стратегическим, нормативным, драматургическим и коммуникативным действиями. В основе стратегических действий лежит прагматическая рациональность, основанная на достижении целей наиболее эффективными способами. Нормативные действия базируются на соответствии ценностям и нормам. Драматургическое действие – на представлении, презентации самого себя (отстраивании имиджевых характеристик). Цель коммуникативного действия состоит в свободном соглашении участников для достижения желаемых результатов [15].

Эмпирический анализ действующих организаций и инноваций, связанных в первую очередь с проектированием, позволяет, с одной стороны, подтвердить положения, выдвинутые на теоретическом уровне, а с другой стороны, существенно дополнить их, подтвердив или опровергнув следующие гипотезы. Во-первых, системные организационные риски локализованы в сферах управления функционированием современных организаций и управления организационным развитием. Во-вторых, управление функционированием организаций и управление развитием современных организаций являются базовыми причинами рисков в организациях, а в качестве риск-условий выступают элементы процесса управления и элементы проектной деятельности. В-третьих, риск-факторы –

специфические особенности элементов управления и проектной деятельности – не выделяются управленцами современных организаций как значимые для повышения эффективности управленческой деятельности. В-четвертых, в современных организациях отсутствуют встроенные в процесс общеорганизационного управления стратегии по управлению рисками функционирования современных организаций и организационного развития.

В рамках эмпирического исследования проанализированы 100 организационно-управленческих и 161 PR-проект г. Саратова (N = 261), выполненные в течение 2004–2013 гг. респондентами на основе полевых исследований. Проекты представляют собой структурированные отчеты о проведенной полевой работе студентов и преподавателей кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина. В проектах (формах инновационной деятельности современных организаций) по-элементно представлен процесс управления функционированием и развитием современных организаций. Элементы управления функционированием (18 элементов) и развитием организации (14 элементов) были определены на основе использования стратегии кейс-стади.

В процессе исследований сложно идентифицировались элементы, описывающие управление функционированием современных организаций. Миссия, цели, задачи, функции и другие элементы, зафиксированные в уставах организаций, «заформализованы» и мало используются в реальных практиках управления. Ни в одной из исследуемых организаций не была обнаружена «политика» организации – документ, который свидетельствовал бы о системности и согласованности целевой картины организации, ее функциональной и коммуникационной структуры и других организационных практик.

Организационные риски, описывающие виды рисков, присущих организациям, выделены в качестве видов риска в 31 из 100 организационно-управленческих проектов и в 22 из 161 PR-проекта. Эти данные подтверждают гипотезу о том, что практики управления организационными рисками не встроены в процесс общего управления организациями.

Существенным риск-фактором организационного управления является отсутствие осознанной общественной проблемы, для разрешения которой создаются организации. Об этом свидетельствуют следующие данные: 22 из 100 организационно-управленческих проектов фиксируют проблему, для разрешения которой создана организация, как значимый критерий осуществления ее деятельности. Ни один PR-проект не дает описания проблемы, для разрешения которой создана организация, как важного критерия для успешной реализации PR-проекта и отслеживания степени его согласованности с функциональными элементами, работающими на стабилизацию организационной деятельности. Вместе с тем организация – это мощный социальный институт по решению социальных, экономических, политических и технологических проблем (потребностей общества).

Организационная миссия прописана в 80 организационно-управленческих проектах и не зафиксирована в PR-проектах. Это также является фактором

риска, так как миссия определяет ценностные установки, имиджевые характеристики и согласованность организационной деятельности во внешней среде. Целевая картина организаций в 27 из 100 организационно-управленческих проектов не прописаны. При разработке PR-проектов цели не рассматриваются в качестве значимых внутренних условий организаций, влияющих на качество, эффективность проектов. Задачи, стоящие перед организацией, не прописаны в 70 организационно-управленческих проектах и не анализируются в PR-проектах. Функции не прописаны в 29 организационно-управленческих и 76 PR-проектах. Связи с внешней средой не рассмотрены в 49 организационно-управленческих проектах и не рассматриваются как значимое условие для реализации PR-проектов. Проблема, для разрешения которой создана организация, миссия, цели, задачи, функции – это вектор, задающий управление функционированием организации в стабильный период. Отсутствие одного из этих элементов является существенным фактором риска для процесса управления в организациях. Очевидна рассогласованность этих элементов, что также, на наш взгляд, – фактор риска. Нередко цели организации подменяются ее функциями: «... 1) организация и выполнение монтажных работ на высотных зданиях; 2) обслуживание высотных зданий; 3) получение прибыли путем выполнения уникальных монтажных работ; 4) реализация кадрового и квалификационного потенциала...» (ЗАО «Инженерно-коммерческая организация “Альпинист”»).

Если обратиться к качественному анализу формулировок целей, то в девяти организациях, на основе которых сделаны организационно-управленческие проекты, цель сформулирована некорректно – «получение прибыли». Эта цель не соответствует требованиям, предъявляемым к целям, так как не содержит критериев оценки деятельности организации и не может быть мотивационным фактором, поддерживающим ее деятельность. Объем планируемой прибыли, период времени, за который она должна быть получена, и механизмы реализации цели выступают в роли риск-факторов, непосредственно влияющих на снижение / повышение эффективности управленческой деятельности.

В рамках PR-проектов лучше всего просматриваются цели проводимых инноваций. При этом целевая картина исследуемых организаций не рассматривается как важный элемент управления организациями. Это один из риск-факторов управленческой деятельности в современных организациях.

Взаимосвязи с внешней средой как важной адаптационной составляющей эффективности деятельности современных организаций прописаны в 54 организационно-управленческих проектах. В PR-проектах внешняя среда не рассматривается как риск-фактор организационной деятельности с присущими ей возможностями / угрозами. Важным фактором риска остаются процессы управления проектами. Они отсутствуют как в организационно-управленческих, так и в PR-проектах.

Исследования фиксируют невыявленность патологий. В 73 организационно-управленческих проектах делается акцент на общих симптомах (риск-факторах).

В 111 PR-проектах также сформулированы не патологии, а проблемы, которые организации готовы решать с помощью инновирования внутренних и внешних коммуникаций. Они имеют форму лозунгов, требующих конкретизации и проблематизации: «Недостаточное количество эффективных инновационных методов поддержания имиджа, необходимых для поддержания потенциала конкурентоспособности» (еженедельник «Аргументы и факты»).

Особое внимание при интерпретации проведенных исследований требуется обратить на инновации. В 57 организационно-управленческих проектах изучаемых организаций они предложены в общем виде: «Внедрить систему социального обеспечения в систему организации. Организация централизованного проведения обеденного перерыва. Организация проведения необходимых медико-профилактических работ по вакцинации в периоды угрозы заболеваний. Снятие в аренду спортивных залов и баз отдыха» (ООО «Бюро оценки собственности»).

Во всех проектах исследуемых организаций (N = 261) полностью или частично отсутствуют элементы управления проектами (риск-фактор), то есть скрупулезное планирование работ, оценка эффективности и рисков проводимых инноваций, SWOT-анализ инноваций и стратегий их дальнейшего развития.

Качественный анализ элементов процесса управления, коммуникаций, конфликтов и рисков в исследованных организациях показал рассогласованность (риск-фактор) между управлением функционированием организации и управлением изменениями, развитием.

Таким образом, системное осмысление рисков современных организаций позволяет утверждать, что они локализованы не столько в экономическом поле организационной деятельности (экономические риски организаций, скорее, – следствие взаимодействия других видов организационных и управленческих рисков), сколько в управленческом. Основной причиной рисков является управление функционированием и развитием организации, а риск-условиями – элементы процесса управления и управления инновациями (на основе проектно-деятельностного подхода). Проведенное исследование способствовало выявлению следующих риск-факторов: отсутствие «политики» – стратегически важного организационного элемента; «заформализованность» целевой картины современных организаций; неосознанность общественной проблемы, для разрешения которой создана организация; неимение целевой картины организации (миссии, целей, задач); несоответствие целей требованиям, которые применяются по отношению к ним; отсутствие процессов по управлению проектами; невыявленность патологий и рассогласованность между управлением функционированием и управлением развитием.

Вместе с тем встает вопрос о повышении эффективности управления в современных организациях. Для этого необходимо перевести организационные и управленческие риски из экономической категории, используемой в ситуации случайного анализа данных, в категорию системного непрерывного мониторинга. Тогда изменение статуса организационных и управленческих рисков позволит

системно исследовать их, применяя основные принципы и приемы системного подхода к качественным исследованиям современных организаций и практик управления [16].

Библиографический список

1. Теория организации и организационное проектирование: пособие по неклассической методологии. Саратов, 1997.
2. Наумов С.Ю., Журавлев П.В., Шеховцев А.Ю., Федорова А.В. Риски в коммуникативном пространстве социума. Саратов, 2004.
3. Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999.
4. Холл Э. Риск-менеджмент. М., 2007.
5. Яницкий О.Н. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск, 2002.
6. Яницкий О.Н. Экологический архив О.Н. Яницкого / Институт социологии РАН. М., 2014.
7. Федорова А.В. Исследования современных организаций: теоретические основания и методологические установки // Вестник ПАГС. № 3 (42). 2014. С. 108–115.
8. Романов П.В. Власть, управление и контроль в организациях: Антропологические исследования современного общества. Саратов, 2003.
9. Романов П.В. Социология менеджмента и организаций: хрестоматия. Саратов, 2005.
10. Аяцков Д.Ф., Лабазнова Е.В., Герасимова Е.Ю. [и др.]. Организационно-управленческое проектирование: рабочая тетрадь: учеб.-метод. пособие. Саратов, 2012.
11. Merton R. Social Theory and Social Structure. Glencoe, Ill, 1957.
12. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем; Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. М., 1994.
13. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–159.
14. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.
15. Habermas J. Communication and Evolution of Society. Boston, 1979.
16. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

V.N. Gasilin, A.V. Ryazanov
Socio-Philosophical Analysis
and Critical Evaluation
of the Project “Eurasia”
by A.G. Dugin

The article is devoted to the analysis of A.G. Dugin’s project “Eurasia”. The authors seek to think critically about this project in its theoretical and methodological grounds and consequences, including national ones, and show its limitation in general. It is proved that in current conditions the idea of Eurasianism requires a thorough scientific elaboration.

Key words and word-combinations: the project “Eurasia”, A.G. Dugin, the policy of Russia, the role of the state in the modern world society.

Анализируется проект А.Г. Дугина «Евразия». Авторы стремятся критически осмыслить данный проект в его теоретико-методологических основаниях и последствиях, в том числе национальных, и показать его ограниченность в целом. Доказывается, что в современных условиях идея евразийства нуждается в серьезной научной проработке.

Ключевые слова и словосочетания: проект «Евразия», А.Г. Дугин, политика России, роль государства в современном мировом обществе.

УДК 321.01:327(470+571)
ББК 66.01+66.2(2Рос)

В.Н. Гасилин, А.В. Рязанов

СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ И КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРОЕКТА А.Г. ДУГИНА «ЕВРАЗИЯ»

Евразийская идея в настоящее время актуальна для России, что, несомненно, тесно связано с текущей политической ситуацией. Сегодня одним из самых ярких исследователей этой проблематики и ее пропагандистом, бесспорно, является А.Г. Дугин.

В концепции А.Г. Дугина имеется немало точных и интересных оценок истории и современного состояния нашей страны. Это талантливый исследователь, знающий литературу по данной проблематике, владеющий рядом языков и т.д. Но все его знания базируются, соотносятся с концепцией *традиционализма* (Р. Генон и др.). Это сразу настораживает объективного исследователя и приводит, по крайней мере, к дискуссии, в данном случае по поводу перспектив развития России в рамках концепции Евразии.

А.Г. Дугин – автор многих монографий и лидер «Евразийской партии России», которая стремится реализовать некоторые идеи евразийства в российском обществе. Ныне он является лидером Международного евра-

зийского движения, основоположником неоевразийства и теоретиком «консервативной революции», президентом «Центра геополитических экспертиз». Дугин предлагает концепцию евразийства, которую он готов реализовать на практике. Наиболее полно эти идеи выражены в одной из его последних книг [1].

Евразийство, как его определяет А.В. Соболев [2, с. 11], – это идейное и общественно-политическое движение в среде русской эмиграции, возникшее после выхода в 1921 г. сборника «Исход к Востоку» авторами которого были Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский. В последние десятилетия евразийскую концепцию разрабатывает А.Г. Дугин. Он предлагает следующее определение: «Евразийство – политическое учение, утверждающее, что Россия представляет собой не просто одну из стран, но особую, не имеющую в мире аналогов цивилизацию, в которой нераздельно переплелись западные и восточные, европейские и азиатские черты. Евразийство подчеркивает, что к паре Запад – Восток должна быть добавлена третья сила – Россия-Евразия» [1, с. 228–229]. При этом там, где он употребляет слово «Россия», следует его «расшифровка» в скобках «Евразия».

Проект Дугина основательно продуман, он охватывает все основные стороны обсуждаемой проблемы, а поэтому хорошо структурирован. Необходимо критически осмыслить данный проект в его теоретико-методологических основаниях и последствиях, в том числе национальных, и показать его ограниченность в целом.

По мнению Дугина, евразийский проект как национальная идея может быть представлен в виде тезисов, разбитых на три блока [1, с. 49–54]. Первый – это исторический ракурс, определение того, чем исторически является Россия (со всеми ее особенностями). Второй – социальный, цивилизационный контекст, в котором существует и будет существовать Россия в будущем, как она может вписаться в «новый мировой порядок». Третий – описание того, каким образом не дать тенденциям, описанным во второй части, реализоваться. Это даст возможность реализации реальной евразийской политики современного Российского государства.

Во-первых, проект основан на своеобразной интерпретации русской истории, интерпретации, которая не выдерживает критики. Она тесно связана со славянофильством, на что Дугину указывали критики (в частности, В.М. Межуев [3, с. 83–86], после его доклада «Россия и Запад: что разделяет»). Любопытно, что в работах Дугина отсутствуют ссылки на исследования ученых, результаты которых он своеобразно использует. Характерным примером является цитируемая здесь статья Дугина о евразийстве, в которой нет ни одной ссылки.

Во-вторых, это евразийская программа, основанная на четко сформулированных принципах. Она касается целей как внутренней политики, так и внешней (геополитики), которых должна достичь Россия в ближайшем будущем, чтобы реализовать проект «Евразия».

В-третьих, это евразийская декларация, или Манифест, содержащая в себе программу международного евразийского движения, оценку Дугиным современного евразийского движения и его задачи в различных областях – политике, экономике, праве, социальных отношениях.

Основные принципы доктринальной евразийской платформы базируются на тезисе противостояния атлантистов (сторонников «однополярного глобализма») и евразийцев. Здесь Дугин противоречит сам себе. Разрушилось противостояние СССР и США, мир, казалось бы, перестал быть двуполярным. Однако теперь предлагается новая *двуполярность* – атлантисты и евразийцы.

Цитата из работы Дугина позволяет судить о сути предлагаемого социально-политического подхода периода перестройки в нашей стране, когда новое евразийское движение возрождалось: «Мы так и посчитали, что Советский Союз с коммунистической идеологией отмирает и вот-вот исчезнет и единственная форма его спасения – перейти к евразийству. Это сохранит и государство в целом, и цивилизационную особость и будет продолжать наше логическое движение в истории. Поскольку этого не произошло, государство распалось. Н. Назарбаев подхватил эту инициативу в 1994 г. и стал опираться на ту же самую евразийскую политическую философию. Он приехал в МГУ в 1994 г. и прочел лекцию о евразийском союзе. Он выдвинул тезис *старых евразийцев*... К сожалению, Б.Н. Ельцин этого не принял. Когда к власти пришел В.В. Путин, он сказал, что евразийство должно быть, но пока только в рамках экономики. И организовал евразийское экономическое сообщество. Но уже в 2004 г., накануне предвыборной кампании, он заговорил не только об экономическом сотрудничестве, членами которого уже давно являются и Казахстан, и Белоруссия (поэтому организован таможенный союз, членами которого являются Киргизия, Таджикистан), – В.В. Путин заговорил о евразийском союзе, о евразийстве как политической философии» [4, с. 21–22]. Подчеркнем, что никаких ссылок автором не сделано, а это открывает широкие возможности для интерпретации.

Мы разделяем позицию Дугина, направленную против глобализма по-американски [5, с. 226–227; 6, с. 193–197; 7], и его стремление утвердить тезис о многополярности будущего мира. Он выделяет следующие «большие пространства»: Евроафриканский пояс, включающий Европейский Союз, исламо-арабскую Африку, субтропическую («черную») Африку; Азиатско-Тихоокеанский пояс (Япония, страны Юго-Восточной Азии и Индокитая, Австралия и Новая Зеландия); Евразийский континентальный пояс («Евразийский Союз» – Россия, страны СНГ, некоторые страны Восточной Европы, страны континентального ислама, Индия и Китай); Американский пояс (Северная Америка, Центральная Америка, Южная Америка). «При такой организации мирового пространства маловероятны глобальные конфликты, кровопролитные войны, крайние формы конфронтации, угрожающие самому бытию человечества» [1, с. 173]. Однако такое разделение мира на «большие пространства» ничем не обосновано, как и то, почему указанные страны и регионы *пожелают* объединиться в эти «пространства». Это субъективное пожелание автора проекта. Важно, что, даже если они объединятся, то будут преследовать свои цели и, конечно, конфликтовать. Сам Дугин пишет об «идее многообразия социальных парадигм», невозможности сведения (редукции) их богатства к какой-то одной схеме [8, с. 3]. Вероятно, следует рассматривать это как пожелание автора проекта и его последователей, но и при условии, что эти пожелания воплотятся в реаль-

ность, получится однополярный мир, хоть и построенный по евразийскому сценарию (не по американскому!).

Внутренняя политика, предлагаемая в проекте, основана на вполне реальных тезисах [1, с. 230–232], механизм реализации которых, однако, неясен. Например, «Евразийство сегодня – это укрепление и возрождение обширных земель России, развитие регионов и новая активная демографическая политика». Кто же будет возражать против этого, как, впрочем, и против всех других тезисов? Проблема состоит в том, *как* это сделать. В связи с этим пожелания автора проекта можно оценить как прожекты, поскольку они лишены конкретных механизмов реализации. В данном контексте странно звучит утверждение Дугина: «Сегодня евразийство является уже не только мировоззрением, философией, совокупностью пронзительных интуиций, наитием светлого вдохновения, но и полноценной политической платформой» [1, с. 233]. Это не соответствует реальности. Пока это только «писания» и «говорения», которые стремятся оказать влияние на массовое сознание.

В реализации внутренней политики Дугин ратует прежде всего за укрепление вертикали власти в стратегической и правовой сферах. По его мысли, евразийская федерация предполагает два уровня управления: стратегический (геополитический) и этнофедеративный. На первом должна быть установлена жесткая унифицированная *централистская система управления*, во главе – «геополитическая администрация». Руководство этой администрацией сосредоточено в руках Президента Евразии, Совбеза Евразии, Администрации и Госсовета Евразии. Территориально-административное деление основывается на *стратегических округах* – аналоге современных федеральных округов [1, с. 234]. На втором уровне главным политическим субъектом является этнос (народ), которому должна быть предоставлена максимальная степень свободы в самоорганизации и самоуправлении (не касающаяся стратегических, геополитических проблем). Интересно следующее утверждение: «Ни один народ не имеет права навязывать другому свои этические, культурные, правовые, конфессиональные, языковые, нравственные установки» [1, с. 234]. Они существуют в соответствии со своими историческими и культурными традициями. Здесь возникает фундаментальная проблема, которую обходит автор проекта: вопрос взаимодействия этносов. Как тогда это взаимодействие может быть осуществлено? Предположим, Украина, где не действует в правовом пространстве русский язык, хотя говорящих на нем людей немало, войдет в СНГ. Очевидно ущемление прав русскоязычного населения. Это показывает неконструктивность подхода автора проекта, особенно если учесть, что этносы расселены даже в современной России по всей ее территории. Еще более фантастичными выглядят предложения по дальнейшему преобразованию института государства.

Далее Дугин полагает постепенное упразднение политических партий, существование которых не отвечает традициям евразийства, основанного «на единстве, соборности». «Вместо партийной механической модели демократии, где партии основываются на *общности интересов*, евразийство предлагает *органическую (соборную) демократию*, основанную на волеизъявлении авторитетных представителей этносов...» [1, с. 237–238]. Даже если обратиться

внимание на выделенные автором слова, от них веет не просто ароматом кондового славянофильства XIX в., а гораздо худшим запахом. А если «авторитетные представители этноса» вдруг не обнаружатся или их место займут политические прохвосты, что же тогда будет? Какой будет эта «соборная демократия»? «Партии разъединяют общество, политические объединения по практическим интересам нестабильны...» [1, с. 238], не соответствуют интересам евразийства (заявление главы партии!). Таким образом, партийную систему Дугин предлагает ликвидировать, а значит, и партию, к которой он сам принадлежит.

Правовые реформы здесь сводятся к трем основным тезисам:

1. Право не универсально; право исторически и в современном обществе различно. (Этого никто не будет оспаривать, данный тезис общепринят.)

2. Необходима *обширная правовая реформа*. (Именно она в нашей стране последние десятилетия и проводится, хотя ее эффективность под вопросом.)

3. «Евразийское право основывается на четком разделении двух сфер, которые в европейском и римском праве нераздельно слиты» [1, с. 238]. (В чем же заключается евразийское право? Оно нигде автором не прописано, имеются лишь пожелания, например, в виде Евразийской Конституции.) Второй правовой уровень основан на тезисе «каждое этническое сообщество имеет возможность разработки своей правовой модели» [1, с. 240], главное чтобы она не противоречила «административному кодексу». Возникает вопрос: зачем она вообще нужна? Зачем эта «избыточность права»?

Дугин полагает, что нынешний Государственный Совет РФ не имеет четкого функционального профиля, дублируя Совет Федерации (верхнюю палату парламента), Государственная Дума отражает «искусственную модель буржуазно-партийной демократии». Все это должна заменить «Евразийской Ассамблеей», формирование которой не прояснено.

Социальная ориентация евразийства в трактовке Дугина повторяет традиционные гуманистические идеи, сближается с тем, что провозглашали марксисты. Вот несколько цитат: «Дух Евразии – соборный дух», «Истинными и высшими ценностями евразийского общества являются справедливость, солидарность, взаимопомощь, забота сильных, счастливых и удачливых о сирых, слабых, несчастных и больных» [1, с. 245]. По сути, это *лозунги*, а не конструктивная программа, ориентированная на конкретные действия, реализацию. Здесь нет ничего нового; проблема состоит в способе реализации. Это провозглашалось испокон веков. «В отличие от марксистов, – пишет Дугин, – евразийцы были уверены, что заботу о благополучии и поддержке широких слоев должны брать на себя не только “пролетарии” и их партия, но само государство и общество в целом, в том числе и частные предприниматели» [1, с. 245–246]. «Отличие от марксистов» здесь состоит только в призыве к частным предпринимателям. Конечная цель – создание «социального общества» (а разве может быть несоциальное общество? – В.Н., А.В.) солидарности и взаимной поддержки. «Создание социального общества солидарности и взаимопомощи является конечной целью евразийства» [1, с. 247]. Однако эта установка, как и «требования» Евразийского движения, ничем не отличается от марксистских, в том числе от программы КПРФ.

Возражения вызывают тезисы, касающиеся «солидарности традиционных конфессий», представленных в современной России. Евразийский проект претендует на базу социальной, интеллектуальной и политической платформы в данной области. Наиболее значимые религиозные конфессии сегодня – православие, католицизм, ислам, иудаизм, буддизм и различные секты, начиная с древних культов (они и вносят напряжение в религиозную сферу). Традиционные конфессии в современной России *не конфликтуют*, они исполняют прежде всего свое дело служения. О каком «едином фронте традиционных конфессий» может идти речь? Станным представляется утверждение о том, что традиционные конфессии Евразии должны выработать совместную стратегию. Если речь идет об униатском движении, то при всех благих пожеланиях оно с XIX в. не продвинулось.

«Политическая симфония народов», к которой призывает автор проекта, вызывает массу вопросов. В современной научной литературе понятие «народ» употребляется в двух основных значениях: политическом и культурно-этническом. Первое – синоним термина «нация» (откуда возникли дефиниции «национальный суверенитет», «право народов на самоопределение» и т.д.). Второе значение, которое используется в этнологии (этнографии), культурной антропологии, исторической антропологии и других дисциплинах, подразумевает сообщество, в основе которого лежит общность происхождения, языка, культуры, исторического опыта и т.д. [9, с. 13]. Определение Дугина (ничем не подтвержденное) иное: «*Народ – это органическое целое, преодолевающее временные и пространственные возможности отдельных индивидуумов, передающее секрет идентичности, самобытности от поколения к поколению через кровное родство и культурные ценности, через язык и обычаи, через воспитание и генетический код, через духовные архетипы и материальные, бытовые привычки...*» [1, с. 251–252]. В данном определении нет четкого различия имеющихся подходов к интерпретации рассматриваемого понятия. Далее следуют ничем не обоснованные положения: «Евразийский федерализм есть федерация народов как политических субъектов», «Каждый народ всегда прав» [1, с. 253]. На основе подобных высказываний нельзя вести научную дискуссию, тем более автор проекта уверяет, что «все это относится к структуре развитого евразийского общества, которому еще только предстоит сформироваться» [1, с. 254]. Как и сколько времени оно будет формироваться, неясно, в том числе и автору проекта.

Остаются только уверения и прожекты. Например, «евразийский подход к этнической проблеме, центральность этнического фактора для всего евразийского мировоззрения является идеальной предпосылкой для гармоничного развития межэтнического диалога...» [1, с. 255]. Вообще, этот проект рисует идиллическую картину в случае его реализации, но это, по меньшей мере, утопично. На территории нынешней России имеются национальные проблемы, но они, по нашему мнению, не являются в принципе неразрешимыми. Они требуют к себе внимания, причем пристального, их возможное разрешение лежит в сфере диалога, коммуникаций, предполагающих нахождение единства того, что на протяжении многих веков объединяло российские народы. Это была не просто империя (Российская или советская), а *совместное* бытие, совместный быт,

который способствовал не только их практическому, материальному благополучию, но сохранению и интенсификации их духовной жизни. При всех тяготах жизни они не просто существовали, они воспроизводились и этим направлялись в будущее. Это, по сути, было традиционное общество. В настоящее время мы выходим за его пределы, но оно не прекращает существовать, по крайней мере в российской глубинке.

Евразийский проект Дугина, как он пишет, касается *реальной* страны – России. Сегодня она включает девять федеральных округов, относительно которых дана оценка и намечены перспективы их развития. В данном случае интересен Приволжский федеральный округ. Этот округ, по мнению Дугина, определяется по национальному признаку; он включает в том числе Татарстан, Башкортостан, Чувашию, Мордовию. «Такие образования представляют серьезную проблему для полноценной евразийской политической модели, так как имеют характер квазигосударственных образований, имитируя определенные атрибуты «государства-нации» в миниатюре» [1, с. 268]. Это весьма примечательное высказывание. Ни одно из перечисленных образований не претендует на государственную самостоятельность, поскольку вся судьба их связана с Россией и без нее они просто не могут существовать. Вызывает возражение и название этих образований «государства-нации». Разве сам Дугин не писал ранее о евразийском содружестве славянских народов, которые и должны, по его мнению, образовать евразийскую федерацию? Эти народы и образовали Федерацию, они в нее *реально* входят, и никаких заметных национальных проблем здесь нет.

Поволжский регион многоконфессиональный, но в нем никогда не замечалась проблематика, связанная с различием религиозных конфессий. Напротив, религиозные лидеры всегда искали взаимного согласия, не нарушая догматов своих вероисповеданий. Для концепции Дугина – это идеальный регион, о чем он и пишет: «Приволжский федеральный округ является территорией, оптимально соответствующей проведению последовательных реформ в духе политического евразийства» [1, с. 269]. Тем не менее он настаивает, что по национальной проблематике и напряженности рассматриваемый регион – следующий за Кавказом. Это далеко не так. Возникает вопрос: какие «последовательные реформы в духе евразийства» следует проводить в указанном округе? Реформы, конечно, необходимы, но они должны быть направлены на улучшение жизни всего населения региона.

Идея евразийства является значимой и перспективной. Она нуждается в серьезной научной проработке, которая должна учитывать современные российские реалии и будущее России в статусе сильной державы. Проект Дугина «Евразия» представляется утопичным. Он утопичен и в теоретическом отношении и в практическом. Необходимо создание евразийской конфедерации, во главе которой встанет Россия, – вот основной тезис данного проекта. Это полная утопия, которую предлагали еще поздние славянофилы. Нужно не образование нового сообщества, не воссоздание объединения типа СССР, а *повышение роли* России в мировом сообществе во всех отношениях (экономическом, социальном, культурном и др.). В таких условиях все будут стремиться к интеграции с Россией. Необходимо сохранить нашу самобытность, как и самобытность тех наций и народов, которые к нам стремятся.

Библиографический список

1. Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2004.
2. Соболев А.В. Евразийство // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 2.
3. Россия и Запад: что разделяет?: мат-лы науч. семинара. М., 2009. Вып. 7 (16).
4. Дугин А.Г. Евразийство как политическая философия // Цивилизация и человек. 2012. № 4. С. 21–22.
5. Гасилин В.Н. Глобализм по-американски и Россия // Наука. Философия. Общество: мат-лы V Российского философского конгресса. Новосибирск, 2009. Т. II.
6. Гасилин В.Н. Что нам ждать от глобализма по-американски // Мат-лы Междунар. конгресса «Глобалистика-2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства». Москва, 20–23 мая 2009 г.: в 2-х т. / под общ. ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. М., 2009. Т. 1.
7. Рязанов А.В. Этнос в коммуникативном пространстве социума. Саратов, 2007.
8. Дугин А.Г. Социология русского общества. Россия между Хаосом и Логосом. М., 2011.
9. Малахов В.С. Народ // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; предисл. В.С. Степина. М., 2001.

M.V. Demidova
Social Risks in Conditions
of Symbolic Capitalism:
Philosophy and Methodology
of the Research

The author's method of scientific research – forecasting abduction – is presented. The research identifies new characteristics and types of social risks in conditions of symbolic capitalism, which are reflected in the concepts of “non-reflexive social risk” and “reflexive social risk”.

Key words and word-combinations: society, risk, symbolic capital, trust, self-analysis, abduction.

Представлен авторский метод научного исследования – прогнозная абдукция. В результате исследования выявляются новые характеристики и виды социальных рисков в условиях символического капитализма, которые отражены в понятиях «нерефлексивный социальный риск» и «рефлексивный социальный риск».

Ключевые слова и словосочетания: социум, риск, символический капитал, доверие, рефлексия, абдукция.

УДК [1:316]:167
ББК 60.000

М.В. Демидова

**СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ
В УСЛОВИЯХ
СИМВОЛИЧЕСКОГО
КАПИТАЛИЗМА:
ФИЛОСОФИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Современный социум находится в ситуации серьезных изменений, имеющих отношение как к принципам устройства общества, так и к особенностям взаимодействия его субъектов. Это, в свою очередь, чревато нарастанием социальной рискогенности, так как любые изменения предполагают вероятность неоднозначного развития ситуации. По мнению руководителя саратовской научной школы исследования социальных рисков профессора В.Б. Устьянцева, «по мере нараста-

ния рискогенности общественных процессов происходит повышение сложности многоуровневых социальных систем» [1], поэтому переструктурирование социальной стратификационной системы и способов функционирования в ней неизбежно.

Сегодня под воздействием глобальных информационно-коммуникативных систем национальные социальные границы размываются, формируется новый тип общественного устройства – символический капитализм. Он базируется на принципах функционирования символического капитала, лежащего в основе габитуса, регулирующего и направляющего развитие социума. Согласно П. Бурдьё, символический капитал – это «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы в той же мере, в какой сам производится ей» [2, с. 231]. Такой капитал выступает в качестве стратегии накопления доверия, чести, престижа и возникает только в результате социального взаимодействия, направляемого и регулируемого габитусом как образом жизни, происходящим из того или иного жизненного опыта конкретной социальной группы.

В стратификации такого общества можно выделить два основных класса: символические капиталисты – те, кто уже имеет большой символический капитал, и символические рабочие, только начинающие его зарабатывать. Остальные классы – когнитариат, прекариат, креативный класс, известные люди – производные от двух первых. Социальное взаимодействие в условиях символического капитализма осуществляется на основе четырех составляющих: 1) наличия *символического капитала* как стратегии накопления кредита доверия, чести и престижа; 2) функционирования *человеческого познания*, проявленного в двух формах символического капитала как познавательных стратегиях социального функционирования – рефлексивной и нерефлексивной; 3) наличия *условий человеческой деятельности*, выраженных на институциональном уровне социума и в его габитусе; 4) владения *средствами осуществления взаимодействия* – коммуникацией, осуществляемой посредством языка.

В новых условиях субъект социального взаимодействия оценивает собственные перспективы деятельности, выбирает альтернативы с заранее неизвестным результатом, что является рискогенной составляющей его поведения. «Специфика социального риска в какой-либо исторический период обусловлена конкретной социокультурной средой, и, будучи атрибутом общества, социальные риски подвержены определенной социальной и культурной динамике, задаваемой характером развития общества и цивилизации в целом» [3, с. 10]. По мнению В.Б. Устьянцева, «отношение к глобализирующимся рискам детерминировано потребностями общества в самосохранении и устойчивом развитии» [1, с. 109].

Попытка исследования современных социальных рисков была предпринята одним из представителей саратовской философской школы И.А. Афанасьевым, определившим риск как «деятельность субъектов риска, суть которой состоит в оценке результатов комплекса альтернатив в координатах “шанс – опасность”» [4]. Применяя в качестве основного методологического принципа исследования дискурсивную стратегию анализа социальных рисков, И.А. Афанасьев следует двумя путями анализа: путем, «связанным с объяснением источников риска и

его значения в обществе и путем построения социальных технологий минимизации риска и оценки их эффективности» [4, с. 7]. В результате его исследования в числе основных источников риска выступают оценки субъектом определенных условий окружающей среды, а основными составляющими механизма минимизации и управления рисками на уровне социума выступают «институционализация, страхование, профилактика рисков и экспертная деятельность».

Возможно, достаточно плодотворное исследование И.А. Афанасьева могло быть более полным и конкретным, если бы были учтены символично-капиталистические особенности функционирования современного социума. Изменение социальной структуры социума и принципов взаимодействия в нем, ведущие к возможным новым социальным рискам, предполагает использование соответствующей методологии их исследования. Она может включать традиционные исследовательские подходы, но приоритетным все же является подход, сообразный современным социальным реалиям.

При выборе такой методологии нужно исходить прежде всего из особенностей изучаемой сферы исследования. В нашем случае она социально-символическая, поэтому приоритетные методы – теоретические, но позволяющие выявлять эмпирические законы, а основной среди них – абдукция. Этот метод исследования впервые был подробно описан и применен Ч. Пирсом в начале XX в. «Абдуктивные рассуждения чаще всего используются для открытия эмпирических законов, которые устанавливают необходимые регулярные связи между наблюдаемыми свойствами и отношениями явлений. Теоретические законы не могут быть открыты таким путем, поскольку они содержат абстрактные понятия, которые нельзя наблюдать на опыте. Поэтому путь к ним идет через гипотезы или системы гипотез, которые проверяются обычно путем логического вывода из них эмпирических законов» [5, с. 44]. Задача абдукции – осуществить принятие объяснительных правдоподобных гипотез. Вместе с этим философское осмысление исследуемой тематики может способствовать интеграции ее отдельных аспектов в направлении выявления единой универсальной методики исследования социальных рисков. В данном случае уместно применение метода абдукции, дополненного прогнозным рассмотрением социальных рисков. Данная методика позволяет обратиться к начальному этапу исследования рисков – их выявлению.

Выявление потенциальных социальных рисков – процедура, лежащая в дискурсивной плоскости, как справедливо отмечено И.А. Афанасьевым. В условиях же символического капитализма основным путем выявления социальных рисков выступает выявление степени доверия к дискурсу. Возможно, поэтому в современном социуме актуализируется понятие «стратагемность» как обманно-манипулятивная технология влияния на сознание: «Обманщики стремятся внушить своим потенциальным жертвам чувство полного доверия, лишь после этого приступают непосредственно к обману. Здесь все идет в дело: формирование соответствующей репутации и создание имиджа правдивого, честного человека...» [6, с. 118].

Репутация как реальная ценностная характеристика субъекта, а имидж как идеальная выступают в качестве основных слагаемых символического капитала.

Цель намеренного имиджирования субъекта состоит в получении денежных, а также символических выгод, к которым относятся выгоды политического, социального, психологического, эстетического, религиозного и аксиологического характера. Чем большее доверие они вызывают, тем большими будут символические выгоды.

Произведение благоприятного впечатления, внушение чувства доверия, представляет собой рискованную тактику как для имиджируемого субъекта, так и для объекта имиджевого влияния. Риск имиджируемого субъекта состоит в несоответствии репутации и вероятности его обнародования, что в перспективе чревато недоверием, то есть уменьшением символического капитала. Риск объекта имиджевого влияния – быть обманутым в том случае, если имидж вымышлен и используется в корыстных целях по отношению к объекту влияния.

Выявлению достоверности дискурса может способствовать метод прогнозной абдукции. Его суть состоит в исследовании фактов и построении гипотезы, объясняющей их механизм и прогнозирующей последствия его действия. Если применить данную методику к приведенным фактам относительно стратегии функционирования доверия в современном социуме, то в качестве ключевого понятия для ее изучения выступает *человеческое познание*, проявленное в двух формах символического капитала как познавательных стратегиях социального функционирования – рефлексивной и нерефлексивной. Такое разделение осуществлено исходя из рефлексивности и нерефлексивности доверия. Доверие – это «установка личности на то, чтобы поручить себя кому-то или признать что-то без процедуры убеждения, например, доказательства. ...Это особый вид подчинения – подчинение авторитету» [7, с. 5]. Иными словами, доверие выступает в качестве власти над тем, кто доверяет. Рефлексия выступает в качестве деятельности самопознания, раскрывающей «специфику душевно-духовного мира человека. Рефлексия в конечном итоге есть осознание практики, мира культуры и ее модусов» [8, с. 445]. Следовательно, к числу нерефлексивных форм познания можно отнести миф и религию, где знание, носящее образно-интуитивный характер, не требует доказательства.

Основными нерефлексивными способами получения знания являются ощущения, непосредственные переживания и интуиция. Они характерны для религиозного, мифологического и обыденного опыта жизнедеятельности человека, когда он не прибегает к рациональным объяснениям происходящих событий. Доверие, строящееся на данных способах получения знания, лежит в основе *нерефлексивной формы символического капитала*.

К числу рефлексивных форм познания относится наука как система получения достоверного знания. Для рефлексии обязательно осознание знания, его доказательность, обоснованность и достоверность, что достигается логической или эмпирической аргументацией. Доверие, рационально обоснованное, лежит в основе *рефлексивной формы символического капитала*.

Инструментальной составляющей реализации стратегии символического капитала выступает язык как коммуникатор между членами социума. Он также является основным средством социализации. С его помощью оформляется смысловая реальность, транслируются знания и ценности, содержащие человеческий опыт в жизненном мире.

Главным регулятором социального взаимодействия на институциональном уровне являются формальные нормы, зафиксированные в правовой системе. Эта сфера является основной средой функционирования *рефлексивной формы символического капитала*. *Нерефлексивная форма символического капитала* является социальной стратегией на уровне габитуса, где главным условием отношений выступают ценности, выраженные в традициях, обычаях, ритуалах в качестве нерефлексивных индивидуальных и коллективных социальных практик.

При взаимодействии институционального уровня общества и габитуса ведущей и направляющей формой символического капитала выступает все же его нерефлексивная форма. Это происходит, согласно П. Бурдьё, по причине того, что установленные институционально правила содержат значительную долю неопределенности. Исходя из такой специфики, они могут быть применены в зависимости от обстоятельств: «...габитус устанавливает с социальным миром, продуктом которого он является, настоящее онтологическое соучастие, принцип знания без осознания» [9, с. 22].

Исходя из данной специфики доверия, восприятие дискурса может осуществляться рефлексивно и нерефлексивно. Слухи, сплетни, предсказания магов, вырванная из контекста информация, любые знания, воспринимаемые нерефлексивно, то есть основанные на нерефлексивной форме символического капитала, могут являться причиной *нерефлексивных социальных рисков*. Они сложнопрогнозируемы, а поэтому их профилактика, минимизация и локализация могут быть затруднительны. Причиной *рефлексивных социальных рисков* может являться знание, воспринимаемое рефлексивно, то есть основанное на рефлексивной форме символического капитала. Такие риски рационализированы, поэтому более прогнозируемы, могут быть подвергнуты профилактике, институционально минимизированы и нивелированы.

Институционализация, согласно П. Бурдьё, относительно рефлексивна, она есть «объективация и воплощение как аккумуляция в вещах и телах всей совокупности исторических приобретений, несущих на себе отпечаток условий своего производства и стремящихся породить условия собственного производства» [10, с. 142]. Габитусы характерны в большей степени для зон неустойчивой социальной структуры, так как в большей степени основаны на нерефлексивном восприятии окружающего мира.

Задача исследователя социальных рисков – посредством прогнозной абдукции установить характер восприятия социального дискурса (рефлексивный или нерефлексивный). Такая методологическая позиция позволяет выйти на начальный уровень изучения социальных рисков с тем, чтобы в дальнейшем получить более достоверные результаты.

Таким образом, в результате проведенной работы автором впервые был сконструирован и применен новый метод научного исследования – *прогнозная абдукция*. Ее суть состоит в изучении фактов и построении гипотезы, объясняющей их механизм и прогнозирующей последствия его действия.

Кроме того, с помощью данного метода впервые выявлены новые характеристики и виды социальных рисков в условиях символического капитализма, которые отражены в новых понятиях:

1) *рефлексивный социальный риск* – риск, воспринимаемый рефлексивно, то есть основанный на рефлексивной форме символического капитала;

2) *нерефлексивный социальный риск* – риск, воспринимаемый нерефлексивно, то есть основанный на нерефлексивной форме символического капитала.

Результаты проведенной работы подводят к следующим вопросам: взаимодействия рефлексивных и нерефлексивных рисков на уровнях институтов и габитуса, институционального регулирования габитуса; создания новых проектов управления рисками; способов дезэскалации стратегичности в социальном взаимодействии. Дальнейший научный поиск в намеченных направлениях усложняется специфическими характеристиками социальных рисков, обусловленных глобальными социальными изменениями: «Глобализация риска в условиях открытого пространства-времени в субъективном плане означает, что постоянное нарастание рисков неизбежно подводит к некоему пределу, за которым угрозы и опасности уже не имеют значения, поскольку результаты решений становятся полностью неподконтрольными. Более того, в условиях глобального социума уже нельзя однозначно отделить субъектов риска от субъектов опасности» [3, с. 13]. В то же время «изменения в современной глобальной цивилизации обусловлены во многом процессами коммуникационной динамики, под которой можно понимать обмен ценностно-значимой информацией между индивидуальными и социальными субъектами» [11, с. 55], «социальная динамика – это порождение коммуникации» [11, с. 58]. Указанные обстоятельства нацеливают дальнейшие изыскания относительно социальных рисков на изучение коммуникативных практик в условиях символического капитализма.

Библиографический список

1. *Устьянцев В.Б.* Риски в пространстве власти: концепты и проекты // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7: Философия. 2011. № 2 (14). С. 106–112.
2. *Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001.
3. *Иванов А.В.* Социосинергетическая динамика общества риска: методологический аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007.
4. *Афанасьев И.А.* Социальный риск: методологические и философско-теоретические аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2004.
5. *Рузавин Г.И.* Абдукция как метод поиска и обоснования объяснительных гипотез // Теория и практика аргументации. М., 2001.
6. *Барышков В.П.* Макиавеллизм и стратегичность как способы политической и повседневной деятельности // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 1. С. 116–120.
7. *Неважжай И.Д.* Знание, вера, доверие и научное образование // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. СПб., 2010. Вып. 3. С. 3–6.
8. *Огурцов А.П.* Рефлексия // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 445–450.
9. *Бурдые П.* Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 16–31.
10. *Бурдые П.* Мертвый хватает живого // *Бурдые П.* Социология социального пространства. М., 2007. С. 121–156.
11. *Орлов М.О.* Этика дискурса как основа стратегии социализации в глобализирующемся мире // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Саратов, 2012. Т. 12, вып. 2. С. 55–59.

**K.B. Tadtaev
Dialectics of Genetic Factors
and Social and Economic
Conditions
in Intelligence Formation**

The problem of national and ethnic peculiarities of creative thinking formation is analyzed. The unity of natural and social aspects in intelligence formation and the impossibility of ethnic vertical differentiation depending on intelligence level are revealed.

Key words and word-combinations: ethnos, genotype, intelligence, nation's nature, nation's temper.

Анализируется проблема формирования национально-этнических особенностей творческого мышления. Выявляется единство природного и социального в формировании интеллекта и невозможность дифференциации этносов по вертикали в зависимости от уровня интеллекта.

Ключевые слова и словосочетания: этнос, генотип, интеллект, национальный характер, национальный темперамент.

УДК 572+611/612
ББК 28.71

Х.Б. Тадтаев

**ДИАЛЕКТИКА
ГЕНЕТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
И СОЦИАЛЬНО-
ЭТНИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ
В ФОРМИРОВАНИИ
ИНТЕЛЛЕКТА**

Проблема соотношения наследственных и средовых факторов в формировании интеллекта вызывала интерес как в прошлом, так и в настоящем [1]. Однако стремление некоторых исследователей к абсолютизации наследственных факторов в формировании интеллекта и дифференциации всех рас и этносов по вертикали в зависимости от генотипа представляется неприемлемым и научно недоказанным.

Констатация реальности национально-этнических особенностей творческого мышления не представляет значительных трудностей. Однако поиск факторов, детерминирующих формирование этих особенностей, не всегда приводит к успеху. При анализе данной проблемы необходимо прежде всего ответить на вопрос: объясняется ли национально-этнический стиль мышления генетическими факторами или обуславливается исключительно социально-экономическими условиями? Однозначный ответ маловероятен, поскольку игнорирует диалектическую взаимосвязь, взаимообусловленность генетических (биологических) и социально-экономических факторов. Начиная с 1970-х годов в психологической литературе появился ряд работ, где национально-этнические особенности стиля мышления и даже коэффициент интеллекта объясняются диалектическим

единством генетического (биологического) и социально-экономического. Утверждается, например, что дефицит питания в детстве меняет биохимию мозга настолько, что последующая нормальная диета ничего уже не может исправить. По наследству могут передаваться изменения биохимии мозга, и низкий коэффициент интеллекта (КИ) испытуемого может быть объяснен неблагоприятными условиями, в которых жили его предки в неопределенно далеком прошлом. Утверждается, что, даже если забрать детей из дома и поместить в специальные учреждения, при проверке КИ скажутся различия, в которых жили их близкие и даже далекие предки [2, с. 251].

На первый взгляд обращение к диалектике единства генетического и социально-экономического при анализе национально-этнических особенностей мышления представляется перспективным. Однако в реальности такой подход малопродуктивен в силу ряда обстоятельств: 1) нельзя реконструировать даже теоретически условия, в которых жили наши предки в неопределенном прошлом; 2) нации являются не биологическими, а социально-культурными образованиями, результатом смешения различных племен, народностей и т.д.

Этнонация может состоять из групп с различными физическими признаками. Следовательно, при анализе национальных особенностей мышления приходится обращаться исключительно к социально-историческим факторам.

О невозможности объяснения особенностей национального стиля мышления генетическими (биологическими) факторами свидетельствует тот факт, что некоторые выдающиеся философы и ученые по происхождению не принадлежат к этносу, в среде которого они творили, но в реальности им был присущ стиль мышления данного этноса. Так, выдающийся немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии И. Кант по происхождению был шотландцем. Его дед был выходец из Шотландии, переселившийся в Пруссию, по-видимому, в конце XVII или начале XVIII в. Однако Кант часто служит в истории науки примером «типичного» немецкого исследователя. Многие известные русские философы и ученые также имели предков – представителей различных этносов. Так, Густав Густавович Шпет, русский ученый, внесший значительный вклад в отечественную философию, психологию, эстетику и языкознание, по происхождению поляк. Русский философ Николай Онуфриевич Лосский также имел предков польского происхождения. Предки выдающегося русского ученого Владимира Ивановича Вернадского были выходцами из Литвы. При желании наш список можно продолжать, и в нем окажутся имена сотен известных русских ученых-философов и т.д. Однако все они, выросшие в атмосфере русской культуры, являлись носителями русского национального характера. Проблема национального характера изучается как психологами, так и философами. Большинство исследователей утверждают, что национальный характер формируется под влиянием исторических и социально-экономических условий, но при этом не исключается определенное влияние географического фактора.

Весьма оригинально для своего времени данную проблему решал знаменитый русский историк В.О. Ключевский. Он аргументированно утверждал: «...каждому народу от природы положено воспринимать из окружающего мира, как

из переживаемых судеб, и претворять в свой характер не всякие, а только известные впечатления, и отсюда происходит разнообразие национальных складов, или типов, подобно тому как неодинаковая световая восприимчивость производит разнообразие цветов» [3, с. 290]. Исследуя историю формирования русского народа, и в частности русского национального характера, он отмечал: «Рядом с влиянием природы страны на народное хозяйство Великодержавии замечаем следы ее могущественного действия на племенной характер великоросса» [4, с. 286]. Географический фактор нельзя игнорировать, но нельзя и абсолютизировать, как и любой другой фактор. Рассматривая национальный характер как совокупность более или менее устойчивых психологических черт и свойств, присущих большинству представителей данной этнонации, в то же время эти особенности нельзя абсолютизировать. В любом национальном характере проявляется диалектика национально специфического и общечеловеческого. Национальный характер этнонаций проявляется в культуре народа, в его поведении, обычаях, традициях и т.д.

В начале третьего тысячелетия проблема природы интеллекта также вызывает живой интерес. Дискуссия между сторонниками социально-средовой детерминации и приверженцами генетической детерминации интеллекта остается острой и актуальной. Показательна книга «Природа интеллекта. Битва за разум (Как формируются умственные способности)», написанная Г. Айзенком и Л. Кэмином в жанре оживленной, а подчас ожесточенной полемики, поскольку ее авторы придерживаются почти противоположных точек зрения и подчас вступают в словесный рукопашный бой, трактуя одни и те же факты совершенно по-разному. На основе эмпирического материала Г. Айзенк утверждает, как и А.Р. Дженсен в 70-е годы прошлого столетия, что «наследственность и среда объясняют различия в IQ в пропорции 80 и 20 процентов» [4, с. 312]. В противоположность Г. Айзенку Л. Кэмин на основе огромного фактического материала настаивает: «...нечего рассматривать тесты IQ как измерение интеллекта» [5, с. 194]. Не подвергая абсолютному отрицанию значимость наследственности, Л. Кэмин уверен, что в формировании определенного уровня интеллекта доминирует социальная среда.

Эпицентром бурных дебатов вокруг тестирования IQ является расовый вопрос. Айзенк, Берт, Бенетт, Раттер и другие известные исследователи утверждают, что показатели IQ белых более высоки по сравнению с негроидами и монголоидами. Так, Г. Айзенк утверждает о большой диспропорции между негроидами и европеоидами при анализе очень высоких и очень низких показателей IQ. «В количественном выражении, – пишет он, – это означает, что на уровне IQ с показателем 70 или ниже черные будут составлять 16%, а белые – 2%. На уровне 130 и выше (это примерно уровень очень способных студентов университетов) черные будут составлять 0,1%, а белые – 2%, что дает соотношение 1:20» [5, с. 136–137]. При этом Айзенк подкрепляет свои выводы материалом конкретных эмпирических исследований.

Примечательно, что Л. Кэмин на основании почти аналогичного материала доказывает диаметрально противоположное – отсутствие различий в интеллекте в зависимости от расовой принадлежности. Он убежден, что каждый чело-

век должен восприниматься как индивидуальность и оцениваться с помощью объективных критериев вне учета этнорасовой принадлежности.

В противоположность Л. Кэмину, Г. Айзенк уверен в неизбежности интеллектуального превосходства белых, и оно, по его мнению, практически не зависит от социальной среды. «За последние 20 лет, – пишет Г. Айзенк, – черные в США далеко ушли вперед в экономическом и социальном плане, даже на дальнем Юге... но разрыв в показателях IQ не исчез и даже не сократился» [5, с. 149]. Аргументация Г. Айзенка и других порой представляется убедительной, но при внимательном анализе и его работ, и трудов Дженсена, Макгерка, Берта и других обнаруживается противоречивый характер их аргументов. В 1950–1970-е годы однозначно утверждалось превосходство белых по показателям тестов интеллекта всех типов над представителями всех этносов монголоидной расы.

В последнее время положение радикально изменилось. Г. Айзенк и М. Айзенк в работе «Исследование человеческой психики» (издана на русском языке в 2002 г.) однозначно заявили на основе эмпирического материала, что «с тестами, созданными белыми психологами, китайские и японские дети (и взрослые) справляются значительно лучше, чем белые дети и взрослые» [5]. Тестированию подвергались как японцы и китайцы, проживающие в США, так и жители Японии и Китая. Чем объяснить столь радикальное изменение в интеллектуальных способностях китайцев и японцев? Вряд ли представляется уместным утверждение о радикальном изменении генотипа представителей монголоидной расы, тем более что в работах исследователей, объясняющих умственные способности исключительно генетическими факторами, речь идет о резком возрастании уровня интеллекта лишь китайцев и японцев, а не представителей монголоидной расы в целом. Г. Айзенк и М. Айзенк отмечают, что «малайцы отстают от китайцев в среднем на 15 пунктов по результатам тестов IQ» [5, с. 193].

Утверждение о радикальном изменении генотипа китайцев и японцев представляется фантастическим, но существенное изменение социально-экономического положения китайцев и японцев, проживающих как в США, так и в Азии, очевидно. Американские социологи китайского происхождения М. Чжоу (факультет социологии Калифорнийского университета) и Г. Кай, исследующие историю жизни китайской общины в США, отмечают как количественные изменения, так и качественные. С 1965 по 2000 г. община американцев китайского происхождения выросла с 237 тыс. до 2,8 млн человек. Если до Второй мировой войны китайцы США были в основном бедными, малограмотными временными работниками из сельской местности, то с 60–70-х годов XX столетия положение радикально меняется. «Китайские иммигранты, – пишут М. Чжоу и Г. Кай, – начиная с 1965 г. происходят в основном из городов. Они хорошо образованы; 42% китайцев, родившихся вне США, имеют высшее образование, в то время как белые американцы могут похвастаться только 21%. Китайцы более зажиточны, чем белые американцы: выходцы с Тайваня, Гонконга и материкового Китая имели в 1989 г. средний доход в 34 тыс., 50 тыс. и 34 тыс. долларов соответственно, в то время как белые американцы – в 3 тыс. долларов. Китайцы в США сегодня занимаются производством высокотехно-

логичных товаров, оптовой торговлей, финансами, страхованием, медицинскими услугами и т.д.» [6].

Существенно изменилось социально-экономическое положение и в КНР, где правительству удается в последнее время «обеспечить высокую динамику экономического развития, стабильное улучшение показателей уровня жизни населения» [7]. Успехи послевоенной Японии в социально-экономической сфере общеизвестны. По ключевым показателям уровня жизни современная Япония входит в группу ведущих стран мира.

Невозможно проводить жесткую, однозначную параллель между успехами в социально-экономической сфере жизни того или иного этноса или расы с повышением показателей IQ. Социально-экономические показатели, какими бы значительными они ни представлялись, никогда не приводят автоматически к немедленному изменению интеллектуального уровня представителей этноса, расы и т.д. Однако социально-экономические успехи способны существенно менять социальную среду в целом, обеспечивают высокие стандарты образования и культуры.

В связи с этим точка зрения Л. Кэмина представляется более аргументированной, убедительной, поскольку его оппоненты за генетические, расовые показатели часто принимают явления, которые объясняются прежде всего факторами социальной среды. Пример с интеллектуальными успехами китайцев и японцев в последнее время представляется не исключением, а правилом. Отдельные примеры – слабая аргументация, но подобных примеров огромное множество. Еще в первой четверти XX в. экспериментально было установлено, что «средние показатели IQ черных из северных штатов были выше, чем средние показатели IQ белых в некоторых южных штатах, что вполне согласуется с более высоким образовательным и экономическим статусом Севера» [4, с. 271]. Сторонники генетической детерминации интеллекта проигнорировали в большинстве такой важный эмпирический факт или попытались объяснить с помощью эклектики и софистики. Кроме того, показано, что черные дети, усыновленные белыми семьями с высоким социально-экономическим статусом, имели в дальнейшем отчетливо высокие показатели IQ. Менялась социальная среда, но не генотип. Подобное явление также не получило определенного логического объяснения сторонниками генетической детерминации.

При анализе работ теоретиков генетической детерминации создается впечатление, что они пойдут практически на что угодно, лишь бы абсолютизировать генетический фактор в формировании IQ и, наоборот, отрицать или принизить значение социальной среды. Особенно показательным в этом отношении дело Сирила Берта – одного из крупнейших апологетов генетической детерминации и редактора психологического журнала. Обычно отмечалось «высочайшее качество расчетов и статистических выкладок в его исследованиях» [4, с. 181]. Со временем против С. Берта было выдвинуто обвинение в мошенничестве, подкрепленное показаниями его бывших студентов (ныне видные ученые Алан и Кларк). Факт мошенничества был доказан. Фальсификация и «подтасовка данных» [5, с. 191] сэром Сирилом Бертом признана даже его соратниками (в том числе Г. Айзенком). Информация о фактах мошенничества не ограничилась академическими кругами, а получила большой общественный резонанс.

Другой сторонник генетической детерминации Гарри Мунсингер не прибегал к откровенной подтасовке данных, но неоднократно отмечалось, что «его предположения систематически смещали результаты в пользу его гипотезы» [4, с. 282].

Мы далеки от мысли Л. Кэмина подозревать всех сторонников генетической детерминации в «одержимости расизмом» или в мошенничестве. Одно несомненно: различия в показателях IQ нельзя использовать как инструмент для установления иерархии по вертикали между различными расами и этносами.

Тестирование, проведенное по одной системе, не дает оснований для выводов о степени умственной одаренности представителей различных рас и этносов. Такой подход характеризуется упрощением человеческого мышления, граничит с вульгаризмом. Результаты тестирования часто свидетельствуют не о степени умственной одаренности, а прежде всего об особенностях мышления. Так, исследования Кальциониса, Медавара и других показали, что если одна группа исследуемых доминирует в отношении гибкости мышления, то другие демонстрируют лучшие показатели в художественном воображении и т.д. Представляется совершенно оправданным утверждение Дж. Верча, что любое исследование «отражает присутствие определенных преимуществ при проведении различий между людьми, действующими в различных культурных, исторических и общественных условиях» [8, с. 43]. Интересен материал эмпирических исследований австралийского психолога Дж.М. Кирина [9], которая сравнивала показатели детей австралийских аборигенов пустыни и детей европеоидного населения Австралии. При решении задач с традиционными тестами дети аборигенов пустыни значительно уступали своим европеоидным сверстникам (возраст от 6 до 17 лет). Кирина показывала детям расположенные на доске и по-разному окрашенные элементы и просила восстановить первоначальное расположение элементов после их сборки. Дети европеоидов пытались использовать стратегию вербальных меток, и их показатели значительно уступали успехам детей аборигенов, которые не пытались использовать стратегию вербального опосредования. Они полагались на зрительные стратегии, поскольку имели определенный опыт ориентации в пустыне. Недостаток большинства подобных исследований заключается в том, что они создают преимущества одной группе и ставят в неблагоприятное положение других, поскольку подобные стратегии выходят за пределы их жизненных реалий. Нельзя не согласиться с утверждением французского антрополога Ф. Ла Платина, что «общим у людей является их способность отличаться от других, создавать в корне отличные друг от друга обычаи, языки, способы познания, институты. Если в человеке как виде и сохраняется нечто природное, то это прежде всего его способность к культурному варьированию» [10, р. 22].

Реальное единство человеческого мышления – в его разнообразных специфических проявлениях. Этнос может выделяться среди других этносов интеллектом, успехами в творческом мышлении и т.д. Разложить четко и однозначно факторы интеллектуального успеха этноса невозможно, однако при научном исследовании всегда обнаруживаются главные, основные факторы такого успеха.

Библиографический список

1. Роль наследственных и средовых факторов в формировании индивидуальных особенностей когнитивных способностей в младшем школьном возрасте / Ю.А. Давыдова [и др.] // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5, № 3.
2. Urbach P. Progress and degeneration in «Q Debate» // British J. for The Philosophy of Science. 1974. Vol. 25, № 3.
3. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций. Ростов н/Д., 2000. Кн. 1.
4. Айзенк Г., Кэмин Л. Природа интеллекта. Битва за разум (Как формируются умственные способности). М., 2002.
5. Айзенк Г., Айзенк М. Исследования человеческой психики. М., 2002.
6. Zlou M., Cai G. Chinese language media in the United States: Immigration and assimilation in the United States // Qualitative Sociology. 2002. Vol. 25, № 3. P. 419–440.
7. Страны и регионы мира: экон.-полит. справ. М., 2006.
8. Верч Дж.В. Голоса разума: Социокультурный подход к опосредованному действию. М., 1996.
9. Kearins J.M. Visual spatual memory in Aboriginal and white Australian children // Australian journal of psychology. 1986. № 38 (3).
10. La Plantine F. L2 Antropologie. P., 1987.

Е.А. Pilipenko
Social Time: Ontological Aspect

The ontological and gnosiological significance of social time is defined. It is shown that social time is a complex intersubjective phenomenon, which is significantly different from natural time and exists only in the social space.

Key words and word-combinations: social time, social space, intersubjectivity.

Определяется онтологическая и гносеологическая значимость социального времени. Показывается, что социальное время – это сложный intersубъективный феномен, значительно отличающийся от природного времени и существующий только в социальном пространстве.

Ключевые слова и словосочетания: социальное время, социальное пространство, intersубъективность.

УДК 1:316
ББК 60.021

Е.А. Пилипенко

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ

Время – сложнейший природный феномен, вместе с пространством лежащий в основании материального мира. В классической науке время наделялось особыми качествами (однородность, линейность, независимость от пространства и материи), делавшими его абсолютным и не поддающимся экспериментальным исследованиям. Только неклассическая наука (теория относительности, квантовая механика, космология) смогла определить его подлинные физические свойства и связать с другими фундаментальными природными феноменами универсальными законами.

Однако вселенское, физическое, астрономическое время, всегда выступающее чем-то внешним по отношению к человеческому бытию, – не единственное время, интересующее человека. Наряду с физическим временем в человеческом и общественном сознании существуют и иные представления о времени. Речь идет о времени, обусловленном не только природными, но и социальными и психологическими процессами и являющемся «внутренним» временем человека или социального сообщества. В разных гуманитарных концепциях это время называется по-разному: социальным, психологическим, временем бытия-человека-в-мире – и несмотря на свою значимость все еще недостаточно исследовано.

Целесообразно конституировать социальное время как философский концепт, а для этого необходимо обратиться к истории представлений о нем, определить его онтологическую и гносеологическую значимость и существенные свойства, отличающие его от природного времени. Это непростая задача: во-первых, существует слишком много разрозненных, как правило, неполных представлений о социальном времени, а во-вторых, есть и определенная путаница в различении социального времени и времени психологического, экзистенциального, личностного. Последнее обстоятельство является особенно важным, поскольку требует критериев различения не только природного и социального времен, но и различения социального времени и личностного.

Представления о времени историчны: воззрения человека на время значительно зависят от социальных условий (различные типы деятельности, религия, уровень развития культуры и науки), и на каждом этапе существования человечества социальное время раскрывается как форма бытия общества. Люди давно начали осознавать время, но в каждую историческую эпоху оно воспринималось по-разному. Современное восприятие времени очень сильно отличается от его восприятия людьми Древнего мира и даже Средневековья. Дело в том, что представления о времени, ощущение его хода и необратимости связаны с понятиями становления и развития, а люди не всегда осознавали тот факт, что все в мире формируется, изменяется и развивается.

Практическое освоение времени вытекало из практического отношения к природе и было тесно связано с хозяйственной деятельностью человека. В человеческой деятельности и мышлении наблюдалась цикличность времени, которая характеризовалась сменой дня и ночи, времен года. Изучение времени происходило непосредственно с накоплением человеческого опыта, а поскольку знания о времени были достаточно скудными, общество мифологизировало его. С точки зрения мифологических представлений время имело циклический характер, не имея при этом причинных или линейных связей. На наш взгляд, в этот период значительными для человеческого восприятия времени были настоящее, связанное с практической деятельностью, и будущее, являющее результаты последней. Только с развитием общественных отношений люди начали оценивать значимость прошлого, после чего возникла социальная память и историчность как феномен, поддерживающий культуру и традиции.

Философское осмысление времени начинается с Античности. Античные философы пытались объяснить время рационально, связывая его с движением и

полагая его линейным. Для Аристотеля, например, время было «числом движения по отношению к прежде и потом». Начинает осознаться и связь настоящего, прошлого и будущего. Так, Аристотель писал, что «настоящее время соприкасается с прошедшим и будущим» [1, с. 62]. Появляется и различие времени природных процессов и социального «времени наших действий». Возникают представления не только о количественных свойствах времени, но и о его качествах. Время начинает восприниматься и как значительная ценность.

Линейное представление о времени укрепилось в христианстве. Это связано прежде всего с существованием «опорных пунктов» времени, которые и придают ему линейный характер: время разделяется на две эпохи – до Рождества Христова и после него. Христианское понимание времени придает значение как прошлому (где произошла трагедия распятия и воскрешение Христа), так и будущему (где ожидается второе пришествие Христа), полагается необратимым и конечным. Мировое бытие движется от акта Божественного Творения, заменившего в тварном мире Вечность временем, к своему неминуемому завершению, окончанию времен, Страшному суду. Христианство вводит представление о грядущем выходе человечества из времени в Вечность, о безвременье и тем самым умаляет земное, по сути социальное, время.

Человечество вернулось к пониманию времени как ценности лишь в эпоху Возрождения. Практическая деятельность людей, зарождение капитализма, повышение активности общественных отношений привели к пониманию не только метафизической значимости времени, но и его практической ценности: сонное Средневековье было разбужено активно действующим буржуа [2, с. 345]. Появляется и представление о ритме, темпе времени, об особом масштабе социального времени, которое может течь иначе, чем астрономическое, замедляться или ускоряться [3, с. 79]. Именно с Возрождения появляется возможность сравнивать одну историческую эпоху с другой через призму времени. С этого периода люди окончательно пришли к пониманию истории не как к совокупности отдельных событий, а как к развивающемуся во времени процессу. Анализируя этот факт, Бродель пишет, что социальное время представляет сложное и противоречивое явление, содержащее в себе прошлое и настоящее человечества, и вводит понятие диалектики длительности: «История – это диалектика длительности. Через нее и благодаря ей она есть учение обо всем социальном и, следовательно, о прошлом и настоящем, ибо прошлое и настоящее неотделимы друг от друга» [4, р. 104]. Историк не может игнорировать время, поскольку предмет его занятий, прошлое человечества, не мыслим без учета времени. Всякое событие пронизано временем, так как оно связано с другими событиями, которые имели место раньше. Анналовская школа, к которой принадлежал и Бродель, выделила короткое время (*temps bref*) и длительное время (*longue duree*). Короткое время охватывает дни, сутки, месяцы, а также все формы экономической, социальной, религиозной и т.д. жизни. В случае длительного времени речь идет о столетиях и тысячелетиях, именно это время лежит в основе познания исторического процесса, составляет каркас истории.

Великие научные открытия эпохи Возрождения заложили основу для естественнонаучного анализа времени, осуществленного в Новое время. Культуру Нового времени перестает удовлетворять аристотелевская феноменологическая, континуалистская концепция времени, поддерживавшаяся христианской церковью. Однако философия XVII–XVIII вв. продолжает рассматривать понятие времени не только с естественнонаучной точки зрения [5], но и с метафизической и теологической. В XIX в. окончательно формируется представление об историческом времени. С этого периода в западноевропейской философской мысли начинает возрастать интерес к культурно-исторической интерпретации времени, хотя все еще не говорится о времени социальном. Позже в рамках постнеклассической философии происходит окончательный отказ от линейного осознания времени, предполагающего понятия минувшего и грядущего, линейное прочтение истории как необратимо разворачивающееся из прошлого через настоящее в будущее. Философия постмодернизма отвергает идею линейного прогресса, линейной истории, линейной развертки темпоральности и осознает себя как постсовременность, которая разворачивается «после времени», в ситуации «постистории».

С точки зрения онтологического анализа социального времени особый интерес представляет его различие с индивидуальным временем человеческого бытия. В связи с этим невозможно обойти вниманием концепцию времени И. Канта, рассматривавшего проблему времени только в связи с сознанием. Время для Канта субъективно, связано с познанием и человеческой деятельностью. Эта деятельность протекает последовательно, и последовательность деятельности познания, мышления, восприятия предметов не исключает, а предполагает сохранение предыдущих частей, результатов или элементов деятельности, является временной. Способ деятельности сознания, состоящий в последовательном синтезировании предмета, – это и есть время по Канту. Время – это осуществляемая через деятельность сознания последовательность «схватывания», или конструирование предмета, поэтому «время мы можем мыслить не иначе, как обращая внимание при проведении прямой линии... исключительно на действие синтеза многообразного, при помощи которого мы последовательно определяем внутреннее чувство и тем самым имея в виду последовательность этого определения» [6]. Кант необходимым образом связывает представление о времени с представлением о деятельности, активности сознания. Сознание «знает» время постольку, поскольку оно мыслит линию, конструирует предмет как явление. Для бездействующего сознания, очевидно, не может быть времени как своеобразной характеристики его самого. Вне отношения к сознанию, к субъективной деятельности познания, с точки зрения Канта, нет и не может быть времени, то есть не может быть никакого времени самого по себе. Такое время как метод последовательного синтеза можно назвать необходимым и всеобщим способом, формой наглядного представления, созерцания предмета в сознании, а поскольку наглядность представления, созерцание отождествляется Кантом с чувственностью, то время есть форма чувственности.

Дальнейшее развитие некоторых идей Канта прослеживается в работах М. Хайдеггера, который настаивает как на «фундаментальной роли понятия времени», так и на его экзистенциальной, внутрлической сущности [7]. По Хайдеггеру, не только история, но и природа «имеют временной характер. Этой временной действительности в целом обычно противопоставляют вневременные предметы, которые являются темой, например, математических исследований. Наряду с этими вневременными предметами математики известны надвременные – вечные – предметы метафизики или теологии. В этом уже – совершенно схематично и грубо – проявляется то обстоятельство, что время представляет собой единый “индекс”, различающий и отграничивающий предметные области вообще.

Понятие времени раскрывает для нас способ и возможность такого разграничения универсальной сферы сущего. Это понятие так или иначе... становится путеводной нитью для вопроса о бытии сущего и о его возможных регионах; однако эта его принципиальная роль не получает отчетливого осознания... Таким образом, понятие времени – это совершенно особое понятие, связанное с основным вопросом философии» [8]. По Хайдеггеру, это «вопрос о бытии сущего». Одно из принципиальных положений концепции М. Хайдеггера заключается в том, что он предлагает для понимания сути времени соотносить временность с понимающим бытием присутствием. Речь идет о присутствии человека в мире, его погруженности в бытие. При этом М. Хайдеггер подчеркивает, что для этого необходимо «ограничить добытое так понятие времени от расхожего понимания времени». Под расхожим пониманием времени он имеет в виду такое толкование времени, которое сложилось в традиционной концепции времени от Аристотеля до Бергсона и далее. Существенно подчеркнуть, что бытийственность, присутствие человека в мире Хайдеггер соотносит с временностью и при этом вырисовывается довольно важная, принципиальная функция времени. М. Хайдеггер пишет, что присутствие является таким способом, чтобы, существуя, понимать нечто подобное бытию. Хайдеггер обращается к понятию «подобное». Присутствие (существование) всегда связано с временностью. Отсюда следует вывод, что именно временность обеспечивает отражение, «подобное бытию». Не полностью адекватное отражение, не «удвоение» бытия, а продуцирование того, что «подобно бытию» – в этом одна из функций феномена времени [9]. М. Хайдеггер отмечает при этом, что категория времени способна выполнять функции своеобразного зеркала. В этом зеркале отражается внешний мир, но мир, «преломленный» через сознание субъекта, и в этом же зеркале отражается субъективная, активная деятельность познающего субъекта. Фактор времени – это своеобразный фильтр. Действительно, зеркальное отражение, как и всякая модель, всегда отражение неполное. Эту неполноту, «ущербность» отраженного можно несколько прояснить, используя понятие «фильтр». Фильтр что-то пропускает, что-то задерживает. В самом механизме фильтрации содержится нечто созвучное представлениям об отражении. Механизм процесса фильтрации зависит как от устройства самого фильтра, так и от природы того, что именно фильтруется. (В связи с этим интересно

отметить, что почти все основные внутренние органы человека включают в себя функцию фильтра.)

Проблему взаимосвязи модусов времени принято называть проблемой становления. Хайдеггер не противопоставляет серию непрерывных «теперь» серии «прошлое» или «будущее». Элементы, частички ближайшего прошлого можно характеризовать как «тогда», а «тогда» или «раньше» – все равно что «теперь – уже не». Слова «потом» или «позже» равнозначны выражению «теперь – еще не». В слове «теперь» удерживается как бы частичка более раннего бытия во времени и вместе с тем раскрывается горизонт для реализации тех или иных действий в ближайшем будущем. В работе «Кант и проблемы метафизики» (1929) М. Хайдеггер вновь возвращается к проблеме связи прошлого, настоящего и будущего с познавательными способностями человека. Давая весьма своеобразную интерпретацию философии Канта, М. Хайдеггер рассуждает не о трех временах, а о «тройственном единстве времени».

А. Бергсон в начале XX в. в своих работах исследовал время как нечто переживаемое человеком. А. Бергсон одним из первых в философии XX в. сделал предметом исследования специфику времени, переживаемого человеком как живым организмом, сознательным существом. Такое «субъективное» время – необратимое, текущее целостным потоком, емкое – он назвал «длительностью» [10]. И высказал предположение, в немалой степени созвучное теории относительности: из создаваемого человеком образа времени, из понимания времени мира (объективного времени) нельзя вычестить влияние длительности. Интеллект, отмечал Бергсон, склонен рассматривать время по аналогии с пространством, разлагая его на отдельные моменты, а потом слагая время из «омертвленных» единиц, приписываемых самому миру [11]. Преодолеть эту ограниченность, по Бергсону, под силу только интуиции: она позволяет освоить специфику времени в качестве целостного потока, включенного в необратимую человеческую жизнь, понять его именно как длительность. Бергсона особо интересовали и были им достаточно глубоко рассмотрены такие механизмы сознания, как, например, память, благодаря которой возможно оживление уже утраченного времени и предвосхищение будущего [12]. Позже Н. Винер в своей знаменитой книге «Кибернетика», одна из глав которой называлась «Ньютоново и бергсоново время», связал концепцию А. Бергсона с некоторыми поворотными моментами в развитии науки XX в.: «...Переход от ньютонова обратимого времени к гиббсову необратимому получил философские отклики. Бергсон подчеркнул различие между обратимым временем физики, в котором не случается ничего нового, и необратимым временем эволюции в биологии, в котором всегда имеется что-то новое».

Итак, к середине XX в. в философии сформировались альтернативные концепции времени. Во-первых, время представлялось как объективная, природная реальность; во-вторых, как реальность субъективная, связанная с человеческим познанием и переживанием. На наш взгляд, ни то, ни другое представление не описывает время в качестве социального феномена, возникающего в результате коллективной деятельности людей, общественного бытия. В самом

деле, социальное время – не просто время человеческого бытия или бытия общества, это время бытия социальных систем. Оно отражает взаимообусловленность индивидуального бытия людей и надындивидуальных социальных структур, таких, как общество, государство и т.д. В социальном времени воплощено неразрывное единство индивидуального человеческого бытия и коллективных форм его существования [13]. Таким образом, социальное время заключает в себе единство объективного времени социального бытия и его субъективное отражение не просто в человеческом сознании, а в коллективном, общественном сознании.

Целесообразно подробнее рассмотреть онтологический статус социального времени. Несомненно, что временные отношения существуют в обществе объективно, независимо от того, осознаются они людьми или нет. Однако представления о времени составляют существенный компонент общественного сознания, которое формируется как результат взаимной интеллектуальной и практической деятельности множества индивидов, то есть является не объективным, а интерсубъективным феноменом. Это значит, что и социальное время интерсубъективно, то есть непременно меняется в зависимости от исторического времени, социального сообщества, культуры, религии, традиций, национального менталитета. Общественное сознание меняется от одной исторической эпохи к другой, «взрослеет», поэтому каждое общество имеет свой культурно-исторический образ времени, свое социальное время [14]. Несомненно и другое: значительное влияние на формирование социального времени оказывает человеческая деятельность, определенная организация социальной жизни. Связанное с социальным прогрессом увеличение темпов общественной жизни, возрастание скорости общественных отношений приводят к изменениям масштабов социального времени: оно также начинает существенно ускоряться.

Социальное время неоднородно по своей структуре, и неоднородность эта, как минимум, двоякая. Во-первых, можно констатировать его социальную неоднородность и выделить макросоциальное и микросоциальное времена. Макросоциальное время может включать в себя микросоциальное время личности, а также время национальных, религиозных, профессиональных, социальных групп, из которых оно состоит [15]. Однако оно синтезирует их в единое социальное время социального сообщества. Микросоциальное время зависит от индивидуальной практической деятельности и экзистенциального времени. Время индивидуального бытия субъективно и зависит от характера действий, конкретной жизненной ситуации, настроения человека. Во-вторых, существует и «пространственная» неоднородность социального времени. Очевидна разница между социальными временами в разных географических областях планеты, в урбанистических и сельских средах, обусловленная разными климатом, традициями, скоростью социальных процессов.

Для современного социума характерно существенное ускорение социального времени, связанное с огромной плотностью социального пространства, большими скоростями социальных взаимодействий, тотальной виртуализацией социального. Современное социальное время уже давно не представляется линей-

ным и чаще всего воспринимается как периодическое, связанное с навязанной периодичностью повседневности. Однако правомерны представления и о возможной хаотичности социального времени, его кризисности, неперIODичности, обусловленных все растущей сложностью и плотностью социальных отношений.

Итак, социальное время – это сложный интерсубъективный феномен, обусловленный человеческой практической деятельностью и зависящий от природных процессов, исторической эпохи, социальной структуры, культуры, традиций, конкретных социальных ситуаций. Оно отличается как от физического времени, так и от субъективного, личностного, психологического, экзистенциального времени отдельного человека. Социальное время – сложнейший феномен, обладающий меняющимся масштабом, многочисленными ритмами, сложной периодичностью, а иногда и хаотичностью. Социальное время существует только в социальном пространстве, образует с ним единую социальную пространственно-временную структуру. Социальное время как форма социального бытия определяет не только длительность последнего, но и последовательность изменения социальных явлений и процессов, а также интенсивность социальных событий и процессов.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. М., 1978. Т. 2.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20.
3. *Барз М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984.
4. *Braudel F.* *Ecrits sur l'histoire*. Paris, 1969.
5. *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии // Собрание трудов. / пер. и коммент. А.Н. Крылова. М.; Л., 1936. Т. VII.
6. *Кант И.* Сочинения. М., 1964. Т. 3.
7. *Гуссерль Э.* Логические исследования // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988. Т. 2, ч. 1.
8. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.
9. *Херрманн Фр.-В. фон.* «Бытие и время» и «Основные проблемы феноменологии» // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991.
10. *Блауберг И.И.* Анри Бергсон. М., 2003.
11. *Вернадский В.И.* О жизненном (биологическом) времени // Размышления натуралиста. М., 1988. Кн. 1: Пространство и время в живой и неживой природе.
12. *Дюринг Э.* Критика Бергсоном релятивистской метафизики: ее наследие и актуальность / пер. с франц. // Логос. 2009. № 3.
13. *Аскин Я.Ф.* Направление времени и временная структура процессов // Пространство, время, движение. М., 1971.
14. *Сорокин П.А., Мертон Р.К.* Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // СОЦИС. 2004. № 6. С. 112–119.
15. *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

A.G. Sokolov
Russian Political Projects
in Right-Wing Liberal
Mass-Media Discourse
(Based on Publications
by “Vedomosti” Newspaper)

The paper examines the mapping of the Russian political projects in contemporary media discourse. By the example of the newspaper “Vedomosti” media representation of political projects during election campaigns of 2011–2012 is analyzed.

Key words and word-combinations: policy making, discourse, media, “Vedomosti”.

Исследуется отображение в современном медийном дискурсе российских политических проектов. На примере материалов издания «Ведомости» анализируется представление в СМИ политических проектов в период избирательных кампаний 2011–2012 гг.

Ключевые слова и словосочетания: политическое проектирование, дискурс, средства массовой информации, «Ведомости».

УДК 005.521:32
ББК 66.06

А.Г. Соколов

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ДИСКУРСЕ ПРАВОЛИБЕРАЛЬНЫХ СМИ (по материалам издания «Ведомости»)*

Политическое проектирование – важная часть осуществления политической власти в рамках политической системы любой конфигурации. Проектирование – это процесс решения некоторой задачи по созданию объекта или достижению состояния, ограниченной определенными исходными данными и заданными результатами или целями, которые обуславливают способ ее решения. Встречается мнение о том, что в политике проект представляет собой документ или совокупность документов по созданию новых либо изменению уже существующих объектов в политической сфере и / или связей, отношений между ними в соответствии с поставленными политическими целями [1, с. 118].

---

* В рамках гранта РГНФ 14-03-00112 «Политические проекты в дискурсивном пространстве современных российских СМИ».

Политика не ограничивается политическими элитами и институтами государственной власти и местного самоуправления, она также включает в себя дискурсивное пространство средств массовой информации. В нем политические проекты могут быть обнаружены и проанализированы благодаря тому, что современные СМИ имеют доступ к широкому кругу разрозненных данных о политическом процессе и, таким образом, могут предоставить исследователю широкие возможности для анализа тех политических проектов, которые формируются и реализуются в современной политике без явного обозначения их проектной природы политическими элитами [2].

В данном контексте целесообразен анализ политических проектов, реализуемых в России, а также интересна их характеристика в материалах электронного периодического издания «Ведомости» и ежедневной газеты «Ведомости». Для рассмотрения берутся события 2011–2012 гг. – периода реализации многочисленных проектов в ходе предвыборной борьбы [3].

Использование данной источниковой базы объясняется несколькими причинами. Во-первых, «Ведомости» относятся к числу высокоавторитетных и популярных российских средств массовой информации. По данным информационно-аналитической системы «Медиалогия», газета «Ведомости» в 2012–2013 гг. занимала третье место среди российских газет по степени цитируемости другими отечественными СМИ. Тираж печатного издания составляет 75 тыс. экземпляров, а сайт электронного периодического издания «Ведомости» в 2012 г. посетили, по данным сервиса интернет-статистики «Rambler's Top 100», 60,4 млн уникальных посетителей, а в 2013 – 71,9 млн.

Во-вторых, «Ведомости» не аффилированы прямо ни с российской политической элитой, ни с системной или внесистемной оппозицией. Газета и связанное с ней электронное периодическое издание позиционируют себя как бизнес-издания, чья миссия – оперативно предоставлять бизнес-сообществу объективную, качественную и полезную информацию, необходимую для принятия решений. В рассматриваемый период издание выпускалось европейским медиаконцерном «Sanoma Group» при участии принадлежащего транснациональной «News Corporation» финансового журнала «The Wall Street Journal» и деловой газеты «Financial Times» (принадлежащей другой транснациональной медиакорпорации «Pearson»). Три названных медиакорпорации хотя и имеют активы в России, но не занимают какой-либо строго определенной позиции относительно российской политики. В связи с тем что данное издание в первую очередь преследует коммерческие цели и ориентировано на клиентов из бизнес-среды, основой его идеологической позиции становится защита интересов бизнес-сообщества, что согласуется с идеями современного либерализма. Таким образом, от «Ведомостей» можно ожидать поддержки праволиберальных российских политиков. Это позволяет оценить одну из умеренно оппозиционных точек зрения на российский политический процесс.

Первый политический проект, о котором упоминается в рассматриваемый период в «Ведомостях», – это правящая партия «Единая Россия». О проект-

ной сущности данной политической организации заявляет в августе 2011 г. пытавшийся в то время вместе с другими деятелями праволиберальной оппозиции зарегистрировать партию ПАРНАС В. Милов (в настоящее время – глава партии «Демократический выбор»). В статье «Идти и голосовать» на основании данных опросов общественного мнения лета 2011 г., зафиксировавших «рекордное падение рейтинга “Единой России”» делается вывод о том, что существует шанс через выборы реально повлиять на изменение ситуации в стране. При этом основной конкурент оппозиционных партий на предстоящих выборах в Государственную Думу объявляется «главным политическим проектом» В.В. Путина, да еще таким, который «за три месяца до выборов» получает «щелчок по носу». В подтверждение тезиса о том, что «Единая Россия» – политический проект В.В. Путина, приводится достаточно спорный с точки зрения политической ситуации лета 2011 г. аргумент о том, что «текущая политическая активизация Путина связана именно с этим, с желанием вытащить тонущего бегемота из болота, а вовсе не с президентскими планами на 2012 г.». Используемая саркастическая метафора из детского стихотворения должна, очевидно, подчеркнуть несамостоятельность «Единой России» и ее полную зависимость от действий В.В. Путина как некую негативную для потенциальных избирателей характеристику, что, впрочем, не выглядит эффективной коммуникативной тактикой.

В других публикациях В. Милова (затрагивающих и предвыборную кампанию праволиберальной оппозиции на думских выборах, и протестную активность осени 2011 г., и вопросы энергетической политики) тематика «Единой России» как политического проекта В.В. Путина не затрагивается. Следовательно, упоминание политического проекта в данном случае носит более риторический, нежели аналитический характер и призвано сформировать у читателей материала впечатление о политической несамостоятельности партии «Единая Россия».

В ряды политических проектов В.В. Путина на страницах «Ведомостей» также попал во время кампании по выборам Президента РФ наиболее активный кандидат от «правых» сил, экс-лидер партии «Правое дело» и крупный предприниматель М.Д. Прохоров. В первый рабочий день 2012 г. «Ведомости» процитировали интервью находившегося тогда в тюремном заключении экс-главы «Юкоса» М.Б. Ходорковского, заявившего, что тот «смотрится как чисто путинский проект». Своей целью данный проект, по мнению опального олигарха, имеет «обеспечить Путину “центристское позиционирование”». Упоминается, что «имидж путинского проекта может Прохорову не нравиться». В данном случае критическая составляющая, заключающаяся в оценке политика как проекта В.В. Путина, гораздо выше, чем в предыдущем, поскольку «Единая Россия» позиционировала себя как «партия Путина», а М.Д. Прохоров сам идентифицировал себя как реальную альтернативу на тот момент бывшему Президенту РФ.

Тезис «Прохоров как политический проект Путина» «Ведомости» стараются не раскрывать. В косвенной речи приводятся слова самого Прохорова в видео-

обращении к гражданам России о том, что он «не является ничьим проектом». В дальнейшем в таких материалах, как, например, «Прохоров опубликовал свою предвыборную программу» и «Прохоров позиционирует себя как анти-Путин» данный тезис текстуально не подтверждается, хотя и обращается внимание на невысокие относительно амбиций шансы бизнесмена на президентских выборах: «Социологические исследования дают намного более скромную поддержку Прохорова гражданами России» [3]. Иллюстративный ряд к последнему материалу свидетельствует о том, что «Ведомости» не до конца готовы принять точку зрения М.Д. Прохорова на свою самостоятельность и отсутствие у В.В. Путина политического проекта под названием «Михаил Прохоров». В фотогалерее под заголовком «Путин и анти-Путин» подобраны фотографии, на которых В.В. Путин держит М.Д. Прохорова за лацкан пиджака, стоит у него за спиной, заставляет на ходу подстраиваться под его шаг, что с учетом большой разницы в росте двух политиков всякий раз создает комический эффект и усиливает контраст между восприятием их политических ролей, а также фотография предвыборного плаката В. Путина, «следящего» за плакатом М. Прохорова, и фотография вывешенных рядом карикатурных портретов, на одном из которых М. Прохоров не может пройти в Кремль мимо В. Суркова, а на следующем – взявшись за руки по Кремлю идут В. Путин и Д. Медведев. Подобные бестекстовые комментарии в условиях современного медиапространства, насыщенного визуальными образами, легко прочтываются как определенное и достаточно эмоциональное отношение к объекту статьи как к самостоятельному политику.

В ряды «спроектированных» политиков, с точки зрения «Ведомостей», попал во время президентской гонки и А. Навальный, который в 2012 г. еще больше позиционировался в качестве общественника – борца с коррупцией, нежели как оппозиционный политик. Указывается, в частности, что его фонд по борьбе с коррупцией активно занимается сбором адресных пожертвований, предназначенных для поддержки борьбы с коррупцией по тому или иному направлению. В феврале и мае 2012 г. «Ведомости» называют многочисленных представителей среднего и крупного бизнеса, финансово поддерживающих антикоррупционную кампанию Навального и, соответственно, его как политика

«Ведомости» также указывают словами спонсоров Навального цели, которые они преследуют в процессе реализации этого проекта. Вице-президент Росгосстраха Р. Борисович отмечает: «Разгул коррупции – большая беда России, которая давно перестала быть просто экономической проблемой» [3]. «Готовность к финансированию оппозиции у бизнеса есть, еще год назад ее не было ни в одном глазу, – приводит газета мнение директора Института национальной стратегии Станислава Белковского. – Изменения в отношении бизнесменов к оппозиции связаны с трезвой оценкой ими перспектив правящей элиты, не исключено, что [владелец «Альфа-групп» Михаил] Фридман, человек проницательный, что он доказал всей карьерой, тоже это понимает. Навальный всегда был интересен бизнесу тем, что подходил очень прагматически к своим проектам и занимался понятными бизнесу вещами; если он и останется тем, кем был

в предыдущие годы, бизнес его поддержит». В результате усилиями «Ведомостей» А. Навальный представляется как политический проект российских предпринимательских кругов, направленный на реализацию задач в сфере понижения уровня коррупции в российской политической системе.

Помимо проектов, связанных с теми или иными политиками и политическими партиями, «Ведомости» в 2011–2012 гг. упоминают ряд политических проектов, затрагивающих другие аспекты политической системы. В частности, речь идет о высшей форме политического проектирования – формировании нового идеологического проекта для Российского государства. Это констатирует в преддверии президентских выборов политолог, бывший директор Центра политической конъюнктуры Российской Федерации Константин Симонюк. Согласно экспертному мнению, приводимому газетой, российским политическим силам, особенно оппозиционным, необходимо готовить масштабные политические проекты на случай, если у них возникнет возможность прийти к власти, поскольку «восстановление процедуры сменяемости власти... означает лишь начало масштабной конкуренции проектов будущего страны, где ключевым будет вопрос о стратегической цели государства». С его точки зрения, либералам можно реализовать два проекта: «гедонизм как государственная идеология» и / или «официальное вступление в западный мир и принятие европейских ценностей». Однако сильную конкуренцию подобным проектам обязательно составят «Россия как реконструктор социализма» и «Россия как оплот православной цивилизации». Правящая элита также ведет проектную работу: упоминается как несостоявшийся (и даже не оформившийся) проект евразийства, также властью «ищутся новые смысловые конструкции, но результат этого поиска не очевиден» [3]. В рамках редакционной политики «Ведомостей» дальнейшего серьезного развития в 2012 г. эта тема не получает, поскольку напрямую не затрагивает интересы целевой аудитории газеты.

Затрагивается, хотя и ограниченно, «Ведомостями» политический проект экономической модернизации, «доставшийся» В.В. Путину от Д.А. Медведева. В частности, речь идет о том, что Путин как Президент РФ повышает статус консультативных органов, занимающихся этим проектом на высшем уровне. «Ведомости» достаточно подробно освещали этот процесс, ссылаясь на собственные источники в Администрации Президента РФ. В рассматриваемый временной промежуток модернизационный проект уже существовал несколько лет и, по мнению привлеченных «Ведомостями» экспертов, не работал. В дискурсе журналистов издания данный политический проект представлен как один из многих политических процессов, которые В.В. Путин после возвращения на должность Президента РФ снова встраивает в собственную вертикаль власти.

В ряды политических проектов также попадают и отдельные вопросы социальной политики государства. «Пенсионная реформа – это социогуманитарный и общественно-политический проект», – отмечает со страниц «Ведомостей» Е. Гонтмахер. При этом автор статьи, бывший в 2002–2003 гг. секретарем

Национального совета по пенсионной реформе при Президенте РФ, не раскрывает политико-проектный характер пенсионной реформы, а делает акцент на том, что этот проект должен быть компромиссным и учитывать интересы всех слоев населения. В гораздо более резкой форме проект пенсионной реформы характеризуется в дальнейших публикациях «Ведомостей». Он связывается с проектом «по лишению власти молодых», а объясняется это тем, что в ходе планируемой пенсионной реформы предлагается еще больше снизить контроль над будущими пенсионными накоплениями, сократив накопительную часть пенсии. В итоге, с точки зрения автора статьи, российская политическая элита реализует проект по защите своих интересов от воздействия следующих поколений, при этом указываются конкретные меры по реализации проекта и его цель. Однако дальнейшего развития в публикациях «Ведомостей» данная тема не получает.

«Ведомости» как влиятельный праволиберальный актор российского медиaproстранства в первую очередь делают акцент на тех политических проектах, которые связаны с возможностью защиты интересов российского предпринимательства и среднего класса. В статусе политического актора газета «Ведомости» по-разному относится к освещаемым ею политическим проектам: насто-роженно-саркастически к проекту Прохорова, с одобрением – к проекту Навального, с неодобрением – к пенсионной реформе. Сторонние для издания темы («Единая Россия» как проект Путина, поиски национального проекта для России) ни эмоциональной оценки, ни экспертного обсуждения не получают.

В целом политическое проектирование в современной России функционирует на различных уровнях – и в рамках политических элит, и среди акторов, не имеющих прямого доступа к государственной власти [4]. Благодаря средствам массовой информации происходит идентификация процессов рационального политического проектирования даже среди тех политических событий, которые, на первый взгляд, не несут проектного характера.

Библиографический список

1. *Грачев М.Н.* «Политическое проектирование» и «политический проект»: концептуализация понятий // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. 2013. № 3. С. 117–119.
2. *Фомин О.Н.* Дискурс, идеология и политика новой российской власти // Вестник ПАГС. 2014. № 4 (43).
3. URL: <http://www.vedomosti.ru/>
4. *Акаев Д.В.* Интернет-проектирование в пространстве функционирования гражданского общества // Вестник СПЮА. 2014. № 6.

M.V. Shamsieva
Directions
of Russian Companies'
Tax Risks Minimization
under Current Conditions

The characteristics of general tendencies in the Russian tax system development are given. The most significant changes of the government tax policy and the associated risks for Russian companies are considered. The key targets of tax policy of firms under the current conditions are defined basing on the implementation of the systematic approach to tax planning.

Key words and word-combinations: tax policy of a state, tax risks, tax planning.

Дается характеристика общих тенденций в развитии современной налоговой системы России. Рассматриваются ключевые изменения в налоговой политике государства и связанные с ними риски для отечественных компаний. Определяются задачи налоговой политики фирм на основе реализации системного подхода к налоговому планированию.

Ключевые слова и словосочетания: налоговая политика государства, налоговые риски, налоговое планирование.

УДК 336.0/5
ББК 65.261

М.В. Шамсиева

НАПРАВЛЕНИЯ
МИНИМИЗАЦИИ
НАЛОГОВЫХ РИСКОВ
РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Основной задачей хозяйствующего субъекта в условиях рыночной экономики является максимизация прибыли. Достижение этой цели предполагает использование различных средств, в том числе современных методов налогового планирования и оптимизации, позволяющих предприятию на законных основаниях снизить уровень его налоговой нагрузки и повысить показатель рентабельности.

Фактор высокой налоговой нагрузки является определяющим при осуществлении мер налогового планирования предприятия. В свою очередь, уровень налоговой нагрузки может значительно варьироваться для участников хозяйственной деятельности в зависимости от: 1) сферы деятельности предприятия (определяет структуру и удельный вес различных налогов); 2) масштаба производственной деятельности предприятия (в отношении крупного малого и среднего бизнеса применяются различные налоговые режимы); 3) мер налоговой политики государства (государством предусматривается широкий набор льгот, применяемых исходя из целей экономической политики по стимулированию инвестиционной активности предприятий, отдельных видов производственной деятельности (высокотехнологичное производство) и др.).

В настоящее время существуют различные

подходы к оценке уровня налоговой нагрузки бизнеса. В исследовании Высшей школы экономики расчет налоговой нагрузки осуществлялся на основе сопоставления налоговых и неналоговых доходов в бюджетной системе Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение налоговых, неналоговых поступлений и ВВП, % [1, с. 19]

Показатель	2011	2012	2013
Доходы бюджетной системы, всего	36,6	36,7	35,8
Налог на прибыль организаций	4,1	3,6	3,1
Налог на доходы физических лиц	3,6	3,6	3,7
НДС	5,8	5,7	5,3
Акцизы	1,2	1,3	1,5
Налоги на совокупный доход	0,4	0,4	0,4
Налоги на имущество	1,2	1,3	1,3
НДПИ	3,7	4,0	3,9
Госпошлины	0,2	0,2	0,2
Доходы от ВЭД	8,3	0,8	7,5
Доходы от использования имущества	1,2	1,3	1,0
Платежи при пользовании ПР	0,2	0,2	0,4
Доходы от оказания платных услуг	0,4	0,3	0,3
Страховые взносы	6,3	6,6	7,0

В соответствии с данной методологией налоговая нагрузка в России в настоящее время превышает средний показатель ОЭСР и сравнима с налоговой нагрузкой ряда стран Западной и Центральной Европы (Чехия, Германия, Исландия, Словения, Великобритания).

Приведенные в табл. 1 данные позволяют проследить структурные изменения в налоговой системе Российской Федерации. Так, за рассматриваемый период (с 2011 по 2013 г.) произошло снижение доли налога на прибыль в ВВП страны (снижение на 1 п.п.), что обусловлено высокой чувствительностью данного налога к экономической конъюнктуре (в условиях замедления темпов роста экономики ухудшаются основные показатели хозяйственной деятельности предприятий, сокращается величина их налогооблагаемой базы). Следует отметить и увеличение (на 0,7 п.п.) доли страховых взносов, что стало закономерным итогом их значительного повышения в 2012–2013 гг.

В ежегодном исследовании ведущей аудиторской компании PricewaterhouseCoopers (PwC) представлены данные об уровне налоговой нагрузки корпораций в различных странах мира. Согласно итогам исследования 2013 г. Россия занимает 56-ю позицию в рейтинге стран по уровню налоговой нагрузки. Данные отчета показывают, что сопоставимый с российским уровень налоговой нагрузки на бизнес наблюдается в таких странах, как США, Швеция, Германия, Мексика, Австралия. У торгового партнера Российской

Федерации по Таможенному союзу – Белоруссии уровень налоговой нагрузки составляет 54% (133-я позиция в рейтинге), в Казахстане данный показатель существенно ниже – 28,6% (18-я позиция в рейтинге) [2]. На основе данных, представленных в отчете, можно провести следующее сопоставление (табл. 2).

Таблица 2

**Характеристика налоговой нагрузки корпоративного сектора
Российской Федерации
(в сравнении со странами ОЭСР)**

Страны	Общий уровень налоговой нагрузки, (% от прибыли)	Время, затрачиваемое на прохождение административных процедур (часы)	Общее количество платежей
Российская Федерация	50,7	177	7
Государства ОЭСР (среднее значение)	46,43	263,03	10,79

Уровень налоговой нагрузки корпоративного сектора в Российской Федерации превышает средний показатель по странам ОЭСР. Вместе с тем Россия имеет лучшие позиции по показателям «временные затраты» и «количество различных видов налоговых платежей, уплачиваемых в государственный бюджет».

В целом, анализируя результаты исследования РwС, следует отметить, что уровень налоговой нагрузки Российской Федерации является умеренно высоким. Иными словами, существующий уровень налогообложения отечественных компаний является приемлемым, обеспечивающим баланс интересов государства и бизнеса. Вместе с тем текущая социально-экономическая ситуация в стране способна ощутимо повлиять на параметры налоговой политики государства, что может привести к повышению налоговой нагрузки на бизнес.

Ключевые параметры налоговой политики государства изложены в документе «Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов». Исходя из его содержания, можно сделать вывод, что основным приоритетом правительства в налоговой сфере является стимулирование инвестиционной активности российских компаний. С этой целью с 1 января 2014 г. введены налоговые льготы для компаний – участников региональных инвестиционных проектов по развитию территорий Дальнего Востока и Забайкалья. По налогу, подлежащему зачислению в федеральный бюджет, устанавливается ставка 0% в течение десяти лет; по налогу, подлежащему зачислению в бюджеты субъектов РФ, льгота составляет не более 10% в течение пяти лет и не менее 10% в течение следующих пяти лет [3].

Снижению налоговой нагрузки также будут способствовать меры в рамках плана мероприятий («дорожной карты») «Создание международного финан-

сового центра и улучшение инвестиционного климата в Российской Федерации». В соответствии с этим документом дополнительные преимущества получают компании, осуществляющие операции на рынке ценных бумаг, в том числе по привлечению заемных средств, путем размещения облигаций среди зарубежных инвесторов.

Возможность применения льгот в целях стимулирования инвестиционного процесса также предусматривается законодательством Российской Федерации об особых экономических зонах. В настоящее время резиденты особых экономических зон могут рассчитывать на получение льгот по уплате: налога на прибыль (0% в части, зачисляемой в федеральный бюджет; 13,5% в части, зачисляемой в региональный бюджет); страховых взносов (14%); транспортного налога (0%); налога на имущество организаций (0%); земельного налога (0%) [4].

Несмотря на то что налоговое законодательство страны предлагает достаточно широкий набор стимулирующих мер для российских компаний, их воздействие может быть в значительной мере минимизировано в случае реализации инициатив по повышению ставок ключевых налогов. Так, в настоящее время Минфин России планирует с 2015 г. ввести региональный налог с продаж, с 2016 г. повысить ставку обязательных страховых взносов на высокие зарплаты для покрытия дефицита ФОМС, а с 2019 г. повысить ставки НДС и НДФЛ. По оценкам экспертов Высшей школы экономики, реализация данных мер в том или ином виде может привести к увеличению налоговой нагрузки на 1,7% к ВВП. В результате это отрицательно скажется на конкурентоспособности российских предприятий, их финансовом положении.

Среди мер государственной налоговой политики, создающих дополнительные риски для отечественных компаний, следует отметить недавние инициативы правительства, направленные на ограничение деятельности оффшоров. Вопросы о недопустимой налоговой оптимизации неоднократно поднимались в последние годы в различной форме в официальных посланиях Президента РФ, других официальных лиц, включая представителей Министерства финансов и иных российских государственных органов. Среди инициатив Министерства финансов РФ в данной сфере следует отметить введение в отечественное налоговое законодательство термина «контролируемые иностранные компании» [5, с. 4]. В результате налоговая база российских лиц будет определяться исходя из общих финансовых результатов деятельности российского лица и контролируемых им иностранных компаний.

Фактически это означает, что налогом будут облагаться доходы иностранных компаний, которые прямо или косвенно контролируются российскими лицами (как физическими, так и юридическими), в случае, если данные иностранные компании не распределяют прибыль российскому акционеру, ведут пассивные операции и не облагаются налогами. Кроме того, Минфином предложено введение института резидентства в отношении компаний, работающих в России, но зарегистрированных за границей. Это позволит взимать с таких компаний российские налоги. В настоящее время юридические лица подлежат налогооб-

ложению в России фактически по месту своей регистрации, а институт налогового резидентства на практике применяется исключительно к физическим лицам. Введение принципа налогового резидентства компаний по месту их эффективного управления позволит признавать иностранные компании, место управления которых расположено в России, российскими налогоплательщиками налога на прибыль.

Характеризуя названные инициативы Министерства финансов РФ, следует отметить, что они согласуются с общемировой тенденцией по усилению мер регуляторов, направленных на ограничение возможностей для вывода средств компаний из-под налогообложения с использованием оффшорных схем. Так, весомые заявления о необходимости борьбы с размыванием налоговой базы и переводом прибыли были сделаны на Форуме «Двадцатки» в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 г. [5, с. 5]. Безусловно, борьба с незаконным выводом капитала из страны и повышение прозрачности деятельности российских компаний отвечают интересам обеспечения национальной экономической безопасности. Вместе с тем появление в российском законодательстве дополнительного мощного инструмента давления на бизнес со стороны налоговых органов может привести к ряду негативных последствий. Избирательный подход в применении «антиоффшорного» законодательства может поставить под удар добросовестных участников хозяйственной деятельности и только усилит негативные тенденции, связанные с оттоком капитала и ухудшением инвестиционного климата в стране. Так или иначе, российский бизнес сталкивается с необходимостью внесения существенных корректировок в налоговое планирование. От менеджмента российских компаний потребуются более внимательный подход к структурированию трансграничных сделок и бизнеса как такового.

Вместе с тем, как показывают результаты исследования аудиторской компании «Эрнст энд Янг», качество налогового планирования в российских компаниях существенно отстает от международных стандартов. Результаты проведенного опроса показали, что российские компании уделяют значительно меньше времени налоговому планированию в своей повседневной деятельности (в среднем 10%) по сравнению с компаниями в мире (например, 20% для респондентов из стран БРИК). Другой проблемой для российских компаний является внутрикорпоративная коммуникация по налоговым вопросам. Лишь 24% российских респондентов отметили, что регулярно отчитываются перед советом директоров или комитетом по аудиту по налоговым вопросам (45% в странах БРИК) [6].

Различия в понимании налогового риска и его факторов российскими и международными компаниями объясняются разными стадиями развития налогового законодательства и практики налогового администрирования в Российской Федерации и странах, в которых налоговое законодательство и принципы налогового администрирования эволюционировали на протяжении длительного периода. В ряде стран на законодательном уровне установлены обязательства компаний о наличии эффективной формализованной системы внутрен-

него контроля. Например, в соответствии с законом Сарбейнса – Оксли наличие такой системы обязательно для компаний, акции которых торгуются на фондовых биржах США. В Голландии наличие формализованной системы внутреннего контроля, подтвержденной независимым аудитором, является основанием для освобождения компании от налоговой проверки [7, с. 12]. Наблюдаемые же тенденции в российской экономике: перспективы возрастания налоговой нагрузки на бизнес, усиление налоговых рисков, связанное с применением «антиоффшорного» законодательства, ухудшение экономической конъюнктуры – требуют вывода функции налогового планирования в российских компаниях на качественно новый уровень.

В целях минимизации налоговых рисков российских компаний необходимы следующие меры: мероприятия по повышению квалификации работников (проведение внутренних и внешних обучающих программ, приобретение специализированной литературы и др.); мониторинг всех контрольных процедур на уровне структурных подразделений предприятия и разработка внутренних нормативных документов, регламентирующих порядок исчисления и уплаты налогов всеми структурными подразделениями. Кроме этого, требуется применение либо обновление программного обеспечения, реализация мероприятий по повышению эффективности информационной системы; проведение контрольных процедур (внутренний аудит, ревизия и др.); мониторинг налогового законодательства, анализ нововведений с точки зрения их влияния на деятельность предприятия.

Системная реализация обозначенных мер предполагает наличие в компании специализированного структурного подразделения, в сферу ответственности которого входят: оптимизация налоговой нагрузки компании (на основе законных методов отраженных в официальных документах компании); снижение налоговых и репутационных рисков; повышение эффективности взаимодействия с внешними регуляторами (налоговые инспекции), инвесторами компании и др. Системный подход к налоговому планированию позволяет совместить интересы хозяйствующего субъекта, государства и общества в целом (рисунок).

Объединение целей государства, компаний и общества при реализации системного подхода к налоговому планированию

Таким образом, в современных условиях российский корпоративный сектор сталкивается с ростом налоговых рисков, что обуславливает объективную необходимость для российских компаний в повышении качества налогового планирования на основе реализации системного подхода (создание специализированной налоговой службы в структуре компании, разработка налоговой стратегии компании). Реализация данного подхода позволит не только минимизировать налоговые и репутационные риски компаний, но и обеспечить баланс интересов государства (формирование стабильной налоговой базы), бизнеса и общества (создание условий для роста деловой активности, повышения уровня благосостояния).

Библиографический список

1. Комментарии о государстве и бизнесе. Перспективы увеличения налоговой нагрузки в России / под ред. С.В. Алексащенко. 12–25 июля 2014 г. URL: http://www.hse.ru/data/2014/07/29/1311382173/KGB_74f.pdf
2. Corporate income tax – a global analysis // PricewaterhouseCoopers (PwC) analytical report. URL: http://www.pwc.com/en_GX/gx/paying-taxes/pdf/pwc-corporate-income-tax-report.pdf
3. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов: [официальный сайт Министерства финансов РФ]. URL: http://www.minfin.ru/common/upload/library/2014/07/main/ONBP_2015-2017.pdf
4. Налоговые льготы для резидентов особых экономических зон: [официальный сайт Министерства экономического развития РФ]. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez/preferences/taxconcession>
5. Антиоффшорная налоговая политика государства набирает обороты // Эрнст энд Янг: информ. бюл. 2013. 23 дек. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-Tax-Alert-23-December-2013-Rus/\\$FILE/EY-Tax-Alert-23-December-2013-Rus.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-Tax-Alert-23-December-2013-Rus/$FILE/EY-Tax-Alert-23-December-2013-Rus.pdf)
6. Исследование вопросов налогообложения в России за 2008 год: аналит. отчет компании «Эрнст энд Янг». URL: http://www.okhta.com/content/data/store/images/f_31_18_1.pdf
7. Горихова Н.А. Методы управления налоговыми рисками хозяйствующих субъектов // Аудит и финансы. 2009. № 6. С. 10–15.

**E.V. Limonova
Scientific Approaches
to the Development
of Human Resources
Management
in the Banking Sector**

The various scientific approaches to the development of human resource management in the banking sector are considered. The application of the systematic approach in the sphere is grounded. The specifics, characteristics and properties of the system, as well as the need for its constant upgrading and improving are revealed.

Key words and word-combinations: personnel management, bank staff, systematic approach, modernization.

Рассматриваются различные научные подходы к развитию системы управления персоналом в банковской сфере. Обосновывается применение системного подхода в данной области. Раскрываются специфика, особенности и свойства изучаемой системы, а также необходимость ее постоянной модернизации и совершенствования.

Ключевые слова и словосочетания: управление персоналом, банковский персонал, системный подход, модернизация.

УДК 331.108:336.7
ББК 60.823.3+65.262

Е.В. Лимонова

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

В современных условиях трудно переоценить значение человеческого капитала в развитии банковского сектора экономики. Эффективная организация работы с кадрами в коммерческом банке служит основой успеха банковского бизнеса. В связи с этим большое внимание в настоящее время уделяется развитию системы управления персоналом в банковской сфере. Однако управление кадрами в данной области претерпело большие изменения в ходе эволюции науки управления персоналом. Анализ источников позволил определить несколько научных подходов к феномену управления персоналом, с формированием которых менялось и представление об управлении персоналом в банковской сфере. Исторически сложилось узкое и широкое толкования термина «управление персоналом» в рамках определенных подходов, так как одни исследователи брали за основу экономические признаки этой категории, казавшиеся им главными, другие пытались синтезировать определения и объединить все экономические характеристики.

Первая группа дефиниций связана с осуществлением процесса управления рабочей силой – деятельностной функцией руководителя. Представителями деятельностного подхода являются В.Н. Фендосеев, Т.И. Овчинникова, Дж. Ивашкевич. Наиболее полное управление персоналом в рамках деятельностного подхода определяет Дж. Ивашкевич, он трактует управление персоналом как

выполняемую на предприятиях деятельность, способствующую наиболее эффективно использованию работников для достижения организационных и личных целей. Т.И. Овчинникова называла управление персоналом социально-организационной деятельностью, в которой возможны варианты изменения объекта управления (в данном случае работника): в зависимости от способности объекта к перестройке (целеполагание), от наличия механизма (инструментария), нормы и перенормирования [1]. Эффективность управления персоналом определяется степенью и сроками выполнения поставленных задач. Несмотря на полноту определения, в банковской сфере деятельностный подход уязвим для критики ввиду ограниченности рассмотрения феномена управления персоналом через призму деятельности. Применение деятельностного подхода в банковской сфере может превратить работника в пассивный объект воздействия руководителя, а не в активного субъекта банковской деятельности. Следовательно, процесс организации управления персоналом в банковской сфере в рамках деятельностного подхода не представляется целесообразным.

Другая группа определений управления персоналом связана с реализацией функционального (процессного) управления работниками. Представителями процессного подхода являются А.Я. Кибанов, С.Н. Апенько. А.Я. Кибанов пишет, что управление персоналом представляет собой процесс формирования и направления мотивационных установок работника в соответствии со стоящими перед организацией задачами [2]. С.Н. Апенько определяет процессный подход в управлении персоналом как логическую последовательность протяженных во времени технологий (отбор персонала, адаптация, оценка, обучение), связанных с реализацией задач системы управления персоналом в организационной структуре предприятия, приводящих к последовательной смене промежуточных состояний как самого персонала, так и системы управления им, преобразовывающих входные ресурсы в конечный продукт для потребителя на выходе [3]. Применительно к банковской сфере процессный подход в управлении персоналом часто рассматривается внутри системы сбалансированных показателей (ССП). В системе сбалансированных показателей банка выделяются четыре проекции: управление персоналом, бизнес-процессы, клиентоориентированность и банковский капитал. Организация процесса управления персоналом обеспечивает эффективную работу бизнес-процессов по удержанию и привлечению клиентов, увеличивая стоимость капитала банка. Представляется возможным также проследить обратную последовательность воздействия проекций. Использование СПП позволяет рассмотреть управление персоналом как процесс организации кадровой политики для достижения стратегических целей банка. Применение процессного подхода в банковской сфере актуально ввиду его простоты и комплексности.

Другими исследователями была предложена трактовка управления персоналом, делающая акцент на возможности осуществления коммуникационной функции, то есть реализация процесса взаимодействия сотрудников внутри коллектива и внешней средой как высококвалифицированных, готовых к изменениям и инициативных личностей. Данный подход следует именовать коммуникационным. Применение коммуникационного подхода в банковской сфере

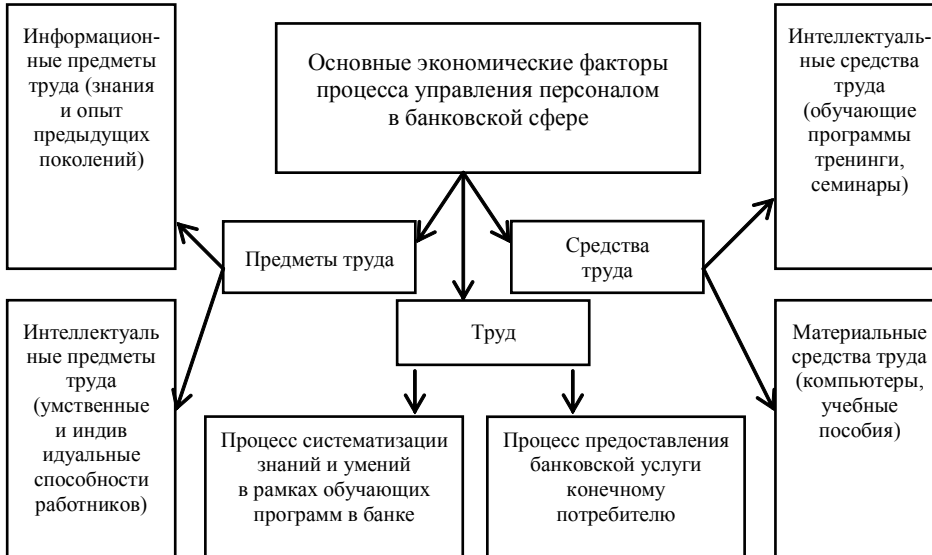
актуально ввиду ситуации на мировом финансовом рынке. Риск введения санкций Запада против российских банков вызывает мобилизацию кадрового потенциала, которая проявляется как воспитание гибкости и готовности к нововведениям через проведение тренингов, семинаров, программ обучения, для своевременной реакции на изменения внешней среды и повышения конкурентоспособности банка. Таким образом, управление персоналом в банковской сфере можно дополнить некоторыми особенностями по организации работы с кадрами в рамках коммуникационного подхода.

Помимо названных «узких» определений управления персоналом, развивалась и другая традиция толкования этого термина, стремящаяся объединить все возможные признаки явления, синтезировав некое комплексное понятие. Стремление к широким, обобщающим дефинициям стало, в частности, отличительной чертой российского управления персоналом, на что обращают внимание С.П. Дырин, А.В. Лихачев. Они считают, что управление персоналом необходимо рассматривать в рамках системного подхода. По мнению А.В. Лихачева, управление персоналом – это «система, которая включает в себя организационные, экономические и социальные меры воздействия на формирование качественных и количественных характеристик трудовых ресурсов организации для повышения экономической и социальной эффективности ее деятельности» [4]. Системный подход наиболее популярен для исследования управления персоналом в банковской сфере, чем деятельностный, процессный и коммуникационный, ввиду того что в его рамках возможно рассматривать управление персоналом, с одной стороны, как самостоятельную структуру, а с другой – как подсистему в общем управлении банком, что позволяет комплексно изучить систему управления персоналом. Дальнейшие рассуждения о некоторых особенностях развития управления персоналом в банке, на наш взгляд, целесообразнее строить в рамках системного подхода.

Известно, что банковская сфера во все времена отличалась наличием высокой конкуренции. Сегодня фактор конкурентоспособности банковских структур в развитии системы управления персоналом также актуален ввиду нависшей угрозы введения санкций западных и американских банков в отношении российских. В связи с вероятностью прекращения функционирования иностранных банков на территории России и оттоком капитала за рубеж, российский банковский сектор может стать более привлекательным в глазах большего числа клиентов. Усиление конкуренции между российскими банковскими структурами за привлечение и удержание новых клиентов (клиентов, впервые обратившихся в банк, и бывших клиентов иностранных банков) будет обуславливать потребность в увеличении мобильности кадров, повышении профессиональных компетенций, интенсификации ответственности труда. Большую роль в развитии системы управления персоналом играет понимание специфики труда персонала, позволяющее знать, какие аспекты деятельности сотрудников и зачем подвергать корректировке.

Общеизвестно, что в экономике каждого государства производство материальных благ зависит в первую очередь от количества и качества применяемых в

этой сфере экономических системообразующих факторов: предметов труда, труда и средств труда [5]. Раскрыв сущность данных системообразующих факторов в банковской сфере, можно понять, в чем заключается специфика труда банковского персонала. Структура основных системообразующих экономических факторов управления персоналом в банковской сфере отражена в графически формализованной модели на рисунке.

Структура основных системообразующих экономических факторов управления персоналом в банковской сфере

Приведенные системообразующие факторы достаточно полно раскрывают особенности развития системы управления персоналом в банковской сфере. Предметами труда в ней являются опыт и знания, накопленные предыдущими поколениями ученых и практиков-управленцев, а также непосредственно способности работников, их навыки, опыт, индивидуальные и умственные способности, гибкость и обучаемость сотрудников, которые составляют специфику банковской деятельности по управлению персоналом. Предметы труда – основа любого производства банковских услуг с помощью средств труда [6]. В банковской сфере к средствам труда относятся обучающие программы, семинары и тренинги, проводящиеся внутри коллектива (их можно назвать интеллектуальные средства труда), а также материальные факторы – компьютеры, пособия, брошюры и т.д. К третьему системообразующему фактору относится сам труд банковского работника. Трудовая деятельность банковского работника условно разделена на два направления: первое – процесс систематизации новых знаний и умений, полученных в процессе обучения, и второе – непосредственное предоставление банковской услуги конечному потребителю и установление с ним эффективного сотрудничества.

Кроме того, существует дополнительный набор специфических свойств системы управления персоналом в банковской сфере: 1) системность, которая свидетельствует о необходимости рассмотрения банка как единого организма, состоящего из взаимосвязанных элементов; 2) многоаспектность, указывающая на наличие у каждого элемента (работника) системы управления персоналом собственного индивидуального и умственного развития; 3) структурированность, предполагающая наличие иерархического подчинения элементов системы единому общему принципу функционирования; 4) адаптивность, когда банк может быстро реагировать на изменения во внешней среде и перестраивать существующую систему управления персоналом; 5) конфиденциальность, составляющая особенность работы банковской сферы; 6) коммуникативность, которая помогает наладить связи с общественностью, государственными органами власти, а самое главное, установить длительное плодотворное сотрудничество с клиентами банка. Специфические черты системы управления персоналом в банковской сфере заключаются не в названии свойства, а в его содержании. Отдельное место занимает в системе управления персоналом в банковской сфере высокая динамичность. Она включает в себя функции по управлению персоналом на различных этапах жизненного цикла банка. Динамическая составляющая является практической, так как здесь применяется собственный теоретический опыт по управлению персоналом или заимствуется практика других российских или зарубежных банков для решения возникающих проблем.

Различные научные подходы к развитию системы управления персоналом в банковской сфере делают акцент на отдельных компонентах этого феномена. Особое место среди рассмотренных научных подходов занимает системный, поскольку является наиболее комплексным и практичным в отношении управления персоналом в банковской сфере по сравнению с деятельностным, процессным и коммуникационным. Приоритетное использование системного подхода к развитию системы управления персоналом имеет особую актуальность, ввиду того что с его помощью выявляется структура системообразующих факторов, которая важна для определения специфики работы банковского персонала и нахождения путей по усовершенствованию системы управления персоналом в целом.

Библиографический список

1. *Овчинникова Т.И.* Исследование функционального и деятельностного инструментов персонал-стратегии // *Кадры предприятия.* 2003. № 6. С. 35
2. *Управление персоналом организации: учебник.* 4-е изд., доп. и перераб. / под ред. А.Я. Кибанова. М., 2010. (Высшее образование).
3. *Апенько С.Н.* Разработка проекта внедрения процессного подхода к управлению персоналом // *Вестник Омск. ун-та. Сер.: Экономика.* 2011. № 1.
4. *Лихачев А.В.* Управление персоналом: генезис и эволюция теоретических подходов // *Экономика и социум: современные модели развития.* 2012. № 3.
5. *Трофимцев И.Ю.* Современные проблемы и тенденции развития банковского бизнеса как предпосылка активизации инновационной деятельности коммерческих банков // *Вестник Сев.-Вост. ун-та им. М.К. Аммова.* 2013. № 2.
6. *Гукасьян Г.М.* *Экономическая теория.* 2-е изд. СПб., 2007.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

O.Yu. Abakumov
International Scientific
and Practical Conference
“Russia – Germany:
the Experience of War and Peace
(to the 100th Anniversary
of the Outbreak of World War II)”
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration,
October 13–17, 2014)

О.Ю. Абакумов

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**«РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ:
ОПЫТ ВОЙНЫ И МИРА
(К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)»**

**(г. Саратов, Поволжский
институт управления
имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
13–17 октября 2014 г.)**

В Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина 13 октября 2014 г. в рамках проекта «Дни Германии в Саратове – 2014» состоялось открытие международной научно-практической конференции «Россия – Германия: уроки войны и мира», посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. Организаторами мероприятия наряду с институтом выступили министерство культуры Саратовской области, комитет общественных связей и национальной политики области, а также Посольство ФРГ в России. Открывая конференцию, директор Поволжс-

кого института управления кандидат социологических наук, доцент В.Л. Чепляев отметил, что отношения России и Германии определяют вектор европейского развития на протяжении многих десятилетий. От сотрудничества и партнерства наших стран зависит экономический рост государств Европы, благополучие граждан, стабильность и культурное взаимообогащение. Сегодня важно снова проанализировать опыт межгосударственных отношений, особенно его конфликтных стадий, найти пути преодоления разногласий и совместными усилиями обеспечить мирное и поступательное движение. По мнению сотрудника Германской службы академических обменов доктора М. Криспина, особая роль в развитии культурного, образовательного диалога отводится молодежи. При этом внимание было акцентировано на программах международного сотрудничества, предлагаемых его организацией.

Доклад доктора экономических наук, профессора Поволжского института управления, министра области – председателя комитета общественных связей и национальной политики Правительства Саратовской области Б.Л. Шинчука был посвящен подвигу саратовцев – участников Первой мировой войны. В начале выступления министр процитировал слова Президента РФ В.В. Путина: «Люди, которые отдали жизни за интересы России, не должны быть забыты». Россия оказалась в парадоксальной ситуации, проиграв войну проигравшей стороне. Начавшийся после разрушительный социальный эксперимент большевиков сопровождался отрицанием прежних ценностей, традиций; героизм защитников российской земли воспринимался как действия в поддержку ненавистного царского режима. О героях мировой войны в советской России и Советском Союзе было не принято говорить, в то время как в европейских государствах эта война была мемориализована, а герои чтимы. Выступающий подчеркнул, что недостатки и просчеты мирного урегулирования после первого мирового конфликта во многом предопределили события Второй мировой войны. Первая мировая война изменила привычки и нравы людей, сделала их терпимее к государственным формам насилия и посеяла зерна будущих международных конфликтов, проросшие кровавыми столкновениями уже в наше время.

В этом докладе отмечено, что, несмотря на большое удаление от фронта, Саратов не остался в стороне от военных событий. За годы войны в армию призвали почти половину трудоспособных мужчин губернии. Наш город стал главной базой формирования запасных воинских частей, где размещалось более 150 тыс. офицеров и нижних чинов. На территории нынешней Саратовской области за годы войны было сформировано более тридцати лазаретов и госпиталей. Среди наших земляков немало Георгиевских кавалеров. Предложено установить памятник защитникам Отечества в Первой мировой войне в Саратове: «Памятник необходим, чтобы и будущие поколения уважали историю своего Отечества, знали и помнили. Память о людях, отдавших жизнь за свою Родину должна жить».

О неоднозначном контексте российско-германских отношений говорил доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления А.В. Посадский. Образы России и Германии в общественном сознании народов двух стран менялись: это и привлекательный, и негативный варианты образа другого.

Мощное присутствие в культуре и истории имперской России германской культуры было очевидным, но это могло по-разному интерпретироваться. Соответственно, на разных этапах взаимодействия, при различных политических конфигурациях актуализировались разные паттерны взаимного восприятия. Если в первой половине XIX в. популярным было представление о «засилье» немцев в военных кругах и административном аппарате империи, то во второй половине того же столетия более явным стало славянофильское понимание противоборства «германизма» и «славянства». Немец выступал как ученый, часто – учитель для русских, а Германия – как источник философских знаний и многих технических умений. Еще один вариант прочтения темы – соображение о ментальном несовпадении больших, но весьма разных народов, отсюда – идея «внутреннего немца», богато представленная русской литературой. Докладчик отметил, что Первая мировая война, естественно, вызвала к жизни негативную, «вражескую» матрицу прочтения Германии: для властных структур Германия – агрессор, нарушивший международное право, для радикальной оппозиции – квинтэссенция воинствующего мирового империализма. Русская, а затем и германская революции создали новые конфигурации и заложили ряды образов на будущее для обеих стран, уже под иными флагами.

Неожиданным могло показаться заявленное в программе выступление «Правдивая история Великой войны» учащегося 11-го класса средней общеобразовательной школы пос. Дубки В.А. Горбенко. Научными руководителями доклада стали учителя литературы и изобразительного искусства Т.Ю. Шахбазова и Е.П. Спивак. Раскрывая тезис о том, что художник является связующим звеном между человеком и историей, помогая воочию увидеть и понять суть происходящего, выступающий обратился к творчеству военных художников-графиков. Произведения И.А. Владимирова, Н.С. Самокиша, С.С. Соломки, А.С. Ковыкова, Д. Шевченко, А.Ю. Аверьянова и многих других подтолкнули его к идее проиллюстрировать роман М. Осоргина «Сивцев вражек». Философско-эпический характер повествования, сочетание социальной и природной картин мира, живой, ироничный, искусственно наивный стиль повествования открывали большие возможности графического воплощения смысловых конструкций автора книги. Итогом художественного осмысления темы Первой мировой войны стало предложение В.А. Горбенко об установлении памятника саратовцам – участникам Великой войны. Эскиз памятного знака юный художник представил губернатору Саратовской области В.В. Радаеву и получил поддержку своего начинания.

Большой интерес у участников конференции вызвал доклад профессора Анке Гизен из Университета Отто-фон-Герике г. Магдебурга «Победа и поражение, гордость, позор и стыд в культуре воспоминаний и национального самосознания русских и немцев». Высказав мнение о том, что большой отпечаток на самосознание нации, национальное чувство и культуру воспоминаний граждан накладывают как победы, так и поражения в истории страны, А. Гизен показала, что после многовекового опыта успешного, конструктивного сотрудничества в торговле, ремеслах, науке и культуре, а также политических брачных союзов, с началом войны в 1914 г. в отношениях России и Германии произошел траги-

ческий поворот. С тех пор самосознание, национальное чувство и культура памяти были неразрывно связаны с опытом побед и поражений наших стран и с такими чувствами, как гордость, позор и стыд. То, что это длится до сих пор, подтверждают трагические события современности, когда европейские границы и государственная принадлежность снова ставятся под вопрос: Германия как член Европейского Союза и Россия расходятся врозь по пути дальнейшей эскалации взаимных санкций. В заключении доклада А. Гизен отметила особую роль истории. Она высказала убеждение, что именно сила воспоминаний, к сожалению, ссорит наши страны. Однако трагическое столкновение, которое возникало между двумя странами в последнее столетие, может разрешиться, когда наша память станет диалогичной: когда все голоса, все рассказы будут взаимно услышаны и признаны – голоса тех, кто гордится своей победой, голоса тех, кто страдает от позора своего поражения, и прежде всего молчание тех, кто просто стыдится случившегося. Тогда мы вместе сможем извлечь уроки из нашей истории.

Тему ответственности профессиональных историков продолжил профессор Клаус Бухенау из Университета г. Регенсбург. С открытием феномена коллективной памяти историкам стало ясно, что непросто создать солидарный мир между группами, нациями, государствами, которые одно и то же событие помнят совершенно по-разному. По мнению К. Бухенау, историю нужно рассказывать так, чтобы учитывать не только свои интересы и обиды, но и интересы и обиды других. Официальная историография, которая представлена как служительница собственных национальных интересов или же строитель новой компактной нации, не может тут помочь ничем. Историк, получающий приказания преимущественно от политиков, в итоге не сможет сыграть положительную роль, принять на себя функции примирителя. Настоящий историк-миротворец может расти только в условиях институциональной свободы, которая включает в себя достойное финансирование исследований, творческие командировки, постижение современной методологии исследований и возможность знакомства с мировыми научными центрами. Отвечая на традиционный русский вопрос «Что делать?», докладчик отметил, что в нынешней напряженной международной ситуации есть опасность презентирования картин «о вечной вражде» между Россией и Западом с обеих сторон, поэтому необходимо сохранять «холодную голову» и продолжать сотрудничать. Нужно работать над тем, чтобы историки ощущали себя не слугами власти, а частью мирового сотрудничества коллег, которые работают над похожими проблемами. Историография, как и вся гуманитарная наука, – часть цивилизованного гражданского общества, а не державной надстройки. Если историки себя таковыми почувствуют, то они будут стремиться сохранить контакты даже во время сильнейших межгосударственных кризисов, что, конечно, не предполагает исчезновения разногласий между историками.

В завершении пленарного заседания участникам конференции была представлена книга ведущего специалиста отдела приема иностранных делегаций Бундестага Карин Феликс «Когда история оживает».

Далее работа конференции продолжилась в пяти секциях: «Уроки Первой мировой войны спустя столетие», «Культурное и образовательное взаимодействие: традиции и современность», «Политический дискурс российских и немецких политиков», «Повышение эффективности государственного и муниципального управления: опыт России и Германии», «Экономическое сотрудничество между Россией и Германией как основа партнерского взаимодействия». С докладами на конференции выступили более семидесяти ученых из Саратова, Москвы, Липецка и других городов. Студенты Поволжского института управления, обучающиеся по направлению подготовки «Зарубежное регионоведение», и студенты Университета г. Людвигсбурга, участвовавшие в мероприятиях проекта «Дни Германии в Саратове – 2014», встретились на круглом столе «Восприятие образов России и Германии в молодежной среде», где проходило обсуждение распространенных стереотипов, ментальных клише и тиражируемых средствами массовой информации фобий.

Состоявшаяся конференция стала еще одним примером конструктивного российско-немецкого диалога и поиска путей взаимодействия в экономике, образовании и культуре.

Yu.K. Usynin
Book Review: *Chernyshkina N.Ya.*
To the Youth about Historical
Lessons of Patriotism
and Citizenship. – Saratov:
Nauchnaya kniga, 2014. – 416 pp.

Ю.К. Усынин

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Чернышкина Н.Я.

Молодежи

об исторических

уроках патриотизма

и гражданственности. –

Саратов: Научная книга,

2014. – 416 с.

Построение сильного демократического общества и государства невозможно без культивирования гражданской культуры, готовности людей работать на благо своей страны и своих сограждан. Особенно важно, чтобы гражданской ответственностью обладали молодые граждане. Классики отечественной общественной науки, например И.С. Кон, В.Т. Лисовский, справедливо отмечали, что

молодежь – всегда наиболее активная часть общества, на которой лежит ответственность за «обновление его собой», за построение социально-экономического, демографического, политического и, конечно же, культурного будущего. Практика последних десятилетий убедительно доказывает, что в быстро меняющемся мире стратегические преимущества получают государства, способные развивать и эффективно использовать инновационный потенциал молодежи. Вопрос ценностной ориентации молодых граждан является жизненно важным для сохранения целостности общества, государства и культуры. Поэтому актуальность проблематики, выбранной автором книги, не вызывает сомнений.

Разумеется, такие вопросы, как патриотизм, гражданственность и «национальное строительство» в России, остаются весьма запутанными. Идентичности «русского человека», «патриота», «гражданина» во многом остаются дискурсивно зависимыми, и каждый молодой россиянин примеряет их на себя по-своему. Для того чтобы в действительности проникнуть в сущность этих понятий, требуется, по всей видимости, глубокий теоретико-методологический подход и массивный эмпирический материал.

Рецензируемое издание имеет внятную, логически прослеживаемую структуру. Примечательно, что прежде чем рассматривать феномены патриотизма и гражданственности применительно к российскому обществу в прошлом и настоящем, автор подводит последовательную объяснительную базу, стремится охарактеризовать рассматриваемые явления с точки зрения исторического процесса. Речь идет не о социологическом и политологическом анализе, но о глубокой историографической интерпретации сквозь призму поиска общего вектора русского патриотизма. В качестве точки отсчета выбран античный период, и это не случайно: именно с античным наследием во многом связаны истоки древнерусской культуры, самой русской государственности. Во второй главе «Патриотизм и гражданская ответственность народа – прочный фундамент России», которая является в книге, пожалуй, центральной, проводится обзор практически всей отечественной истории, цель которого – показать генезис русской государственности, гражданственности и патриотизма, преемственность эпох, несмотря на серьезные, подчас радикальные различия в общественной, политической и культурной жизни.

В следующих двух главах представлен анализ таких непростых тем, как период правления Ивана Грозного и Смутное время. Автору удалось убедительно показать, что, несмотря на неоднозначное отношение современных историков к событиям тех дней, и эти периоды российской истории содержат достойные нравственные и духовные примеры. Отдельная глава посвящена эпохе правления Российской империей Елизаветы Петровны, без упоминания успехов которой – в науке, дипломатии, в защите и укреплении Русского государства – историческая картина не могла являться законченной.

Готовность защищать свое Отечество с оружием в руках – неотъемлемое качество истинного гражданина и патриота. Вместе с тем потенциальная милитаризация патриотизма является серьезным риском. Так, советская идеология сегодня нередко критикуется за использование идеологемы враждебного западного империализма в качестве фактора патриотической мобилизации. Действи-

тельно, такой способ пробуждения патриотических чувств представляется, пожалуй, наиболее простым и действенным. Автор, однако, стремится противостоять этому соблазну, постоянно напоминая о патриотических делах народа, достижениях, связанных с мирным развитием страны, что несомненно, становится серьезным плюсом издания. Именно этому аспекту полностью посвящены пятая и шестая главы.

Книга логично завершается вдумчивым анализом современных событий, где они рассматриваются в контексте общего исторического процесса. Подчеркивается, что патриотизм и гражданская ответственность не являются априорно данными свойствами. Их необходимо конструировать и развивать, и государство обязано играть в этом важную роль, терпеливо направляя деятельность всех социальных институтов, все гражданское общество на патриотическое и гражданское воспитание подрастающего поколения.

Книга написана живым, доступным литературным языком. Автор демонстрирует широкие энциклопедические познания, прекрасное знание отечественной и мировой истории, высокую степень академической культуры. Текст насыщен многочисленными цитатами и отсылками как к известным изданиям, так и к узкопрофильным историческим материалам. В книге широко и умело используются произведения художественной литературы, которые помогают оказывать глубокое эмоциональное воздействие на читателей.

В условиях сегодняшней политической реальности совершенно ясно, что гражданственность и патриотизм далеко не всегда выступают в качестве взаимодополняющих понятий. Патриотизм подразумевает верность своей стране, однако де-факто он нередко трактуется в рамках лояльности государству. Важно понимать: институты гражданского общества в нашей стране, в отличие от западных демократий, формировались и формируются не как противовес государству, а как связующее звено между государством и гражданами. Постсоветский период ознаменован значительным усилением западных ценностей в российском политическом и культурном пространстве, что затронуло и концепцию гражданского общества. Крушение Советского Союза вызвало не только социальные и экономические проблемы, но и серьезный кризис национальной, культурной идентичности. Верность стране, тесно связанная с лояльностью по отношению к государству, у многих россиян столкнулась с серьезными испытаниями по мере того, как правительство стремительно дискредитировало себя в глазах населения. Колоссальные социально-экономические проблемы, кровавая и едва ли успешная Чеченская война, сомнительная экономическая политика, а затем и дефолт вкупе с незаполненным после утери советской идентичности мировоззренческим вакуумом вызвали небывалый кризис доверия к правительству и государству. Отчасти именно благодаря советской традиции гражданственности отношение к власти экстраполировалось на отношение к стране.

Именно на волне постперестроечного скептицизма укрепился альтернативный дискурс по отношению к патриотизму, в котором он отрицался как дешевый популистский конструкт. Свою лепту внесло усиление националистических движений, окончательно девальвировавших понятие патриотизма и искаживших его семантику в пользу медийных стереотипов. В результате на сегодняш-

ний день мы имеем дело как минимум с двумя диаметрально противоположными дискурсами, затрагивающими патриотизм и гражданственность. Для государственного позитивного подхода гражданственность и патриотизм являются важнейшими скрепами многонационального российского общества. Автор подчеркивает (с. 92, 406, 407, 412–416), что сформированное патриотическое и гражданское сознание дает человеку возможность оценивать социальные явления и процессы, свои поступки, поведение с позиций интересов и пользы для общества и государства. Для оппозиционной риторики характерна критика «традиционного» патриотизма, пренебрежительное отношение к согражданам, демонстрирующим солидарность с государством. Оппозиционная риторика в отношении воссоединения Крыма с Россией – яркий тому пример.

Освобождение общественных (исторических, политических, социальных) наук от тотального контроля государства имело неоднозначные последствия. С одной стороны, был открыт простор для новых концепций, появилась возможность рассматривать колоссальный объем зарубежных наработок и теорий без критического ярлыка «буржуазных» и заведомо ошибочных. Однако плюрализм мнений в отношении к историческому процессу был не единственным следствием такого процесса. Энтузиазм некоторых исследователей в радикальном пересмотре исторического наследия, подкрепленный усилиями западных НКО, имел по-настоящему опасные последствия для российской культуры, и в частности для российского образования (достаточно вспомнить печально известный учебник по новой истории за авторством А.А. Кредера). Сегодняшние события в мире непосредственно на постсоветском пространстве убедительно показывают, насколько опасным может быть старательное «переписывание истории», зачастую в угоду интересам некоторых западных государств и организаций.

Проблема неоднозначной идентичности российского человека крайне важна, хотя и не рассматривается в работе напрямую. На протяжении только XX в. наша страна как минимум дважды сталкивалась с радикальным пересмотром собственного прошлого: после революции 1917 г., затем после распада СССР. В обоих случаях история переписывалась, прошлые достижения если не аннулировались, то, по крайней мере, существенно принижались. Целью было культурное и политическое укрепление существующего строя, однако последствиями – и весьма тяжелыми – стало неоднозначное, амбивалентное отношение к истории собственного народа.

В связи с этим издание Н.Я. Чернышкиной несет в себе не столько теоретико-методологический, сколько общественно-просветительский посыл и большое воспитательное значение. Знание и интерес к собственной истории, возможность черпать в ней примеры патриотизма, гражданской ответственности, нравственности, верности и самоотверженности, независимо от нынешней политической конъюнктуры, – таков, в сущности, лейтмотив представленной книги. В современных условиях, с учетом жестких геополитических, социально-экономических и культурных вызовов, ценность этого посыла трудно переоценить. Книга будет полезна для всех категорий молодежи, преподавателей, воспитателей, родителей – всех, кто занимается обучением и воспитанием детей и молодежи, а также для государственных и муниципальных служащих.

We Present the Mathematics
and Statistics Chair of Stolypin
Volga Region Institute
of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
МАТЕМАТИКИ
И СТАТИСТИКИ
Поволжского института
управления
имени П.А. Столыпина –
филиала
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ**

Кафедра математики и статистики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина является преемницей одноименной кафедры Поволжской академии государственной службы, функционировавшей в этом качестве с 1992 г. под руководством кандидата физико-математических наук, доцента Г.М. Иванова. С сентября 2001 г. по настоящее время кафедрой руководит кандидат физико-математических наук, доцент В.А. Иванов. Научно-педагогический потенциал кафедры – это 12 штатных преподавателей, из которых восемь имеют ученые степени. Кроме того, в учебном процессе принимают участие в качестве совместителей высококвалифицированные профессора Саратовского государственного университета и Саратовского государственного технического университета.

Миссией кафедры математики и статистики является организация и обеспечение формирования знаний, умений и навыков в области математики и статистики, востребованных в профессиональной деятельности будущих специалистов и достаточных для ее реализации, а также развитие научно-исследовательской деятельности практической направленности, в том числе с целью использо-

---

вания ее результатов в учебном процессе. Кафедра математики и статистики является общеобразовательной и реализует преподавание учебных дисциплин, формирующих навыки количественной и качественной оценки состояний социальных и экономических систем на основе статистических наблюдений, а также навыки разработки и принятия управленческих решений в условиях риска и неопределенности. Эти навыки необходимы для квалифицированного специалиста в области управления социально-экономическими системами и складываются в результате изучения ряда учебных дисциплин, среди которых особо выделяются такие, как «Статистические методы анализа», «Модели принятия решений», «Математические модели управления». Для обеспечения возможности изучения специальных дисциплин студентам 1–2 курсов преподаются общеобразовательные дисциплины, среди них важнейшие – «Основы математического анализа», «Линейная алгебра и аналитическая геометрия», «Дискретная математика и основы математической логики», «Теория вероятностей и математическая статистика».

Обучение всех форм и уровней осуществляется с использованием современных методических средств и технологий. Преподаватели творчески работают над созданием материалов для методического сопровождения учебного процесса. В ряду учебных пособий, подготовленных преподавателями кафедры, три имеют грифы различных учебно-методических объединений. Разрабатываются материалы для дистанционной системы обучения. Значительный вклад внесен в разработку контрольно-измерительных материалов для интернет-тестирования в рамках Федерального интернет-экзамена в сфере профессионального образования по заказу федерального агентства. Кроме основных учебных занятий в рамках рабочих учебных программ преподаватели кафедры проводят также дополнительные занятия с целью адаптации студентов младших курсов к системе вузовского обучения.

Научно-исследовательская работа кафедры проводится по нескольким направлениям, основные – это математическое моделирование рыночных социально-экономических процессов; математико-статистический анализ устойчивости социально-экономического развития территориальных образований. По первому направлению исследовательская задача состоит в развитии полуэмпирической теории рынка, строящейся на основе аналитических методов, дополненных расчетом параметров, отражающих реальную конъюнктуру рынка. Это направление разрабатывается кандидатом физико-математических наук Т.И. Солодкой с целью построения полуэмпирической теории рынка труда с законами спроса и предложения и методикой расчета равновесных характеристик данного рынка. В процессе исследований построена полуэмпирическая теория количественной взаимосвязи совокупного выпуска с безработицей и выполнен расчет равновесных характеристик отраслевого рынка труда пищевой промышленности Российской Федерации. Результаты исследований изложены в монографии «Полуэмпирические методы исследования и математическое моделирование социально-экономических процессов в условиях рынка», запланированной к изданию в 2014 г. Разрабатываемая теория в перспективе может найти применение при оперативном принятии оптимальных управленческих

решений на уровне как отдельного хозяйствующего субъекта, так и органов государственного управления экономикой.

По второму направлению исследовательской задачей является построение системы показателей развития территориальных образований региона и разработка методики их расчета на основе данных статистических регистраций. В этом направлении кандидатом экономических наук А.В. Мендель и кандидатом педагогических наук Н.П. Фадеевой создана и апробирована методика, позволяющая оценить уровень устойчивости социально-экономического развития территориального образования и дать этому развитию комплексную оценку с определением уровня устойчивости по специально разработанной шкале. Полученные и ожидаемые результаты могут быть применены для прогнозирования развития социально-экономического положения изучаемых объектов управления и выработки оптимальных планов их развития. В перспективе возможно построение математико-статистической модели социально-экономического развития территориальных образований. Работа по этому направлению проводилась в рамках внутреннего гранта «Интеграция России в ВТО: региональные проблемы и перспективы».

Преподаватели кафедры математики и статистики считают важным развитие в процессе обучения творческой инициативы студентов, формирование навыков научных исследований и представления их результатов. Под руководством преподавателей кафедры студенты ежегодно готовят выступления на научно-практических конференциях, участвуют в конкурсах научных работ, круглых столах, олимпиадах и других научных мероприятиях, имеющих целью вовлечение в исследовательскую работу. Под руководством доцента С.Я. Русанова постоянно работает научный кружок «Статистика фондового рынка». Ежегодно кафедра организует круглый стол, где кроме студентов и преподавателей кафедры принимают участие преподаватели аналогичных кафедр вузов г. Саратова, в том числе кафедры математической экономики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Преподаватели кафедры математики и статистики постоянно и целенаправленно совершенствуют арсенал своих навыков и методов учебной работы и научной деятельности, систематически повышая свою квалификацию на семинарах, стажировках, курсах, организуемых Поволжским институтом управления, а также в институте дополнительного профессионального образования Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

В.А. Иванов,

*кандидат физико-математических наук,
заведующий кафедрой математики и статистики
Поволжского института управления
имени П.А. Столыпина*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, начальник научно-организационного отдела Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: abakumovoy@mail.ru

Азизов Даврон Кахраманович – старший научный сотрудник, соискатель кафедры теории принятия решений Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан
e-mail: Davron.Azizov@gmail.com

Акаев Дмитрий Валерьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: d_akaev@mail.ru

Антонюк Екатерина Юрьевна – старший преподаватель кафедры английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: eyu_antonyuk@mail.ru

Вядро Михаил Александрович – аспирант Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: misha_vyadro@mail.ru

Гасанова Альвина Наримановна – аспирант кафедры теории права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: llandag@mail.ru

Гасилин Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: gasilin2005@yandex.ru

136   2014 ● ВЕСТНИК ПАГС

Горбачёв Михаил Валерьевич – кандидат политических наук, доцент института политики, права и экономики Саратовской государственной юридической академии
e-mail: ussr-86@mail.ru

Демидова Марина Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: demidovamv@rambler.ru

Зазаева Наталия Борисовна – доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: zazaeva@mail.ru

Иванов Вячеслав Алексеевич – кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой математики и статистики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafmathematics@piuis.ru

Иванов Сергей Сергеевич – доктор политических наук, старший научный сотрудник отделения Научного центра противодействия коррупции Поволжского юридического института Российской правовой академии Министерства юстиции РФ
e-mail: sergsergivanov@rambler.ru

Книга Елена Викторовна – аспирант кафедры международного частного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: knigae@mail.ru

Коневская Ольга Юрьевна – кандидат социологических наук, начальник отдела по исследованию стратегических проблем управления, заместитель начальника научного центра Академии управления МВД России
e-mail: oniikni@mail.ru

Лимонова Екатерина Вячеславовна – аспирант кафедры управления персоналом Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: limonovaev@bk.ru

Морозова Галина Викторовна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью и прикладной политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета
e-mail: galina.morozova@kpfu.ru

Пилипенко Елена Александровна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры инженерной физики Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова
e-mail: e.pilipenko@bk.ru

Соколов Андрей Геннадиевич – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: acefalcon@yandex.ru

Тадтаев Христафор Багратович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного аграрного университета
e-mail: Tadtaw@info.sgau.ru

Трунёв Сергей Игоревич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: si_trounev@mail.ru

Рязанов Александр Владимирович – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: alexandr.ryazanov@gmail.com

Усынин Юрий Константинович – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: gmu@pags.ru

Фёдорова Анна Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

Хорольцева Елена Борисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: horolceva-e@mail.ru

Червонных Елена Валерьевна – кандидат юридических наук, научный сотрудник научного центра Академии управления МВД России
e-mail: kazanceva83@bk.ru

138   2014 ● ВЕСТНИК ПАГС

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg Yurievich Abakumov – Candidate of Science (History), Head of the Scientific-Organizational Department, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: abakumovoy@mail.ru

Davron Kakhramanovich Azizov – senior researcher, competitor for the Theory of Decision-Making Chair, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan

e-mail: Davron.Azizov@gmail.com

Dmitry Valerievich Akaev – Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the Sociology and Social Policy Chair, Solypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: d_akaev@mail.ru

Ekaterina Yurevna Antonyuk – senior lecturer of the English Chair, Stolyin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: eyu_antonyuk@mail.ru

Mikhail Aleksandrovich Vyadro – post-graduate student of Solypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: misha_vyadro@mail.ru

Alvina Narimanovna Gasanova – post-graduate student of the Theory of Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: llandag@mail.ru

Vladimir Nikolaevich Gasilin – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: gasilin2005@yandex.ru

Mikhail Valerievich Gorbachev – Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Institute of Politics, Law and Economics, Saratov State Academy of Law
e-mail: ussr-86@mail.ru

Marina Vladimirovna Demidova – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: demidovamv@rambler.ru

Nataliya Borisovna Zazaeva – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: zazaeva@mail.ru

Vyacheslav Alekseevich Ivanov – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Head of the Mathematics and Statistics Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafmathematics@piuis.ru

Sergey Sergeevich Ivanov – Doctor of Sciences (Politics), senior researcher of a department of the Scientific Anti-Corruption Center, Volga Region Law Institute of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the RF
e-mail: sergsergivanov@rambler.ru

Elena Viktorovna Kniga – post-graduate student of the International Private Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: knigae@mail.ru

Olga Yurievna Konevskaya – Candidate of Sciences (Sociology), Head of the Department of Strategic Problems Management Research, Deputy Head of the Scientific Center, Management Academy of the Interior Ministry of Russia
e-mail: oniikni@mail.ru

Ekaterina Vyacheslavovna Limonova – post-graduate student of the Personnel Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: limonovaev@bk.ru

Galina Viktorovna Morozova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Public Relations and Applied Political Science Chair, the Institute of Socio-Philosophic Sciences and Mass Communication of the Kazan (Volga Region) Federal University
e-mail: galina.morozova@kpfu.ru

Elena Aleksandrovna Pilipenko – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Docent of the Engineering Physics Chair, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov
e-mail: e.pilipenko@bk.ru

Andrey Gennadievich Sokolov – postgraduate student of the Political Science Chair, Stolyin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: acefalcon@yandex.ru

Khristafor Bagratovich Tadtaev – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Social Sciences and Humanities Chair, Saratov State Agrarian University
e-mail: Tadtaew@info.sgau.ru

Sergey Igorevich Trunev – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Philosophy Chair, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin
e-mail: si_trunev@mail.ru

Aleksandr Vladimirovich Ryazanov – Doctor of Sciences (Philosophy), Head of the Philosophy Chair, Stolyin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: alexandr.ryazanov@gmail.com

Yuri Konstantinovich Usynin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Public Administration Chair, Stolyin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: gmu@pags.ru

Anna Valerievna Fedorova – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Social Communications Chair, Stolyin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

Elena Borisovna Khoroltseva – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Social Communications Chair, Stolyin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: horolceva-e@mail.ru

Elena Valerievna Chervonnykh – Candidate of Sciences (Law), researcher of the Scientific Center, Management Academy of the Interior Ministry of Russia
e-mail: kazanceva83@bk.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Морозова Г.В.

Модернизация отечественной системы образования: итоги и оценки 4

Иванов С.С.

Легитимность как феномен политической культуры 12

Вядро М.А.

Анализ качественных показателей представительской деятельности депутатов
Государственной Думы четвертого и пятого созывов 19

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

26

Акаев Д.В.

Перспективы интеграции на евразийском пространстве
глазами интернет-пользователей
(по материалам поискового краудсорсинг-проекта) 26

Горбачёв М.В.

Проект Евразийского экономического союза
в дискурсивном пространстве СМИ 31

Азизов Д.К.

Сравнительный анализ систем государственных служб и государственного
управления: опыт развитых стран для Республики Узбекистан 36

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

41

Гасанова А.Н.

Принципы права: современные подходы 41

Коневская О.Ю., Червонных Е.В.

Зарубежный опыт уголовно-правового регулирования противодействия
злоупотреблениям свободой массовой информации 46

Книга Е.В.

Отказ от исполнения договора как способ прекращения обязательств 53

142   2014   ●   ВЕСТНИК ПАГС

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

58

Зазаева Н.Б.

Коммуникативные механизмы формирования общественного мнения
в сфере межэтнических взаимодействий современной России 58

Антонюк Е.Ю., Трунёв С.И.

Трансформация национального образа России в системе межкультурной
коммуникации 63

Фёдорова А.В., Хорольцева Е.Б.

Системные организационные риски: практики эффективного управления 72

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

80

Гасилин В.Н., Рязанов А.В.

Социально-философский анализ и критическая оценка проекта А.Г. Дугина «Евразия» . 80

Демидова М.В.

Социальные риски в условиях символического капитализма:
философия и методология исследования 87

Тадтаев Х.Б.

Диалектика генетических факторов и социально-этнических условий
в формировании интеллекта 93

Пилипенко Е.А.

Социальное время: онтологический аспект 99

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

107

Соколов А.Г.

Российские политические проекты в дискурсе праволиберальных СМИ
(по материалам издания «Ведомости») 107

Шамсиева М.В.

Направления минимизации налоговых рисков российских компаний
в современных условиях 113

Лимонова Е.В.

Научные подходы к развитию системы управления персоналом
в банковской сфере 120

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

125

Абакумов О.Ю.

Международная научно-практическая конференция «Россия – Германия:
опыт войны и мира (к 100-летию начала Первой мировой войны)»
(г. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, 13–17 октября 2014 г.) 125

Усынин Ю.К.

Рецензия на книгу: *Чернышкина Н.Я.* Молодежи об исторических уроках патриотизма и гражданственности. – Саратов:

Научная книга, 2014. – 416 с. 129

*Представляем кафедру математики и статистики
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ* 133

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

136

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Morozova G.V.

Modernization of the National Education System: Results and Assessment 4

Ivanov S.S.

Legitimacy as a Phenomenon of Political Culture 12

Vyadro M.A.

The Analysis of Quality Indicators of Representation of State Duma Deputies
from the Forth to Fifth Convocations 19

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

26

Akaev D.V.

Prospects of Integration in the Eurasian Space through the Eyes of Internet Users
(Based on a Search Crowdsourcing Project) 26

Gorbachev M.V.

The Project of the Eurasian Economic Union in the Discursive Space
of the Media 31

Azizov D.K.

Comparative Analysis of the Systems of Civil Services and Public Administration:
the Experience of Developed Countries to the Republic of Uzbekistan 36

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

41

Gasanova A.N.

The Principles of Law: Modern Approaches 41

Konevskaya O.Yu., Chervonnykh E.V.

Problems of improving the legal regulations
of countering media freedom overindulgence 46

Kniga E.V.

The Refusal to Perform the Contract as a Way to Terminate the Obligations 53

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

58

Zazaeva N.B.

Communicative Mechanisms for the Formation of Public Opinion in the Sphere
of Interethnic Interactions in Modern Russia 58

Antonyuk E.Yu., Trunev S.I.	
Transformation of the Russian National Image in the System of the Cross-Cultural Communication	63
Fedorova A.V., Khoroltseva E.B.	
System Organizational Risks: Practices of the Effective Management	72

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

80

Gasilin V.N., Ryazanov A.V.	
The Project "Eurasia" by A.G. Dugin: Socio-Philosophical Analysis and Critical Evaluation	80
Demidova M.V.	
Social Risks in Conditions of Symbolic Capitalism: Philosophy and Methodology of the Research	87
Tadtaev K.B.	
Dialectics of Genetic Factors and Social and Economic Conditions in Intelligence Formation	93
Pilipenko E.A.	
Social Time: Ontological Aspect	99

**PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA:
YOUNG SCIENTISTS' VIEW**

107

Sokolov A.G.	
Russian Political Projects in Right-Wing Liberal Mass-Media Discourse (Based on Publications by "Vedomosti" Newspaper)	107
Shamsieva M.V.	
Directions of Russian Companies' Tax Risks Minimization under Current Conditions	113
Limonova E.V.	
Scientific Approaches to the Development of Human Resources Management in the Banking Sector	120

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

125

Abakumov O.Yu.	
International Scientific and Practical Conference "Russia – Germany: the Experience of War and Peace" (Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, October 13, 2014)	125
Usynin Yu.K.	
Book Review: Chernyshkina, N.Ya. To the Youth about Historical Lessons of Patriotism and Citizenship. – Saratov: Nauchnaya kniga, 2014. – 416 pp.	129
We Present the Mathematics and Statistics Chair of Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration	133

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

136

146   2014 ●   ВЕСТНИК ПАГС

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 5 (44)

Редакторы *Ю.Н. Бирюкова, Е.В. Феклистова, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *Е.Ю. Голубевой*

Тем. план 2014 г., п. № 899

Подписано к печати 26.10.2014 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 11,93. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 500. Заказ 529.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителе, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 65 35 77

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>